

№ 1 (49) 2025
ISSN 2305-8838

Ученые записки
Национального
общества
прикладной
лингвистики

**Национальное общество прикладной
лингвистики (НОПриЛ)**

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
НАЦИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕСТВА ПРИКЛАДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ**

**Научно-исследовательский
журнал**

№ 1 (49)

**МОСКВА
2025**

УДК 81'33(063)

ББК 81.1я431

У 91

Главный редактор:

д. филол.н., профессор С.Г. Тер-Минасова (МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

Заместитель главного редактора:

д.филол.н., доцент Н.А. Ахренова (РУДН им. П.Лумумбы, г. Москва)

Технический редактор:

Ph.D. М.Н. Дубинина
(НИУ ВШЭ, г. Москва)

У 91 Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. М.: НОПриЛ, 2025 – 131 с.

ISSN 2305-8838

Материалы журнала содержат статьи, посвященные актуальным проблемам изучения и преподавания родного и иностранного языков, межкультурной коммуникации, перевода и другим аспектам современной лингвистической и педагогической наук.

ISSN 2305-8838

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

(Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор))

ПИ № ФС77-52630 от 25 января 2013 г.

Учредитель Национальное общество прикладной лингвистики. Адрес учредителя: 127572, Москва, ул. Новгородская, д. 22, к. 3, Председатель редакционной коллегии проф. Тер-Минасова С.Г. Подписано в печать 19.05.25. Формат 60х90/16. Усл.печ.л. 20,8. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

© Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ)

© Авторы статей

Редакционная коллегия

Богданова Л.И.

д.филол.н., профессор (МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

Добросклонская Т.Г.

д.филол.н., профессор (МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

Зененко Н.В.

д.филол.н., профессор (Военный университет имени Великого князя
Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва)

Калинин О.И.

д.филол.н., доцент (Военный университет имени Великого князя Александра
Невского Министерства обороны РФ, г. Москва)

Карасик В.И.

д.филол.н., профессор (Государственный институт русского языка им. А.С.
Пушкина, г. Москва)

Курбакова С.Н.

д.филол.н., доцент (МГИМО(У) МИД РФ, г. Москва)

Иванова О.Ю.

к. культ., доцент (Союз переводчиков России, г. Москва)

Карпова О.М.

д.филол.н., профессор (ИвГУ, г. Иваново)

Киосе М.И.

д.филол.н., доцент (Институт языкознания РАН)

Ксензенко О.А.

к.филол.н., доцент (МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

Липгарт А.А.

д.филол.н., профессор (МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

Максименко О.И.

д.филол.н., профессор (ГУП, г. Москва)

Моисеенко Л.В.

д.филол.н., профессор (МГЛУ, г. Москва)

Полубиченко Л.В.

д.филол.н., профессор (МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

Чеснокова О.С.

д.филол.н., профессор (РУДН, г. Москва)

Robert Ilson

(University College London)

Zhong Weihe

(Guangdong University of Foreign Languages)

Ян Кэ

профессор (Университет иностранных языков и внешней торговли, г.
Гуанчжоу)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Васильева Д.В.	
Коронавирусная лексика: лингвистический отклик на глобальную пандемию в эпоху цифровых технологий	7
Казакова И.Е., Фелелова К.В.	
Феномен «на кончике языка» и лексико-семантическая аттриция во время обучения иностранному языку	20
Казаченкова Н.В.	
Адъективы с оценочным значением в новостных пропозициях	35
Макарова К.Н.	
Гипертекстуальность коммуникативной среды на платформах цифрового самоиздания	49
Степанян Е.И.	
Лингвистическое осмысление: роль американского молодежного сленга в отражении культурных реалий	60
Юсупова С.М.	
Человеческие отношения в семантике идиом	71

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Клевенская Ю.С.	
Особенности мужской и женской речи в переводе японских анимационных фильмов на русский и английский языки	84

СТИЛИСТИКА И АНАЛИЗ ДИСКУРСА

Воробьева Е.Ю.	
К проблеме эмотивности в языке политики	98
Лентовская А.В.	
Лабильность глаголов и ее связь с регулярной многозначностью (на примере итальянского языка)	108
Список авторов	125

CONTENTS

LEXICOLOGY AND LEXICOGRAPHY

Daria Vasilyeva	
The Coronavirus Lexicon: a Linguistic Response to a GlobalPandemic in the Digital Era	7
Irina Kazakova, Kristina Fefelova	
The Phenomenon “Tip-of-the-Tongue” and Lexico-Semantic Attrition during the Process of Studying a Foreign Language	20
Natalya Kazatchenkova	
Adjectives with Evaluative Meaning in News Propositions	35
Kristina Makarova	
The Hypertextuality of Communicative Environment on Digital Self-Publishing Platforms	49
Evgenia Stepanyan	
Linguistic Reflections: The Role of American Youth Slang in Mirroring Culture-Specific Elements	60
Seda Yusupova	
Human Relations in the Semantics of Idioms	71

TRANSLATION STUDIES

Yulia Klevenskaya	
Male and female speech peculiarities in translation of animated films into Russian and English	84

STYLISTICS AND DISCOURSE ANALYSIS

Elena Vorobyeva	
On the Problem of Emotiveness in the Language of Politics	98
Anna Lentovskaya	
Verbal Lability and its Relationship with Regular Polysemy (in Italian)	108
List of authors	125

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

УДК 81'33

Васильева Дарья Валерьевна
Daria Vasilyeva

Коронавирусная лексика: лингвистический отклик на глобальную пандемию в эпоху цифровых технологий

The Coronavirus Lexicon: a Linguistic Response to a Global Pandemic in the Digital Era

Аннотация. В данной статье автор рассматривает лингвистические последствия пандемии COVID-19, проявившиеся в стремительном обновлении лексикона английского языка. Основное внимание уделяется анализу возникших в этот период неологизмов, которые отражают трансформации во всех сферах жизни – от медицины и экономики до социальных и психологических состояний. Исследование показывает, что пандемия активизировала все основные словообразовательные модели английского языка (аффиксацию, словосложение, блендинг, аббревиацию), а также привела к некоторым семантическим сдвигам. Автор систематизирует неологизмы по тематическим группам, включая медицинскую терминологию, меры противодействия вирусу, социальные изменения, экономические последствия и психологические аспекты. Особый акцент делается на роли цифровых коммуникаций и социальных сетей в распространении новых слов, что обусловило высокую скорость их интеграции в языке. Автор подчеркивает, что многие неологизмы обладают яркой эмоциональной окраской, отражая общественные настроения и коллективный опыт кризиса. Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к изучению новых пандемий COVID-19, сочетающем лингвистический анализ с социокультурным контекстом. Статья вносит вклад в развитие неологии, когнитивной лингвистики и неографии, предлагая новые данные о механизмах языковой адаптации к глобальным вызовам. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением устойчивости пандемийной лексики и ее влияния на долгосрочные языковые тенденции.

Abstract. In this article the author studies the linguistic effects of the COVID-19 pandemic, reflected in the rapid change in the lexicon of the English language. The main attention is paid to the analysis of neologisms emerged during this period, reflecting transformations in all spheres of life - from medicine and economy to social and psychological states. The present study demonstrates that the pandemic activated all the primary word-formation models of the English language (affixation, collocation, blending, abbreviation), and also led to semantic shifts. The author has undertaken a systematic classification of neologisms, grouping them into thematic categories. These include medical terminology, countermeasures, social changes, economic consequences and psychological aspects. The role of digital communications and social networks in the spread of new words is emphasized, as is the high speed of their integration into the language. The author underlines that numerous neologisms exhibit a vivid emotional colouring, reflecting public sentiment and collective experience of crisis. The scientific significance of the work lies in the complex approach, combining linguistic analysis with the socio-cultural context. The article makes a significant contribution to the development of neology, cognitive linguistics and lexicography, offering novel data on the

mechanisms of linguistic adaptation to global challenges. The potential for further research in this area relates to the study of the sustainability of pandemic vocabulary and its impact on long-term linguistic trends.

Ключевые слова: неологизмы, пандемия COVID-19, неология, словообразование, социолингвистика, лексические изменения, цифровая коммуникация, языковая адаптация

Keywords: neologisms, COVID-19 pandemic, neology, word formation, sociolinguistics, lexical changes, digital communication, language adaptation

Введение

Пандемия COVID-19 стала глобальным кризисом, затронувшим все сферы человеческой жизни – от медицины и экономики до повседневной коммуникации. Одним из наиболее заметных её последствий стало стремительное обновление лексикона английского языка, в котором за короткий срок сформировался обширный пласт неологизмов, отражающих новые реалии.

Лингвистическая реакция на пандемию оказалась значительной: по данным *Oxford English Dictionary*, только за первые месяцы 2020 года в английский язык вошло больше новых слов, чем за аналогичные периоды предыдущих эпидемий (например, *SARS* или *испанского гриппа*)¹. Такая динамика объясняется не только экстраординарностью самой ситуации, но и ключевой ролью цифровых коммуникаций, где неологизмы мгновенно распространяются через соцсети, СМИ и научный дискурс.

Изучение этих лексических инноваций представляет научный интерес по нескольким причинам.

Во-первых, язык является отражением социальных изменений. Неологизмы (*lockdown*, *Zoom fatigue*, *infodemic*) фиксируют трансформации в поведении людей, их психологии и новых технологиях.

Во-вторых, возникшие в период пандемии неологизмы стимулировали активизацию основных моделей английской деривации (сложение основ или блендинг, аффиксальное образование, сокращение и т.д.), наглядно иллюстрируя пластичность и динамизм языка. Впоследствии значительная часть данной лексической группы была адаптирована

¹ Words of an unprecedented year 2020 [Электронный ресурс] URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2020/> (дата обращения 20.03.2025).

посредством заимствования и последующей интеграции в другие языки мира.

В-третьих, значительное число новообразований, «ковидизмов» (*covidiot, maskne*) обладает ярко выраженной эмоционально-экспрессивной окраской, что позволяет рассматривать их как индикатор общественных настроений и прагматического аспекта лингвокреативного процесса.

В-четвёртых, некоторая часть неологизмов была зафиксирована известными авторитетными словарями английского языка (*OED, Merriam-Webster, Cambridge Dictionary, Collins Dictionary и др.*), однако дальнейшая жизнестойкость и устойчивость новых слов требует их детального изучения, что является вызовом для современных лексикографов.

Анализ неологизмов COVID-19 позволяет не только описать лингвистические механизмы адаптации языка к кризису, но и выявить связи между языком, культурой и коллективным сознанием эпохи пандемии.

Цель настоящей статьи заключается в описании и систематическом анализе англоязычных неологизмов, появившихся в условиях пандемии COVID-19, с акцентом на изучение их семантических характеристик и механизмов образования. В статье предпринимается попытка:

1. классифицировать новые лексические единицы по тематическим группам (медицинская терминология, меры противодействия пандемии, социальные изменения, экономические последствия, психологические и поведенческие аспекты);
2. описать основные модели их формирования (словосложение, аффиксация, конверсия, блендинг, аббревиация) с приведением статистически значимых примеров;
3. определить степень влияния экстралингвистических факторов (таких как цифровизация коммуникации, глобализация медиапространства и научно-технический прогресс) на скорость и способы их закрепления в языке.

Особое внимание уделяется когнитивному и социокультурному аспектам, позволяющим проследить, как

языковые инновации отражают трансформацию коллективного сознания в условиях кризиса.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу неологизмов эпохи COVID-19, который включает: выявление и систематизацию ранее не описанных в лингвистической литературе лексических единиц, связанных с пандемией, с учетом их тематического разнообразия; анализ лингвистических особенностей этих неологизмов; определение степени влияния цифровой среды на процессы неологизации.

Работа вносит вклад в развитие неологии, социолингвистики и когнитивной лингвистики, предлагая описание языковых изменений, вызванных глобальным кризисом начала 2020-х годов.

Результаты и дискуссия

Неология представляет собой относительно молодую и стремительно прогрессирующую отрасль лингвистики, предметом изучения которой являются механизмы порождения, функционирования и фиксации новой лексики в структуре языка. В последнее время замечен значительный рост количества научных работ современных лингвистов, изучающих вопросы неологии и неографии. В качестве примера можно привести одни из последних публикаций следующих учёных: А.А. Богатыревой [Богатырева, 2023], М.В. Избицкой [Избицкая, 2021], В.В. Катерминой [Катермина, 2025], И.С. Криворучко [Криворучко, 2023], С.Х. Липириди [Липириди, 2025] и многих других.

Возрастающий научный интерес к данному разделу языкознания в течение последних десятилетий свидетельствует о его высокой значимости и потенциале дальнейшего развития, обусловленных ускоренным темпом технологического прогресса и масштабными социально-культурными изменениями, способствующими интенсификации процессов обновления языковой системы, требующих оперативного научного реагирования. Данное суждение подтверждается современными учеными. Как справедливо отмечает С.А. Маник, «появление неологизмов в области общественно-политической жизни детерминировано тенденциями развития самого языка, информационных технологий и общества» [Маник, 2016: 62].

На сегодняшний день в лингвистике не существует единого общепринятого определения неологизма, что связано с разными критериями новизны (хронологическим, психолингвистическим, функциональным); разнообразием подходов (лексикографического, корпусного, социолингвистического); динамичностью языковых процессов, затрудняющей четкое разграничение неологизмов и окказионализмов.

Традиционно, отечественные ученые описывают неологизмы как «слова или значения, появившиеся в языке в определенный период и осознаваемые носителями как новые» [Кубрякова, 2004: 12], а также как «лексические или семантические инновации, зафиксированные в речи и обладающие потенциалом закрепления в языковой системе» [Заботкина, 1989: 25].

Приведенные идеи отечественных исследователей подчеркивают два ключевых аспекта неологизмов: их временную маркированность (связь с конкретным историческим периодом) и субъективное восприятие новизны носителями языка. При этом определение В. И. Заботкиной акцентирует динамический характер неологизмов, выделяя их как инновации, находящиеся в процессе интеграции в языковую систему.

Оба подхода к определению новых слов дополняют друг друга: первое фиксирует критерий определения неологизма, второе – его потенциал развития. Это позволяет рассматривать неологизмы не как статичные единицы, а как элементы непрерывного языкового обновления, что особенно значимо для анализа лексики эпохи COVID-19, где многие образования находятся на разных стадиях лексикализации.

В свою очередь среди зарубежных исследователей возможно выделить несколько подходов к определению неологизмов. Так, Л. Бауэр считает, что неологизм – это «слово, которое носители языка воспринимают как новое в конкретный временной отрезок, независимо от его дальнейшей судьбы» [Bauer, 1998: 15]. Другой известный лингвист, П. Ньюмарк определяет новые слова как «недавно созданные лексические единицы или существующие лексические единицы, которые приобретают новый смысл» [Newmark, 1995].

Несмотря на терминологические нюансы, базовые принципы определения неологизмов совпадают в рамках связи с конкретным временным периодом, важности восприятия носителями, а также учета как формальных, так и семантических инноваций.

Такое интегрированное понимание феномена неологизма особенно важно для изучения ковид-лексики, где часть единиц уже закрепились в лексиконе (*lockdown*), часть находится в процессе (*long COVID*), а некоторые остались окказионализмами (*covidivorce*).

Таким образом, в данной работе под неологизмами ковид понимаются лексические или семантические инновации, возникшие в английском языке в связи с пандемией COVID-19. Именно на это определение мы будем опираться в дальнейшем анализе.

Как уже было сказано, пандемия COVID-19 затронула многие аспекты привычной жизни людей по всему миру. Многообразие тематических групп неологизмов COVID-19 может служить тому подтверждением. Так, в рамках медицинской терминологии появились такие новые слова как *long COVID* (постковидный синдром, сохраняющийся после выздоровления); *maskne* (акне на лице, образующиеся от длительного ношения маски); *flurona* (одновременное заражение гриппом и COVID-19, а также названия вакцин, например, *Sputnik V* (вакцина для профилактики коронавирусной инфекции COVID-19, разработанная отечественными учёными).

Меры противодействия пандемии были предприняты во многих странах и включали *lockdown* (временный режим, введённый государственными органами (например, во время вспышки COVID-19), при котором большинство людей должны воздерживаться или ограничивать деятельность вне дома, связанную с контактами с общественностью (например, обедать или посещать большие собрания)), *cocooning* (добровольная самоизоляция (особенно пожилых и уязвимых людей) для защиты от заражения коронавирусом до снятия официальных ограничений).

Изменения в обществе и его жизни отражаются в неологизмах: *zoom fatigue* (усталость от видеоконференций);

quaranteam (круг людей, с которыми контактирую во время изоляции); *elbow bump* (замена привычному рукопожатию, когда при встрече люди ударяются локтями, тем самым соблюдая меры предосторожности).

Новые слова, иллюстрирующие перемены в сфере экономики: *shecession* (экономический спад, вызванный коронавирусом, повлиявший на женщин); *keyworker* (работник жизненно важной сферы (медики, продавцы, водители)); *ghost kitchen* (ресторан, работающий только на доставку).

Пандемия также оказала значительное влияние на поведение и психологическое состояние людей: *doomscrolling* (навязчивое чтение негативных новостей); *coronasomnia* (бессонница, вызванная стрессом от COVID-19); *blursday* (ощущение, что дни сливаются в один из-за изоляции).

Проанализировав некоторые тематические группы ковидизмов, можно сделать вывод о том, что COVID-19 трансформировал большую часть сфер человеческой жизни. Такой объем языковых изменений подчеркивает, что пандемия стала не временным кризисом, а мощной социальной трансформацией, последствия которой продолжают влиять на язык и общество по настоящее время.

Основываясь на современные исследования классификации неологизмов [Fang, 2021: 79], новые слова пандемийного периода можно разделить на несколько категорий:

1. Семантические неологизмы – новые значения существующих слов (например, *essential worker*).

2. Словообразовательные неологизмы – созданные по продуктивным моделям: аффиксация (*anti-vaxxer*); словосложение (*zoom fatigue*); блендинг (*covidiot* от covid + idiot); аббревиации (*PPE*), конверсия (*to zoom*).

3. Заимствования (например, *omicron* (греч.) – вариант SARS-CoV-2, выявленный в ноябре 2021 года).

Таким образом необходимо подчеркнуть, что пандемия коронавируса способствовала наполнению английского языка новыми словами, образованными разнообразными средствами словообразования, что подтверждает тезис о богатом и широком словообразовательном потенциале данного периода.

Появление неологизмов в языке обусловлено комплексом взаимосвязанных факторов, среди которых можно выделить три основные группы.

Социальные факторы связаны с изменениями в общественной жизни – пандемия COVID-19 наглядно продемонстрировала, как новые реалии (карантин, удалённая работа, вакцинация) требуют оперативного языкового отражения.

Технологические факторы включают развитие цифровых коммуникаций (платформы (например, Zoom) способствовали появлению новых терминов: *zoom fatigue*, *zoombombing* и т.д.), научные открытия (названия вакцин (например, *Sputnik V*) и социальные сети, ускоряющие распространение новых слов.

Экстралингвистические факторы охватывают политические решения (терминология ВОЗ), экономические кризисы (*shecession*), культурные тренды и даже психологические состояния общества (*doomscrolling*), формирующие потребность в новых обозначениях. Особенностью пандемийного периода стало беспрецедентное взаимодействие этих факторов: социальная изоляция стимулировала технологические решения, которые, в свою очередь, порождали новые социальные практики и соответствующие языковые инновации. При этом глобальный характер кризиса обеспечил почти мгновенное проникновение неологизмов в разные языковые системы.

Современные неологизмы рождаются в разнообразных источниках, каждый из которых вносит свой уникальный вклад в обогащение языка. Так, средства массовой информации выступают в качестве ключевого канала распространения неологизмов, обеспечивая их стремительное включение в языковое сознание социума. Ярким примером служат термины пандемийного дискурса (*lockdown*, *social distancing*), которые, благодаря росту упоминаний в СМИ, достигали максимальной частотности в предельно сжатые временные сроки.

Социальные сети создают особую среду для вирусного распространения языковых инноваций, что способствует трансформации окказиональных образований в устойчивые лексические единицы. Процесс глобализации пользовательского контента приводит к тому, что единичные лексические

инновации (например, *covidiot*) приобретают статус интернациональных языковых маркеров современной реальности. Так, данный термин был заимствован в русский язык с помощью транслитерации: *ковидиот*. В социальных сетях наблюдается пик использования неологизма с 2020 по 2021 год. Медиясловарь ключевых слов текущего момента DATASLOV¹, оперативно фиксирующий нововведения русского языка включил словарную статью неологизма *ковидиот*² в свой словарь.

Научный дискурс сохраняет свою значимость как источник терминологических новообразований (*spike protein*, *mRNA vaccine*), однако характер их употребления в языковом пространстве претерпел существенные изменения. Современные информационные технологии обеспечивают практически мгновенную трансформацию специальной лексики в общепотребительном пласте языка.

Особого внимания заслуживает роль разговорной речи как генератора эмотивно-оценочных неологизмов (*doomscrolling*, *quarantini*). В условиях социальной изоляции и цифровизации именно онлайн общение становится основной средой объединения коллективного языкового опыта, отражающего психоэмоциональные состояния социума.

Анализ пандемийной лексики выявляет выраженную эмоциональную доминанту современного словотворчества. Такие образования, как *coronasomnia*, *blursday* и *maskne*, выполняют не только номинативную, но и экспрессивную функцию, вербализуя массовые психологические реакции на кризисные явления. Данная тенденция контрастирует с неологическими процессами индустриальной эпохи, где преобладали термины, обслуживающие научно-технический прогресс (*television*, *computer*).

Кардинальное изменение претерпела сама парадигма образования лексических инноваций. Если в XX веке процесс неологизации носил преимущественно «вертикальный» характер

¹ DATASLOV [Электронный ресурс] URL: <https://dataslov.ru/> (дата обращения 10.04.2025).

² Ковидиот DATASLOV [Электронный ресурс] URL: <https://dataslov.ru/word/kovidiot/> (дата обращения 10.04.2025).

(от научных институций к массовому сознанию), то современная эпоха характеризуется доминированием «горизонтальных» моделей, когда источником неологизмов становятся спонтанные языковые практики обычных носителей языка. Социальные медиа, выступая в роли площадок для отражения языковых изменений, трансформируют индивидуальное словотворчество в коллективное языковое достояние.

Заключение

Пандемия COVID-19 стала причиной языковых изменений, продемонстрировав необычайную гибкость и адаптивность английского языка. Анализ неологизмов данного периода подтверждает высокую продуктивность всех основных словообразовательных моделей, среди которых особенно выделяются аффиксация, словосложение, блендинг, аббревиация и конверсия. При этом семантические сдвиги (*to zoom*, *to quarantine*) оказались не менее значимыми, чем создание абсолютно новых лексических единиц. Важно отметить, что скорость их появления и распространения значительно превысила аналогичные процессы в предыдущие кризисные периоды, что объясняется глобализацией медиапространства и стремительной цифровизацией в процессах коммуникации современных людей.

Неологизмы эпохи COVID-19 представляют собой ценный материал для изучения взаимосвязи языка и общества, поскольку они не только фиксируют новые реалии, но и отражают коллективные эмоции, социальные тренды и технологическое развитие. Такие слова, как *doomscrolling*, *long COVID* или *shecession*, стали маркерами психологических состояний, гендерных и экономических последствий пандемии, демонстрируя, как язык оперативно реагирует на вызовы времени. При этом часть лексики (*lockdown*, *social distancing*) уже прочно вошла в общий словник современных английских словарей общеупотребительной лексики, тогда как другие единицы (*covidivorce*, *quarantini*) остались ситуативными образованиями, что подчеркивает избирательность языковой системы в закреплении инноваций.

Перспективы дальнейшего исследования неологизмов COVID-19 могут быть связаны с динамикой развития новых слов:

какие из них сохранятся в языке, а какие исчезнут вместе с актуальностью обозначаемых явлений. Особый интерес представляет их лексикографическая фиксация – процесс, который требует постоянного мониторинга, учитывая неравномерную устойчивость новых слов. Таким образом, изучение неологизмов COVID-19 остается перспективным направлением, объединяющим лингвистику, социологию и когнитивные науки в исследовании того, как язык адаптируется к глобальным потрясениям.

Литература

1. Богатырева А.А. Новые тенденции развития англоязычной онлайн-лексикографии / А. А. Богатырева // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. – 2023. – № 4-2. – С. 262-268.
2. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка / В.И. Заботкина. – М.: Высшая школа, 1989. – 126 с.
3. Избицкая М.В. Английские аббревиатуры-неологизмы (по материалам словаря Wordspy) / М. В. Избицкая, В. А. Метелев // Актуальные вопросы лингвистики, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков в вузе: Материалы IV Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 25 мая 2021 года / Отв. редакторы Л.Г. Юсупова, Ю.М. Мясникова. – Екатеринбург: Уральский государственный горный университет, 2021. – С. 90-94.
4. Катермина В.В. Искусственный интеллект в англоязычном неологическом дискурсе как отражение духовных ориентиров народа / В. В. Катермина // Дух, душа и тело в мировой культуре : материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 04 декабря 2024 года. – Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2025. – С. 104-107.
5. Криворучко И.С. Антиценностные категории англоязычных неологизмов деловой дискурсивной сферы / И. С. Криворучко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 1242-1247.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира // М.: Языки славянской культуры, 2004.- 560 с.
7. Липириди С. Х. Гастрономические неологизмы в английском языке / С. Х. Липириди // Междисциплинарные аспекты лингвистических

исследований: Сборник научных трудов. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2025. – С. 191-198.

8. Маник С.А. Неологизмы vs неополитизмы в английской общественно-политической терминологии / С. А. Маник // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2016. – № 2(14). – С. 57-63.
9. Bauer L. Vocabulary / Laurie Bauer. — London: Routledge, 1998. – 88 p.
10. Fang Y.-Q. A Glimpse at the Study of English Neologism // Business Prospects / Chinese Creativity and Innovation Development Association (CCIDA). — 2021. — Vol. 2, No. 2. — Pp. 78–84.
11. Newmark P. A Textbook of Translation / Peter Newmark. – Phoenix, 1995.

References

1. Bogatyreva A. A. New trends in the development of English-language online lexicography / A. A. Bogatyreva // Language and Culture in the era of integration of scientific knowledge and professionalisation of education. - 2023. - № 4-2. - P. 262-268 (in Russian).
2. Zabotkina V.I. New vocabulary of the modern English language / V.I. Zabotkina. – Moscow: Higher School, 1989. – 126 pp (in Russian).
3. Izbitskaya M. V. V. English abbreviations-neologisms (on the materials of Wordspy dictionary) / M. V. Izbitskaya, V. A. Metelev // Actual issues of linguistics, intercultural communication and methods of teaching foreign languages in higher education: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference, Ekaterinburg, 25 May 2021 / Editors-in-Chief L.G. Yusupova, Y.M. Myasnikova. - Ekaterinburg: Ural State Mining University, 2021. - P. 90-94 (in Russian).
4. Katermina V. V. V. Artificial intelligence in the English-language neologic discourse as a reflection of the spiritual guidelines of the people / V. V. Katermina // Spirit, soul and body in world culture: proceedings of the III All-Russian scientific and practical conference, Voronezh, 04 December 2024. - Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025. - P. 104-107 (in Russian).
5. Krivoruchko I. S. S. Anti-value categories of English neologisms of business discourse sphere / I. S. Krivoruchko // Philological Sciences. Voprosy teorii i praktika. - 2023. - T. 16, № 4. - P. 1242-1247 (in Russian).
6. Kubryakova E.S. Language and Knowledge: On the Way of Obtaining Knowledge about Language: Parts of Speech from the Cognitive Point

- of View. The Role of Language in Cognition of the World // M.: Languages of Slavic Culture, 2004. – 560 pp (in Russian).
7. Lipiridi S. H. Gastronomic neologisms in English / S. H. Lipiridi // Interdisciplinary aspects of linguistic research: Collection of scientific papers. - Krasnodar: Kuban State University, 2025. - P. 191-198 (in Russian).
 8. Manik S. A. Neologisms vs neopolysms in English socio-political terminology / S. A. Manik // Scientific Notes of the National Society of Applied Linguistics. - 2016. - № 2(14). - P. 57-63 (in Russian).
 9. Bauer L. Vocabulary / Laurie Bauer. - London: Routledge, 1998. – 88 pp.
 10. Fang Y.-Q. A Glimpse at the Study of English Neologism // Business Prospects / Chinese Creativity and Innovation Development Association (CCIDA). – 2021. – Vol. 2, No. 2. P. 78-84.
 11. Newmark P. A Textbook of Translation / Peter Newmark. – Phoenix, 1995.

Статья поступила в редакцию 15.01.2025

Статья одобрена после рецензирования 10.04.2025

Статья принята к публикации 15.05.2025

УДК 81

Казакова Ирина Евгеньевна
Irina Kazakova
Фефелова Кристина Валерьевна
Kristina Fefelova

Феномен «на кончике языка» и лексико-семантическая аттриция во время обучения иностранному языку

The Phenomenon “Tip-of-the-Tongue” and Lexico-Semantic Attrition during the Process of Studying a Foreign Language

Аннотация. Языковая аттриция – это явление, при котором индивиды теряют уровень владения языком, который ранее знали или использовали на высоком уровне. Это может происходить по различным причинам, включая недостаточное использование языка, ограниченное взаимодействие с ним или переход на новый язык. В рамках этого процесса наблюдается лексико-семантическая аттриция, особенно выраженная в лексической системе. Одним из проявлений лексико-семантической аттриции является феномен «на кончике языка» (Tip-of-the-Tongue, TOT), когда человек не может вспомнить знакомое слово или название несмотря на то, что ранее имел с ним дело. Это явление продолжает оставаться объектом интереса в исследованиях психологии и когнитивной науки. Несмотря на обширные исследования языковой аттриции, концепция истощения до сих пор не получила всестороннего понимания из-за неопределенности в отношении основных механизмов и факторов, способствующих её возникновению. Цель данного исследования заключается в выявлении и демонстрации феномена лексической аттриции и TOT как проблемы, возникающей при обучении переводу студентов лингвистических специальностей. Исследуемые материалы включают статьи и учебники, посвященные феномену языковой аттриции и явлению «на кончике языка», раскрывающему их влияние на учащихся. В исследовании использовались методы сравнительного анализа, классификации и описания темы. Результаты показали, что большинство студентов ежедневно сталкиваются с языковым истощением при изучении иностранного языка. Это свидетельствует о том, что проблема тесно связана с механизмами запоминания и требует дальнейшего изучения для разработки эффективных методов обучения.

Abstract. Language attrition is a phenomenon that occurs when individuals lose proficiency in a language they once knew or spoke fluently due to a variety of reasons, as a usage lack, limited exposure to the language, or the adoption of a new primary language. According to language sub-systems, there is lexico-semantic attrition. It is commonly acknowledged that the lexical system is particularly prone to attrition in language domains. It leads to a phenomenon “Tip-of-the-Tongue” (TOT) when an individual is unable to recall a familiar word or name despite having known it. Within psychology and cognitive science surveys still its intriguing nature prevails. Despite the extensive research on language attrition process, the concept of attrition still lacks a comprehensive understanding being vague of the underlying mechanisms and factors that drive its occurrence. The aim of the current research is to reveal and demonstrate the occurrence of lexical attrition and TOT phenomenon as a challenge that emerges during the instruction of translation to students majoring in linguistics, implementing an educational experiment. Materials under research includes articles and textbooks dedicated to the phenomenon of language attrition and TOT experience, revealing their influence on students.

The work employed several scientific methods, including the method of comparative analysis, the method of classification as well as the method of description of the topic. The results have shown that the majority of students faces the language attrition on daily basis while learning the foreign language. It has become evident that this issue is deeply connected with memory mechanisms.

Ключевые слова: языковая аттриция, лексическое истощение, концепция аттриции, «на кончике языка» (TOT), восстановление памяти

Keywords: language attrition, lexical exhaustion, concept of attrition, tip-of-the-tongue (TOT), memory retrieval

Introduction

In today's globalized world, many students are exposed to multiple languages on a daily basis through media, technology, and interactions with people from different linguistic backgrounds. This constant exposure can lead to confusion and mixing of languages in speech and writing, making it difficult for students to maintain proficiency in any one language.

It is a paramount of importance to pay closer attention to any kind of memory mechanisms during studying a foreign language. Extensive research has been conducted to understand the process of language attrition, but the concept of attrition still lacks a comprehensive understanding. This results in a vague comprehension of the underlying mechanisms and factors that drive its occurrence.

One reason for the limited understanding of language attrition is the lack of consensus among researchers on how to define and measure this process. Some scholars view language attrition as a natural result of disuse or lack of exposure to a particular language, while others believe it is influenced by cognitive factors such as interference from other languages or changes in memory retrieval processes.

Language attrition has emerged onto the phenomenon so-called "Tip-of-the-tongue" (TOT). According to S. A. Kozlovskiy, when a person struggles to recall a familiar word, they may experience the phenomenon [Lee, 2024: 15]. During this state, the person can remember certain details about the word, such as its first letter or number of syllables. They may also be able to recollect synonyms that are ultimately incorrect, as well as identify morphologic characteristics like the position of the accented syllable. This phenomenon is not limited to any specific culture and is observed globally. Also, the frequency of TOT occurrence tends to increase

with age, with elderly individuals experiencing it more frequently [Lee, 2024: 66].

Additionally, there is a need for more profound studies that track people over time to better understand how and why language attrition occurs. By following participants as they exist in various linguistic environments and contexts, researchers can gain insight into the specific triggers and patterns associated with language loss.

The Objective of the Research

The aim of the study is to examine the terms of language and lexical attrition and give some useful recommendations to overcome the errors and problems that occur during the studying of the English language process. With the analysis of the convey of the students who are learning the English language is observed.

Methodology

The study is based on the works of the language attrition of such linguist researchers as F. Gallo, B. Bermudez-Margaretto, Y. Y. Shtyrov, J. Abutalebi, T. D. Chitaya, H. Kreiner, A. A. Petrova and A. V. Myachykov who have provided the study on language exhaustion as linguistic phenomenon observing it from the point of neuroscience [Gallo et al., 2021]. Linguists B. Köpke, M. S. Schmid gave the basis of the definition the term of the language attrition [Schmid, 2022; Köpke, 2021]. L. A. Fromont, D. Singleton and J. Lesniewska observed Critical Period Hypothesis in the research of language acquisition which was proposed by E. H. Lenneberg [Fromont, 2023; Singleton, Lesniewska, 2024]. The framework on loss of memory processes conducted by M. I. Eliseykina, T. V. Kuprina [Eliseykina, Kuprina, 2020]. Qin Jing and A. Lee analysed the basis of the phenomenon “Tip-of-the-Tongue” that was proposed by linguists R. C. Gardner and the brain work of this state by S. A. Kozlovskiy [Qin, 2021; Lee, 2024]. The cognitive processes during the work of the TOT are described by L. E. James, D. M. Burke. Additionally, A.A. Vorozhbitova with A. V. Timofeyev described the linguodidactic side of this phenomenon [Vorozhbitova, 2020]. M. I. Eliseykina, T. V. Kuprina analysed their contribution to the topic [Eliseykina, Kuprina, 2020].

The research employed several scientific methods, including classification, description, and analysis, all grounded in the study material related to the work’s topic.

Language Attrition

First of all, it is needed to turn to the definition of the phenomenon of “attrition” given by B. Köpke, the professor at Neuropsycholinguistics from University of Toulouse. The author has contributed to research in topics: Language attrition & Attrition. The author has an hindex of 17, co-authored 38 publications. Previous affiliations of Barbara Köpke include University of Groningen. According to B. Köpke, language attrition impacts not only the quantity or frequency of language usage, but also the overall linguistic performance. Therefore, episodic use of a language does not necessarily indicate attrition, as long as this occasional use maintains consistency in other performance aspects, such as production and comprehension speed and accuracy.

Furthermore, B. Köpke emphasizes that language attrition is not a pathological process caused by neurological, psychiatric, or other deficits like dementia or post-injury aphasia [Köpke, 2021]. It is vital to consider the age at which individuals lose their first language in relation to age-related factors. Those who abandon their native language environment before puberty are likely to experience a more severe loss compared to those whose attrition onset occurs later in life. This could be linked to the restrictions imposed by puberty on language acquisition. Expanding on the concepts initially proposed in the Critical Period Hypothesis [Fromont, 2023; Singleton, Lesniewska, 2024], it is crucial to understand the effects of age-related factors on language attrition.

Summarizing all the statements mentioned before, B. Köpke and M. S. Schmid worked out what is probably, up to the present day, the most commonly accepted definition of language attrition is the non-pathological decrease in a language that had previously been acquired by an individual [Köpke, 2021; Schmid, 2022].

Language attrition (exhaustion) is perceived by many researchers as a decrease in the level of foreign language proficiency. This may be the result of either its insufficient use (lack of input of new language material), or linguistic competition (rivalry between two language systems – native (L1) and acquired (L2) languages). As a rule, almost everyone who has studied a foreign language develops the experience of forgetting acquired language skills after the end of the official period of study [Gallo et al., 2021: 3].

There are two fundamental mechanisms that are believed to contribute to language attrition, supported by evidence indicating their role in driving attrition. The first mechanism suggests that L1 attrition can occur due to a gradual decrease in use of the language. If L1 attrition is indeed a result of disuse, it is plausible to see this phenomenon even without the presence of a newly acquired L2. This process may involve a reorganization of the neurological circuits related to the language. The second mechanism posits that cross-language processes can also lead to language attrition. If L1 attrition is influenced by cross-language interference, the extent and nature of attrition may depend on how the two languages interact, including factors like code-switching and linguistic similarities. This interference between languages may be rooted in brain activation patterns that show the simultaneous activation of both language systems.

A study involving participants estimating the grammatical correctness of sentences revealed that sentences which were grammatically incorrect in their first language but correct in their second language were rated as more correct than sentences that were incorrect in both languages. This finding initially suggests that interlanguage interference may be a factor in this phenomenon.

This can happen to different sub-systems of language, such as phonology, morphology, syntax, and semantics. Each sub-system plays a crucial role in the overall structure and functionality of a language. Such theory is explained by F. Gallo and the other scientists in the work “First Language Attrition: What It Is, What It Isn’t, and What It Can Be”.

Phonological attrition refers to the deterioration of sound patterns in a language. This can manifest as difficulty in producing or recognizing certain sounds, leading to changes in pronunciation. *Morphological attrition* involves the loss of inflectional markers or grammatical structures, resulting in simplified forms of words and sentences. *Syntactic attrition* affects the organization and arrangement of words in sentences. Individuals may struggle with word order or sentence structure, leading to errors in grammar and coherence. *Semantic attrition* pertains to the loss of vocabulary and meanings associated with words [Gallo et al., 2021: 8]. This can result in difficulties understanding or expressing complex ideas.

Language attrition of these sub-systems can have significant implications for individuals' communication abilities and cultural identities. As individuals interact less frequently with a particular language or culture, they may experience erosion in their linguistic skills over time.

Lexico-semantic Attrition

It is widely acknowledged that the lexical system is particularly prone to attrition in language processing [Köpke, 2021]. Attrition of lexico-semantic knowledge has been extensively observed in speech production, manifesting as slower lexical retrieval resulting in decreased response accuracy, increased occurrence of pauses, repetitions, hesitations, self-corrections and Tip-of-the-Tongue experiences. Research has also demonstrated that first language (L1) attrition can lead to reduced lexical diversity. Furthermore, lexico-semantic L1 attrition has been shown to impact comprehension, such as limited access to lexical representations during reading.

One of the main challenges in current research on L1 attrition is accurately measuring changes over time. Case studies have shown that the decline in L1 proficiency can be a slow and gradual process that unfolds over years or even decades. Consequently, longitudinal studies conducted over a short period only capture a brief moment in the evolution of a dynamic language system. The limited duration of data collection in any single study makes it extremely challenging, if not statistically impossible, to determine the trajectory of L1 attrition. While using large sample sizes with a range of age variables can help alleviate these issues, proficient language users experiencing L1 attrition are relatively rare, making it nearly impossible to construct a comprehensive cross-sectional sample.

Despite this, it is reasonable to assume that the long-term trajectory of lexical attrition will vary from that of phonology. Research on the relationship between language learning and cognitive functions has found distinct memory systems for acquiring lexical and phonological elements.

Tip-of-the-Tongue Experience

Tip-of-the-Tongue (TOT) states refer to a temporary difficulty in recalling a known word, which can be quite frustrating for individuals. This phenomenon is experienced universally across different languages and age groups. Various methods can be used to

overcome TOT states, with relaxation and redirecting one's attention being the most common approach. This often leads to the spontaneous recall of the missing word, known as “pop-ups”. This article examines the cognitive processes involved in pop-up resolutions and discusses how these processes may change with aging¹.

The recent study by L. E. James and D. M. Burke suggests that Tip-of-the-Tongue (TOT) experiences may be caused by the way words are stored in memory, rather than by interfering words. When trying to recall a word, the brain searches for words with similar sounds, but keeps coming up with the wrong ones. This indicates that the sound of a word may be as important as its meaning in how words are stored in memory.

Previous research has focused on the role of semantic information, or word meaning, in how words are stored. However, this new study proposes that the sound of a word is equally crucial. The researchers found that even when people do not know the meaning of a foreign word, they can still partially deduce its meaning from its phonological form. This suggests that sound-meaning associations are an inherent part of how words are stored in memory.

In summary, TOTs may be caused by the brain's reliance on a word's sound when searching memory, rather than by interference from other words. This implies that the sound of a word is just as important as its meaning in how words are stored and retrieved from memory.

According to the information provided, words contain several types of information that are stored separately in memory: *semantic information* (the meaning of the word), *lexical information* (the letters that create the word), *phonological information* (the sounds creating the word).

These different types of information are connected, so that when a person encounters a word, the lexical information triggers the associated phonological and semantic information. This allows us to pronounce the word and understand its meaning.

¹ James, L. E., Burke, D. M., 2000. New Research Explains “Tip of The Tongue” Experiences. American Psychological Association: [site]. – URL: <https://www.sciencedaily.com/releases/2000/11/001113071544.htm> (Accessed October 7, 2024)

When people try to recall a word from memory, they typically start with the semantic information – the meaning of the word they are trying to retrieve. However, if the connection between the meaning and the phonological information (the sounds of the word) is weak, the phonological information may not be strongly activated. This can lead to a tip-of-the-tongue experience, where people can access part of the word (such as the initial sounds) but cannot fully retrieve the complete word.

The strength of these connections between meaning and sound is influenced by several factors: frequency of use, recency of use and aging. The former one represents the phenomenon in which connections that are used more frequently are strengthened over time. Additionally, the second factor illustrates that connections which have been recently activated are temporarily stronger. The latter factor points out that aging can weaken the connections between meaning and sound, contributing to more frequent TOT experiences.

Additionally, the researchers suggest that during a TOT experience, the brain may activate words with similar sounds to the target word, causing the “errant word” to “pop up” temporarily. This indicates that the sound-based connections play a crucial role in word retrieval.

According to points mentioned above, the separate storage and connections between semantic, lexical, and phonological information in memory help explain the phenomenon of tip-of-the-tongue experiences, where the meaning of a word is accessible, but the full phonological form cannot be retrieved due to weakened connections between these types of information.

It should be noted that the term TOT is more often used when there is a topic on language learning. It may be connected with natural diseases that usually emerge in the elder age (such as Alzheimer’s disease). However, there is no need to worry about. TOT is absolutely normal process among healthy people. In Alzheimer’s TOT, people lose very high frequency words, such as table and kettle.

Memory Mechanisms

The English researcher R. C. Gardner has identified several stages in the second language (L2) attrition process:

The first stage is called “Beginning of Learning the 2nd Language”. This is the initial stage where the learner starts to acquire the second language.

Next, the second stage represents the end of the formal language training or instruction period. It is noted to be “Completion of Language Training” stage.

In the end, the third stage is “Assessment of Language Competencies” In this stage, the learner’s language competencies in the second language are evaluated or assessed.

The paraphrased information does not provide any additional details about these three stages. The original text likely contained more specifics about the characteristics or events that occur within each of these stages of the L2 attrition process as identified by R. C. Gardner [Qin, 2021: 252].

The period from stage 1 to stage 2 is defined as the time for acquiring new language skills, i.e., the process of learning a foreign language and accumulating language experience, which lasts from the first to the last lesson. Between stages 2 and 3, there is an “incubation period” – the absence of language practice, when language forgetting begins and L2 attrition studies can be conducted. However, R. C. Gardner clarifies that to identify attrition, it is important to consider not only the time between stages 2 and 3, but also a number of other factors: “the duration of training, relative success, the nature of the acquisition period, the duration and content of the incubation phase” [Qin, 2021: 252].

In other words, it can be summarised as:

1. The period from the beginning of learning the L2 to the completion of language training is the time when language skills are actively acquired and developed through instruction and practice;
2. After formal training ends, there is an “incubation period” where the learner has limited or no exposure to the L2. During this time, forgetting begins and language attrition can be observed;
3. However, to accurately estimate L2 attrition, researchers need to consider additional factors beyond just the duration of the incubation period. These include the length of the original training, the learner’s proficiency level achieved, the specific methods used during acquisition, and the nature of the incubation period in terms of the learner’s activities and exposure to the L2.

To sum up, Gardner's model outlines three key stages in L2 attrition, with the period between formal instruction and assessment representing a critical "incubation period" where language loss can occur. Accurately measuring attrition requires considering not just time, but also factors related to the language learning process and intervening experiences.

A. Timofeyev considers various main theories to explain loss of memory:

1. Context-Dependent Forgetting. This is the inability to recall something due to the absence of stimuli or signals that were present during the initial encoding of the information. This type of forgetting is context-dependent and can be temporary.

2. Retrieval Failure. If the information is forgotten temporarily, it can be recovered with the right cue or hint. For example, if someone is looking for a book in a library without its title, author, or theme, his or her memory of it still exists, but the success of the search is unlikely if the search request does not match the original encoding of the information [Eliseykina, Kuprina, 2020].

To summarise all mentioned above, context-dependent forgetting occurs when the context in which the information was encoded is not present during retrieval, leading to retrieval failure. However, retrieval failure can be overcome with the right cues or hints.

It is considered that a particular fact or episode is easier to recall if the person is in the same context in which it was originally encoded. The context is considered one of the most powerful cues for memory retrieval. This context includes not only the external environment, but also the internal state of the person during the encoding process.

Since each experience is preceded by other experiences (interference), they are often interrelated and can influence each other. When this influence is negative it is referred to as interference. The level of interference will be higher the more similarity there is between the two sets of materials that need to be learned.

Memory plays a crucial role in the process of learning languages. It is through memory that people are able to retain and recall vocabulary, grammar rules, and cultural nuances necessary for effective communication. It is vital for students mastering foreign languages to understand the importance of memory in acquiring proficiency in a new language.

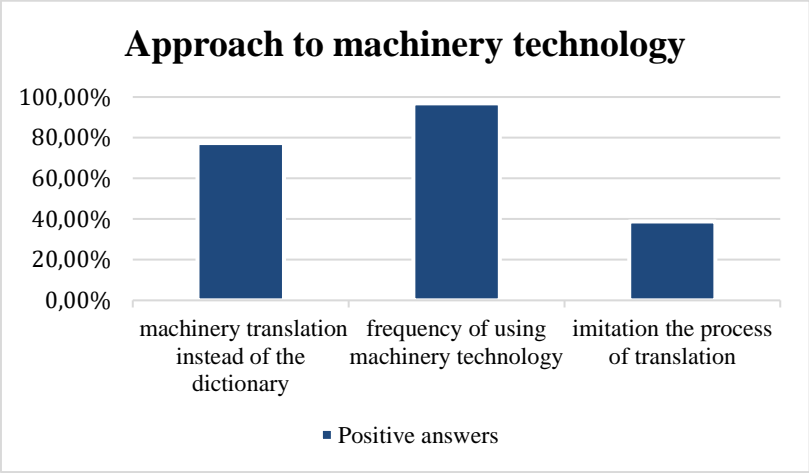
The Impact of the Phenomenon on L1 while Studying the English Language

The survey was based on two principles: the principle of voluntariness and the principle of anonymity. It was conducted online in October 2024 on the basis of the Google Forms electronic service, and none of its questions were aimed at collecting personal data of respondents. The survey participants were asked to answer 8 closed questions and 4 open questions with a detailed answer.

The survey was conducted among students in RUDN University and was made to reveal the common tendency in using the machinery translation as the result of language attrition and predisposition to this phenomenon.

According to questionnaire, the majority of participants prefers online translators quite often in such cases as “incorrect initiate translation”, “unfamiliar words”, “not understanding the gist of a text”, “urgent situations”, “communication with foreigners” and others have described another reason. Therefore, the percentage of those have chosen machinery translation instead of the dictionary is 77,4% and the number of respondents who regularly or sometimes use it sustains approximately 96,8% as it may be seen in the Table 1. It is worth mentioning the results of answering the question “are you familiar with the situation when a student finds the translation of the original foreign text and imitate the process of translation?”. That is, 61,3% of respondents have answered “no” meaning they did not hear about this variant of using the alternatives for translation, 32,3% of recipients have used this technique at some degree and the others (6,5%) have chosen the answer “yes”, i.e. they used it (see Table 1). This question reveals that not only online translators could be the instrument of so-called “fast translation”, but also such techniques respectively. Such phenomenon as language attrition could slow down the process of translation, therefore in order to avoid this, students choose alternative methods over the traditional ones.

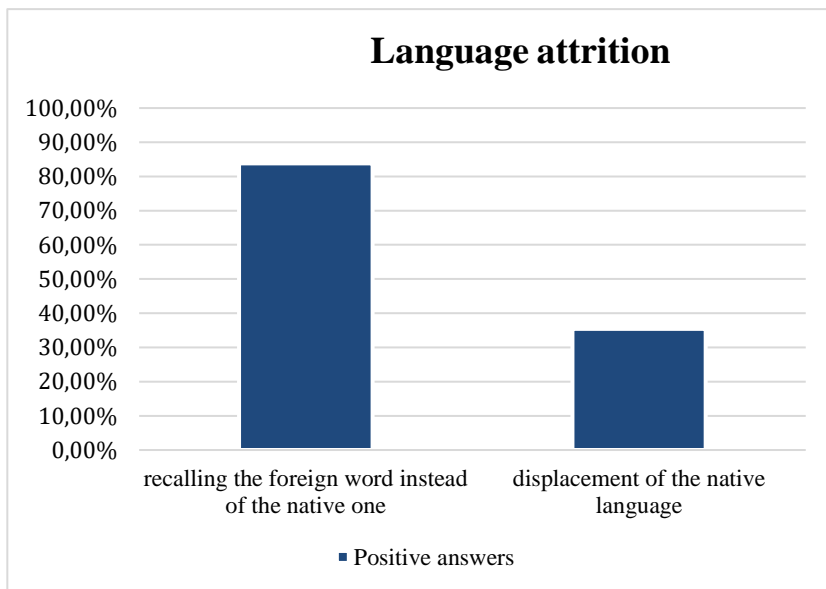
Table 1. Students’ approach to machinery technology while using foreign language

It is notable that learners do face language attrition. According to the *Table 2*, 83,8% of respondents have given the positive answer to the question “have you ever recalled the word in foreign language instead of the word in your native one?”. Additionally, despite the fact that students experienced the phenomenon, it has not affected them completely. The key enquiry was “have you ever had the feeling of displacement your native language by the foreign one?” when the number of recipients have answered “no” is higher the percentage of those have given the positive answer (61,3% and 35,4% respectively). The *Table 2* illustrates this.

In the open question 22 people shared their opinion on the topic of language displacement and language attrition. The majority connects it with memory processes. They vary from “bad remembering” to “brain exhaustion”. When the respondents experience the phenomenon, they try to describe the word in order to recall it. According to their opinion, people require time for “switching” to native language after long period of using the second language.

Table 2. Experience of language attrition among students

To sum up, the questionnaire has proven that students do face the phenomenon of language attrition and the majority prefers to avoid its consequences by using the machinery translation technologies.

The specifics of foreign language instruction at universities involve a significant amount of work with specialized texts, the majority of which consists of reading and translating texts that students then submit individually. In preparing for the translation submission, students compile dictionaries, and the teacher checks the translation orally.

Based on an analysis of the learners' dictionaries and their oral and written translations, the paraphrased text identifies several factors that contribute to language attrition, listed in order of their negative impact on the deterioration of lexical and grammatical skills:

1) The learner makes notes directly in the texts. Stress marks and contextual translations are written above the words. This practice is very common; however, it does not aid the memorization process, as the transition from short-term memory to working memory, and

then to long-term memory, is associated with the conscious recoding of information, which was discussed earlier [Vorozhbitova, 2020].

2) Machine translation slows down the process of learning a foreign language, as it leads students to memorize words ineffectively. After seeing a translation once in an online translator, they either forget it immediately or remember it with an incorrect meaning due to an error in the machine algorithm [Vorozhbitova, 2020].

3) While translating a foreign text, a student searches for a similar article in Russian, writes down words based on it, and then imitates the translation process. This leads to a gradual destruction of the correct lexical connections between English and Russian words. Such practice results in a rapid and total breakdown of existing lexical and grammatical skills. In this case, the learners' vocabulary consists of words studied in the early lessons: auxiliary verbs like 'is', 'are', 'do', demonstrative pronouns, articles, etc. These words may appear multiple times on the same page of the learners' dictionaries, indicating that the vocabulary is not being effectively memorized [Vorozhbitova, 2020].

Conclusion

In conclusion, language attrition poses significant challenges for foreign language learners, impacting their proficiency, vocabulary, pronunciation, grammar, and cultural understanding in the target language. By addressing the factors contributing to language attrition, providing evidence of its occurrence, examining its effects, and implementing strategies to prevent attrition, educators and learners can work towards enhancing language retention and proficiency. Future research in the field of language acquisition and attrition is essential to further our understanding of this complex phenomenon and inform effective language learning practices.

It is worth noting that studies of language attrition are considered by an understanding of the undeniable role of memory in teaching a foreign language. To ensure the translation and storage of the necessary linguistic information in long-term memory, education must be structured taking into account factors that influence the processes of forgetting and memorising information.

References

1. Eliseykina, M., Kuprina, T. Forgetting as a Factor of Language Attrition: Sociocultural space of Russia and abroad: society, education, language, 2020. – pp. 84-92 (in Russian).
2. Eliseykina, M. I., Kuprina, T. V. Empirical Research of Second Language Attrition. Cross-Cultural Studies: Education and Science 2, 2020. – pp. 79-91.
3. Fromont, L. A. Age and proficiency in second language neurocognition. The Routledge Handbook of Second Language Acquisition and Neurolinguistics. Routledge, 2023. – 247-259.
4. Gallo, F., et al. A. First Language Attrition: What It Is, What It Isn't, and What It Can Be: Front. Hum. Neurosci, 2021. – pp.1-3, p.6, p.8.
5. Köpke, B. Language attrition: A matter of brain plasticity? Some preliminary thoughts. Language, Interaction and Acquisition 12.1, 2021. – pp. 110-132.
6. Lee, A. What Are We Most Curious About? Understanding the Relationship Between Curiosity and Marginal Knowledge, 2024. – 91 pp.
7. Qin, J. Literature Review on Foreign Language Attrition: International Journal of Education and Management, vol.6, №4, 2021. – pp. 252-253.
8. Schmid, M. S. First language attrition. The Routledge Handbook of Second Language Acquisition and Speaking. Routledge, 2022. – pp. 442-454.
9. Singleton, D., Lesniewska, J. The Role of Age in Second Language Development. Language Teaching Research Quarterly 39, 2024. – pp. 359-371.
10. Vorozhbitova, A.A., et al. Linguistic Rhetorical Ideal as a Development Factor of Multiethnic, Sociocultural and Educational Space in the Aspect of the Formation of a Professional Linguistic Personality. European Journal of Contemporary Education 9.1, 2020. – pp. 177-188.

Статья поступила в редакцию 26.12.2024

Статья одобрена после рецензирования 06.03.2025

Статья принята к публикации 15.05.2025

УДК 811.1

Казаченкова Наталья Владимировна
Natalya Kazatchenkova

Адъективы с оценочным значением в новостных пропозициях

Adjectives with Evaluative Meaning in News Propositions

Аннотация. Основное внимание уделяется роли оценочных прилагательных в формировании новостных пропозиций в текстах американских СМИ. Автор анализирует, как с помощью качественных и метафорических прилагательных, а также дефисных композитов создается эмоционально-оценочное содержание, способствующее привлечению внимания читателя и акцентированию ценностных концептов. Актуальность определяется необходимостью изучить ценностные основания в культурном сознании социума. Статья начинается с объяснения пропозиционального концепта как сложного речевого знака, относящегося к определенной ситуации. Отправной точкой для дальнейшего обсуждения служит теория концептов Готлоба Фреге, который проводит различие между значением и сигнификацией. Ключевым моментом является изучение оценочных понятий, связанных с прилагательными, которые выступают в роли предикатов и выражают свойства и отношения объектов. Автор приводит примеры прилагательных из военного, спортивного и кулинарного дискурсов, подчеркивая, как они открывают пространство для эмоционального взаимодействия между текстом и читателем. Использование таких терминов, как «mission-critical» и «combat-ready», служит иллюстрацией важности эмоционально окрашенного языка в новостной журналистике. Контекст исследования включает всевозможные не только лексические, но и социокультурные аспекты языка, указывая на взаимосвязь между языковым выражением и восприятием информации в СМИ. В заключении статьи подводятся итоги того, что оценочные прилагательные и дефисные композиты являются важными инструментами в формировании языка новостей, способствуя созданию массового языкового сознания и эмоционального отклика у аудитории. Таким образом, исследование подчеркивает важность ценностных концептов и оценочных прилагательных в медиатексте, демонстрируя, как они влияют на эффективную передачу информации и смыслообразование в контексте современного американского дискурса.

Abstract. The main attention is paid to the role of evaluative adjectives in the formation of news propositions in American media texts. The author analyzes how, through the use of qualitative and metaphorical adjectives, as well as hyphenated composites, emotional and evaluative content is created, which helps to attract the reader's attention and accentuate value concepts. The relevance is determined by the need to study the value bases in the cultural consciousness of the society. The article begins by explaining the propositional concept as a complex speech sign that relates to a particular situation. Gottlob Frege's concept theory, which distinguished between meaning and signification, serves as a starting point for further discussion. Key points are the studies of evaluative concepts associated with adjectives, which act as predicates and express properties and relations of objects. The author provides examples of adjectives from military, sports and culinary discourse, emphasizing how they open up space for emotional interaction between the text and the reader. The use of terms like "mission-critical" and "combat-ready" serves to illustrate the importance of emotionally colored language in news journalism. The context of the study includes all sorts of not only lexical but

also sociocultural aspects of language, indicating the relationship between linguistic expression and the perception of information in the media. The article concludes by summarizing how evaluative adjectives and hyphenated composites are important tools in shaping news language, contributing to the creation of mass linguistic awareness and emotional response in the audience. Thus, the study emphasizes the importance of value concepts and evaluative adjectives in media text, demonstrating how they influence the effective communication of information and meaning-making in the context of contemporary American discourse.

Ключевые слова: пропозиция, новостная пропозиция, адъективы с оценочным значением, атрибутивные композиты

Keywords: proposition, news proposition, emotionally valuable adjectives, attributive composite

Введение

Функциональный подход в лингвистике, который господствует последние десятилетия, определяет направления исследования от вещи или явления к мысли об этой вещи и к ее кодированию языковыми средствами в форме высказывания. Высказывание или предложение, которое содержит смысл, называется пропозицией. Пропозиция может быть выражена как одним словом, так и целым предложением.

Однозначной трактовки понятия пропозиция не принято. В логике пропозиция тождественна логическому суждению, утверждающему или отрицающему нечто о предметах действительности, обозначающему происходящее в мире [Кубрякова, 1996]. Немецкий философ и логик Готлоб Фреге считал, что пропозиция состоит из двух элементов: смысла (содержания) и значения (истинности). Содержание пропозиции определяется понятиями и отношениями между ними, в то время как значение определяется тем, является ли содержание пропозиции истинным или ложным [Фреге, 2000].

Понятие "пропозиция" в общем смысле означает высказывание или утверждение о чем-то. Под ней можно понимать какое-то утверждение, высказывание, идею, концепцию или предложение. Ряд лингвистов под пропозицией понимают отражающие некие онтологически существующие отношения между предметами или предметом и его свойством и осмысленные как таковые человеком.

В рамках настоящей работы под пропозицией понимается высказывание, содержащее определенную информацию или идею. Соответственно высказывание – это сложный речевой знак, которому в плане выражения соответствует предложение, а в

плане содержания – некоторая ситуация, отражение фрагмента реальной мысленно конструируемой действительности [Рецкер, 2016].

Новостная пропозиция – это смысловое ядро новости, главное событие новостного сообщения. Нельзя не согласиться с К. Хадсоном, утверждавшим, что сущность языка состоит не столько в том, что говорится, сколько в том, как это передается в СМИ [Гавриличева, 2011]. В медиатексте автор должен запустить процесс реконструирования сообщения читателем, заложить триггеры эмоционального осмысления, в роли которых зачастую выступает ценностная составляющая концепта (ценностный концепт). Ценностная составляющая концепта, согласно теории структурной композиции В.И. Карасика, формируется наравне с понятийной и образной составляющими [Карасик, 2005].

«Концепт – это сгусток культуры в сознании человека» [Степанов, 2001: 42], то есть ценности и убеждения, как на уровне индивидуального сознания, так и на уровне коллективного когнитивного пространства. Кодификация ценностных норм происходит на уровне языка, а передача производится через словесное выражение. Введенное в пропозицию оценочное суждение ориентировано на носителей языка, знакомых с аксиологической сферой социума, и как следствие репрезентирует ценностную картину мира носителей языка, для кого предназначен этот текст.

Обязательным, центральным компонентом пропозиции, который выражает свойства и отношения, является предикат. Предикат воплощается в словах с признаковой семантикой. Это глаголы, слова категории состояния, существительные и качественные прилагательные.

Цель настоящего исследования – установить комплекс ценностных концептов-прилагательных, применяемых для формирования новостных пропозиций в медиатекстах США. Это позволит провести анализ процессов трансформации ценностей в зависимости от вызовов времени, установить ценностные ориентиры, что определяет актуальность настоящей работы.

Для достижения поставленной цели применялся метод сплошной выборки статей. Особое внимание уделили поиску статей, содержащих явно выраженную оценку автора

описываемого события или явления. Исследование проводилось на материалах The New York Times (NYT), The Wall Street Journal (WSJ), The Washington Post (WP), The LA Times (LAT), The National Interest (NI) и Foreign Affairs (FA). Выбор данных изданий обусловлен их популярностью среди американского населения. Это так называемая «качественная» пресса, предназначенная для высокообразованной аудитории. Они имеют обширный тираж и читательскую публику. Это доказывают исследования, в том числе [statista.com](https://www.statista.com) - известный статистический портал, объединяющий данные из различных авторитетных источников, включая государственные учреждения, фирмы, занимающиеся исследованиями рынка, и академические институты.

Адъективы с оценочным значением

Адъективы принято считать классическими предикатами, они способны выполнить двойную функцию – денотативную и квалификативную. Структура лексического значения прилагательного многоуровневая, обусловлено это антропологически и прагматически, так как связано с субъектом оценки. В коннотативной части лексического значения содержится оценочность и эмоциональность, которые, взаимодействуя, способствуют достижению прагматического эффекта необходимого для привлечения читателя к медиатексту. Именно это делает их ключевыми в процессе формирования массового языкового сознания.

В условиях новых коммуникативно-прагматических задач наблюдаются изменения в массмедийном дискурсе, в том числе увеличение частотности использования оценочных прилагательных [Власова, 2021, Лоран, 2019, Эзериня, 2021].

Качественные прилагательные выражают оценочное значение наиболее ярко, поскольку оценочный смысл присущ им, как части речи, которая обозначает какой-либо признак или свойство того или иного объекта [Гальперин, 2011: 22]. Подобные свойства приобретают и метафорические прилагательные, близкие по свойствам качественным адъективам. Такие прилагательные используются в переносном значении, основанном на аналогии между признаками объектов двух разных таксономических классов.

Например, *tit-for-tat - an equivalent given in return*¹

Как метафорическое прилагательное, оно описывает ситуацию, когда на одно действие отвечают аналогичным действием. Например, в стратегии *tit-for-tat strategy*, если одна сторона делает что-то другой, вторая отвечает тем же, создавая цикл наносящих ущерб действий, которые зеркально отражают друг друга. Часто используется при обсуждении переговоров, конфликтов или конкурентных ситуаций.

The tit-for-tat exchanges between Israel and Iran are increasing the risk that the Unites States will get sucked into another Middle East war. Израиль и Иран обмениваются ударами, тем самым увеличивая риск того, что Соединенные Штаты окажутся втянутыми в новую войну на Ближнем Востоке. (NI)

Оценочный концепт - непрекращающийся цикл действий, наносящих противнику ущерб. В данном примере прилагательное *tit-for-tat* отражает отрицательную позицию автора на конфликт, который грозит перерасти в войну с участием США, усиливая пропозиции *the exchanges increase risks* и *the Unites States will get sucked into another war*.

Источники эмоционально-оценочных адъективов

Военный подъязык

Наше исследование показало, что источником эмоционально-оценочных прилагательных часто выступают консубстанционные слова.

В реалиях современного времени наблюдается рост медиатекстов на военные темы. Источником для прилагательных, вызывающих сильные, яркие, эмоционально-оценочные образы является военная терминология. Лексика из военного контекста переносится в партикулярный, так как позволяет достичь высокой степени образности. Не исключением являются и прилагательные. При анализе медиатекстов были выявлены следующие наиболее часто встречающиеся адъективы.

Combat-ready- Prepared and equipped for battle or conflict (combat-ready status).

¹ Словарь Merriam-Webster [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 24.01.2025)

Tactical - Often used to describe a strategic approach to problem-solving or planning (Under tactical voting, people who do not want the incumbent or leading party to win, may vote for the opponent most likely to unseat them, rather than their preferred choice (WSJ)).

Stealthy - Referring to something done quietly or discreetly, like a stealthy approach to a surprise party. (Victoria's Secret accused of stealthy copying of designs. (WSJ)) Интересна история этой лексемы. Существительное, от которого произошел адъектив, зафиксировано в английском языке в XVI веке, но получило распространение в современном употреблении в качестве прилагательного от *stealth fighter*, *stealth bomber* - военный самолет США, в 1983 году в период разгара «холодной войны» и противостояния военных технологий СССР и США.

Resilient - Describing someone or something that can recover quickly from difficulties, much like soldiers in tough situations (Universities need to figure out how to produce happier, more resilient students (FA)).

Disciplined - Used to describe someone who is well-organized and follows a set routine or rules (The longtime Florida political operative was vital to running a more disciplined campaign (WSJ)).

Commanding - Describing a presence that is authoritative or impressive, such as a commanding performance in a play (Most forecasts of the remaining races show enough Democratic wins to keep the final G.O.P. House tally from reaching a more commanding edge (NYT)).

Mission-driven - Referring to someone who is focused on achieving specific goals, like a mission-driven team at work (Their mission-driven approach is reflected in their coverage of climate change, inequality, and other critical global issues, often prioritizing stories that promote awareness and action (NYT)).

Рассмотрим для примера прилагательное *mission-critical* (essential for the success of a mission or operation (military factory.com)).

На Google Books Ngram Viewer, позволяющем установить частотность употребления слов и фраз в основе массива печатных источников, опубликованных с XVI века, (о горизонтальной оси представлен выбранный временной период, а по вертикальной — процент встречаемости выбранного текста в оцифрованных

книгах), наглядно показан рост частотности употребления прилагательного mission-critical (Рис. 1).

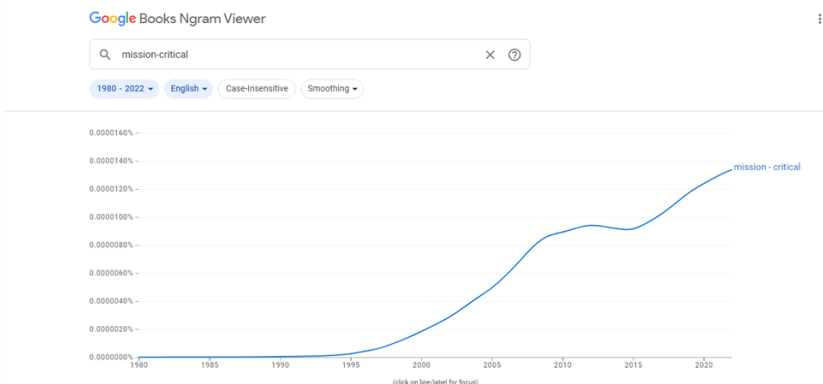

Рис. 1 Частотность употребления mission-critical на сайте Google Books Ngram Viewer.

Plans for a mission critical electric car battery plant in Coventry have accelerated in a drive to keep automotive production at the heart of the West Midlands region. (WP)

The deal, announced in March, included a \$4bn (£3.16bn) investment in Anthropic from Amazon, and a commitment from Anthropic to use Amazon Web Services “as its primary cloud provider for mission critical workloads, including safety research and future model development”. (WP)

Планы по строительству в Ковентри критически важного завода по производству аккумуляторов для электромобилей ускорились в стремлении сохранить автомобильное производство в центре региона Уэст-Мидлендс.

Сделка, о которой было объявлено в марте, включала в себя инвестиции в Anthropic от Amazon в размере \$4 млрд (£3,16 млрд), а также обязательство Anthropic использовать Amazon Web Services «в качестве основного облачного провайдера для критически важных рабочих нагрузок, включая

*исследования безопасности и
разработку будущих моделей».*

К категории mission-critical относят объекты на основе критериев значимости масштаба возможных последствий в случае нарушения или прекращения их функционирования. Понимаются любые функции, процессы или компоненты, которые необходимы для работы предприятия или организации. Если критически важный элемент выходит из строя, это может привести к значительным сбоям, финансовым потерям или даже поставить под угрозу способность организации работать.

Это можно продемонстрировать частотными словосочетаниями с mission-critical.

1. Mission-Critical Systems - Referring to systems that are essential for the operation of an organization.
2. Mission-Critical Applications - Software applications that are vital for business operations.
3. Mission-Critical Data - Information that is crucial for decision-making and operations.
4. Mission-Critical Processes - Procedures that are necessary for achieving key objectives.
5. Mission-Critical Infrastructure - The foundational services and facilities that support essential operations.
6. Mission-Critical Operations - Activities that are vital for the success of a mission or project.

В рассматриваемых пропозициях оценочный концепт «жизненно-важный», «критически-значимый» в первом случае для отрасли производства аккумуляторов для электрокаров, во втором для подчеркивания значимости сделки между крупнейшими глобальными компаниями выполняет характеризующую функцию, что позволяет привлечь читателя в одном случае к проблеме, во втором к значимости сделки.

Спортивный подъязык

Однако не только военная тематика является источником эмоционально-оценочных адъективов. Частью эмоционально-оценочной лексики является профессиональная спортивная. Это обусловлено тем фактом, что спорт и физическая культура вышли за рамки узкопрофессиональных интересов. Спорт сам по себе – очень эмоциональное явление, поэтому и его

терминология ярко окрашена. Огромная популярность спорта приводит к тому, что спортивная лексика выходит из рамок терминологии, а прилагательные из этого подъязыка отличаются доступностью и эмоциональностью.

Rookie - Originally a term for a new player in sports, it is now used to describe someone who is new to any field or activity. (Both injured police officers, rookies who joined the force in September 2021, were expected to make a full recovery (TNT)).

Team-oriented - Initially used to describe players who work well in a team setting, it now applies to anyone who collaborates effectively with others (team-oriented work, ~ leadership, ~ organization and so on).

Fast-paced – a fast-paced situation or environment is one that moves quickly and requires quick thinking and action (The momentum for AAL is fast paced, as the stock currently has a beta of 1.39.).

Остановимся на прилагательном *hot-dogging*. (The term comes from the act of skiing, where a skier performs dangerous stunts and tricks on a ski slope (fastslang.com)), от глагола *hot-dog* - to perform in a conspicuous or often ostentatious manner.¹

Отглагольное прилагательное *hot-dogging* активное используется в подъязыке лыжного спорта для описания опасного трюка, выполняемого лыжником на трассе. От глагола *hot-dog*, означающего выступать с показательным или часто демонстративным образом.

<i>When a hot-dogging</i>	<i>Когда разгоряченный</i>
<i>Chinese pilot hit a U.S.</i>	<i>китайский пилот</i>
<i>reconnaissance plane and</i>	<i>перехватывает американский</i>
<i>forces it to the ground...(FA)</i>	<i>самолет-разведчик и</i>
	<i>заставляет его сделать</i>
	<i>вынужденную посадку...</i>

Это предложение взято из статьи Кондолизы Райс «The Perils of Isolationism», в которой бывшая госсекретарь США критикует внешнеполитический курс администрации Джо Байдена. Отглагольное прилагательное *hot-dogging* в своем

¹ Словарь Merriam-Webster [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 24.01.2025)

семантическом поле содержит энантиосемию, то есть «вмещает в себя два прямо противоположных друг другу значения» [Шерцль, 1884: 1]. С одной стороны, это положительная оценка человека, способного совершить опасный для жизни и здоровья рискованный трюк, с другой стороны, прослеживается пейоративный компонент, так как этот трюк является показным, демонстративным. Именно такая пейоративная сема содержится в глаголе to hot dog. Выстраивая пропозицию, автор попыталась дать оценку действиям китайских властей в лице отважного китайского летчика, способного своим поступком поставить мир на грань катастрофы.

Кулинарный подъязык

Еще один подъязык, который является богатым источником прилагательных с оценочным концептом, - подъязык кулинарии. Это объясняется тем, что кулинарно-гастрономическая лексика служит источником образных наименований и характеристик различных фактов и явлений действительности. Такие прилагательные с эмоционально-оценочным компонентом используются для придания повествованию экспрессии, яркости и неповторимости. Она способна выражать ценностные установки говорящих, давать ценностную характеристику называемым объектам и выражать эмоциональное отношение к называемым явлениям.

Savory - Originally used to describe a flavorful dish, it now often refers to something that is pleasant or agreeable in taste or smell, and can also describe something that is enjoyable or interesting. (Teverton gained his first insights into the inner workings of the intelligence community while working, in the mid-1970s, for the U.S. Senate Select Committee on Intelligence, which lifted the lid on some of the CIA's less savory practices (Foreign Affairs)).

Zesty - Originally used to describe food with a strong, pleasant flavor, it now can refer to anything that is exciting or full of energy. (There are zesty numbers about how the treats are packaged, marketed, prepared and eaten (do you dunk them? do you use a fork?) – all contributing to the judge's ruling (LAT)).

Spicy -originally referring to food with a strong flavor, it can now describe anything that is exciting or provocative, like "spicy conversation".

Изначально *spicy* обозначало еду с сильным вкусом, а теперь может описывать все, что возбуждает или провоцирует, например, «острый разговор».

Saucy - *impertinently bold and impudent; amusingly forward and flippant*¹.

Слово же *saucy* появилось в 1508 году и означало блюдо, подаваемое с соусом, или имеющее консистенцию соуса. Теперь это все, что может быть дерзким и даже наглым, забавно бесцеремонным и легкомысленным.

<i>Our columnist reviews</i>	<i>Наш обозреватель</i>
<i>saucy and spicy new books by</i>	<i>рецензирует новые</i>
<i>Rebecca Ross, Rebekah</i>	<i>пикантные и остренькие</i>
<i>Weatherspoon and Felicia</i>	<i>книги Ребекки Росс, Ребекки</i>
<i>Grossman. (NYT)</i>	<i>Уэзерспун и Фелиции</i>
	<i>Гроссман.</i>

Эти лексемы часто используются для описания чего-либо провокационного или рискованного содержания. Термин «*saucy*» обычно относится к историям, которые имеют дерзкий или игривый тон, часто содержат флирт или элементы, наводящие на размышления. Обе лексемы указывают на то, что книги призваны развлекать и увлекать читателей, вызывая у них легкое волнение. Автор колонки о новинках книжного рынка пытался через эмоционально-оценочную лексику привлечь читателей к новинкам книжного рынка, *spicy* и *saucy* выступили в роли триггеров, так как кулинарно-гастрономическая лексика даёт возможность выразить не только качества и свойства, имеющие эквиваленты в нейтральных языковых структурах, но и значения, не поддающиеся точной языковой экспликации при использовании нейтральной лексики.

Адъективные дефисные композиты

Заметной особенностью современного американского печатного масс-медийного дискурса является обилие оформленных через дефис композитов, как окказиональных, сформированных для одной статьи, так и уже вошедших в узус и имеющих словарные определения. Под атрибутивным

¹Словарь Merriam-Webster [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 24.01.2025)

композитом понимается «прагматически-обусловленная целостность оформленных через дефис двух и более лексем, употребленных в функции препозитивного определения к существительному» [Николаева, 2016: 146]. Ранее были упомянуты примеры таких атрибутов *hot-dogging*, *team-oriented*, *mission-driven*, *combat-ready* и другие.

Использование дефисных композитов для передачи отношения представляется весьма эффективным, поскольку дефисные композиты привлекают внимание графически, зачастую апеллируют к образным ассоциациям, способны к небанальному отражению ситуации, передающему ее детали и оттенки, обогащающему воображение и информационно-содержательное восприятие описываемой ситуации и имеющие ценностный концепт. Если однословные наименования рисуют в таких статьях гораздо более общую картину, то дефисные композиты могут понадобиться для вполне лаконичного уточнения разнообразных нюансов, в том числе аксиологического плана.

Выводы

В новостных пропозициях в качестве предикатов активно выступают качественные и метафорические относительные прилагательные. В качестве адъективов с ярким оценочным концептом используются прилагательные из подязыков спорта, военного дела и кулинарии, поскольку они способны вызывать активный эмоциональный отклик. Чтобы привлечь внимание к тексту и лаконично описывать нюансы, активно используются атрибутивные композиты с оценочным наполнением.

Литература

1. Власова Е.В. Переоценка в политическом тексте (на материале британских газетных статей // Международные отношения и общество. 2021. №1. С. 75-79.
2. Гавриличева Г.П., Когнитивно-структурный аспект семантики оценочных прилагательных в современном рекламном дискурсе (на материале русского и английского языков), Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Кемерово, 2011. 22 с.
3. Гальперин И. Р., Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 2011. 148 с.

4. Карасик В.И., Прохвачев О.Г., Зубкова Я.В., Грабарова Э.В. Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
5. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов/ Кубрякова Е.С., Демьянов В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 245 с.
6. Лоран Е. Ю. Особенности употребления оценочных прилагательных в публицистическом дискурсе (на материале французских новостных блогов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Выпуск 12. С. 295-299.
7. Николаева О. В. Прагматический потенциал атрибутивных композитов в американском массмедийном дискурсе по предвыборной тематике. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9(63), Ч.3. С. 146-149.
8. Рецкер И.Я. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Доп. и комм. Д.И. Ермоловича. М.: Аудитория, 2016. 244 с.
9. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Акад. проект, 2001. 989 с.
10. Фреге Готлоб Логика и логическая семантика: Сборник трудов/Пер. с нем. Б. В. Бирюкова под ред. З. А. Кузичевой. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.
11. Шерцль В.И. О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии). Воронеж: тип. В.И. Исаева, 1884. 83 с.
12. Эзериня С.А. Обозрения русской периодики в «Журнале Министерства народного просвещения»: прилагательные оценки в официальном правительственном издании// Медиалингвистика. 2021. №8 (2). С. 169–179.

References

1. Vlasova E.V. Pereocenka v politicheskom tekste (na materiale britanskih gazetnyh statej // Mezhdunarodnye otnoshenija i obshchestvo. 2021. №1. S. 75-79.
2. Gavrilicheva G.P., Kognitivno-strukturnyj aspekt semantiki ocenочnyh prilagatel'nyh v sovremennom reklamnom diskurse (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov), Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Kemerovo, 2011. - 22 pp.
3. Gal'perin I. R. Tekst kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovanija. M.: Nauka, 2011. - 148 pp.

4. Karasik V.I., Prohvachev O.G., Zubkova Ja.V., Grabarova Je.V. Inaja mental'nost'. M.: Gnozis, 2005. - 352 pp.
5. Kubrjakova E.S. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov/ Kubrjakova E.S., Dem'janov V.Z., Pankrac Ju.G., Luzina L.G. / pod obshh. red. E.S. Kubrjakovoj. M.: Filologicheskij fakul'tet MGU im. M.V. Lomonosova, 1996. - 245 pp.
6. Nikolaeva O. V. Pragmaticheskij potencial atributivnyh kompozitov v amerikanskom massmedijnom diskurse po predvybornoj tematike. // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 9(63), Ch.3, pp. 146-149.
7. Loran E. Ju. Osobennosti upotreblenija ocenочnyh prilagatel'nyh v publicisticheskom diskurse (na materiale francuzskih novostnyh blogov) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. T. 12. Vypusk 12. С. 295-299.
8. Recker I.Ja. Teorija perevoda i perevodcheskaja praktika. Oчерki lingvистической теории перевода / Dop. i komm. D.I. Ermolovicha. M.: Auditorija, 2016. - 244 pp.
9. Stepanov Ju. S. Konstanty: slovar' russkoj kul'tury. M.: Akad. proekt, 2001. - 989 pp.
10. Frege Gotlob Logika i logicheskaja semantika: Sbornik trudov/Per. s nem. B. V. Birjukova pod red. 3. A. Kuzichevoj. M.: Aspekt Press, 2000. - 512 pp.
11. Shercl' V.I. O slovah s protivopolozhnymi znachenijami (ili o tak nazyvaemoj jenantiosepii). Voronezh: tip. V.I. Isaeva, 1884. - 83 pp.
12. Jezerinja S.A. Obozrenija russkoj periodiki v «Zhurnale Ministerstva narodnogo prosveshhenija»: prilagatel'nye ocenki v oficial'nom pravitel'svennom izdanii// Medialingvistika. 2021. №8 (2). S. 169–179.

Статья поступила в редакцию 25.12.2024

Статья одобрена после рецензирования 06.03.2025

Статья принята к публикации 15.05.2025

УДК 81'2

Макарова Кристина Николаевна
Kristina Makarova

Гипертекстуальность коммуникативной среды на платформах цифрового самоиздания

The Hypertextuality of Communicative Environment on Digital Self-Publishing Platforms

Аннотация. Цель данной работы заключается в исследовании гипертекстуальности коммуникативной среды на платформах цифрового самоиздания. **Процедура и методы.** Ключевым исследовательским методом стал контентанализ. Проведён анализ содержания исследований современных филологов и лингвистов. Изучен феномен дискурса и его значение в современной жизни, определено место интернет-комментария в цифровом пространстве взаимодействия пользователей, выявлены его отличительные характеристики, изучены особенности гипертекстуальности интернет-комментария на платформах цифрового самиздата. **Результаты.** Было определено, что современное общество не может функционировать без сети интернет, которая сегодня стала полноценной медиасредой. В сети пользователи регулярно взаимодействуют между собой, обмениваясь мыслями и мнениями на ту или иную проблему, предмет или явление. Был сделан вывод, что интернет-комментарий представляет собой разновидность письменного дискурса, где при взаимодействии субъектов коммуникации очевидны нюансы социальной и культурной составляющих. В ходе исследования гипертекстуальности интернет-комментариев на платформах цифрового самоиздания было выявлено, что это многоуровневое явление, способствующее расширению контекстуального и прагматического понимания оригинального текста. Были изучены конкретные составляющие гипертекстуальности платформы для цифрового самоиздания «Author Today». Гипертекстуальная природа комментариев создаёт динамичное пространство для взаимодействия между авторами и читателями. **Теоретическая и/или практическая** значимость заключается в раскрытии значимости интернет-комментариев и определении их функционала в современном сетевом пространстве.

Abstract. The Aim of this research paper is to investigate the hypertextuality of communicative environments on digital self-publishing platforms. **Methodology.** The key research method was content analysis. We analysed the content of research by modern philologists and linguists. The phenomenon of discourse and its significance in modern life were studied, the place of Internet commentary in the digital space of user interaction was determined, its distinctive characteristics were revealed, the features of hypertextuality of Internet commentary on digital samizdat platforms were studied. **Results.** It was determined that modern society cannot function without the Internet, which has now become a full-fledged media environment. Online users regularly interact with each other, exchanging thoughts and opinions on a particular problem, subject or phenomenon. It was concluded that online commentary is a type of written discourse, where the nuances of social and cultural components are obvious during the interaction of communication subjects. In the course of studying the hypertextuality of online comments on digital self-publishing platforms, it was revealed that this is a multi-level phenomenon that contributes to the expansion of contextual and pragmatic understanding of the original text. The hypertextual nature of comments creates a dynamic space for interaction

*between authors and readers. **Research implications** consists in revealing the significance of Internet comments and defining their functionality in the modern network space.*

Ключевые слова: *гипертекст, гипертекстуальные комментарии, Интернет-комментарий, пользователи, сетевое пространство, цифровизация*

Keywords: *hypertext, hypertextual comments, Internet commentary, users, network space, digitalization*

Введение

Цифровые технологии прочно ассимилировались в современные реалии социума, значительно упрощая повседневные процессы. В этом контексте важно сосредоточить внимание на межличностной коммуникации, осуществляемой на сегодняшний день в основном через цифровые системы и электронные устройства. Определённые жанры вербального общения адаптировались к условиям виртуальной среды, начав функционировать и в цифровом пространстве. На данный момент в сети отмечается достаточно широкий спектр жанров интернет-коммуникации. Среди них особое внимание как современному феномену коммуникации следует уделить интернет-комментарию, который становится значимым элементом коммуникативной среды в цифровом пространстве.

Интернет-комментарий как жанр сетевой коммуникации

Интернет-коммуникация представлена разнообразными вариациями, пользователи сегодня имеют возможность взаимодействовать между собой в цифровой среде практически без барьеров. Наиболее распространенным и пользующимся особой популярностью у людей, общающихся в сетевом пространстве, жанром коммуникации является интернет-комментарий. Данное суждение можно подтвердить тем, что он сочетает в себе многообразие отличительных черт, проводящих границы интернет-общения от традиционных форм. Интернет-комментарий можно изучать с точки зрения речевого жанра, поскольку в нем гармонично взаимодействуют характеристики письменной и устной речи.

Интернет-комментарии являются неотъемлемыми элементами определенной текстовой среды, где у субъектов имеются конкретные установки, в частности:

– психологические;

- целевые;
- когнитивные.

Интернет-комментарий представляет собой разновидность письменного дискурса, где при взаимодействии субъектов коммуникации очевидны нюансы социальной и культурной составляющих. Современный ученый М.П. Филиппова, детально изучающая данную тему, под комментарием понимает «небольшое речевое произведение оценочного характера» [Филиппова, 2020: 6]. Автор полагает, что комментарию присуща вторичность, так как он неотделим от той информации, в ответ на которую был сформирован. Помимо этого, М.П. Филиппова в своих работах отмечает аспекты, характеризующие интернет-комментарий в качестве жанра коммуникации в сети. К ним относится синхронность и асинхронность комментирования, краткость высказывания, использование сокращений, публичность, анонимность. Также можно принять во внимание такой немаловажный элемент как возможность выражать собственную точку зрения на обсуждаемую проблему параллельно общаясь с другими пользователями сети, обмениваясь мнениями [Филиппова, 2020:7].

Практически все популярные интернет-сервисы предусматривают возможность комментирования записей. Так, во всех социальных сетях пользователи активно комментируют записи друг друга, официальных сообществ и рекламных страниц. То же самое касается тематических блогов, онлайн игр, сервисов для просмотра и обмена видеоконтентом, маркетплейсов.

Помимо этого, пользователи имеют возможность обмениваться комментариями также на площадках для распространения цифрового самоиздания – специализированных платформах, осуществляющих публикацию произведений цифрового самиздата. Под цифровым самиздатом следует понимать современный вид самиздата – публикацию авторских художественных произведений в интернете без участия традиционных издательств. Данные платформы получили свое развитие под воздействием цифровизации всех сфер жизни общества и масштабного распространения цифровых технологий. В настоящее время в нашей стране существует достаточно

большое число площадок самопубликации художественной литературы, пользующихся популярностью, как у авторов, так и у читателей. В качестве примеров подобных платформ можно привести следующие: ЛитРес, Проза.ру, Ridero, Литмаркет, ПродаМан, Authortoday, Surgebook, Призрачные миры и прочие.

Будучи неотъемлемой и довольно объемной частью интернет-дискурса, интернет-комментарии на вышеупомянутых узкоспециализированных онлайн-платформах обладают рядом отличительных особенностей. Специалист в сфере языкознания Т.В. Алтухова в своих научных исследованиях обращала внимание на ряд специфичных характеристик интернет-комментариев: эмоциональность, субъективность, имитация разговорной речи, разговорный синтаксис, эмотиконы, экспрессивная пунктуация [Алтухова, 2012].

Также важно упомянуть такие имманентные характеристики текста интернет-комментария как высокая контекстуальность, деперсофонизация и высокий уровень анонимности.

Более того, значимой отличительной характеристикой интернет-комментариев на вышеупомянутых платформах является их обильная гипертекстуальность, несущая и определенную функциональную нагрузку. Данная работа посвящена рассмотрению гипертекстуальности интернет-комментариев на платформе «Author Today». Под гипертекстуальностью платформ самиздата мы понимаем размещение текста в электронной среде таким образом, что один текст находится вне другого текста, а связи между ними устанавливаются в виде гипертекстовых ссылок, благодаря чему эти тексты становятся электронным гипертекстом.

В данной статье предлагается использовать определение, сформулированное М.В. Масаловой. Согласно точке зрения ученого, гипертекстуальность является потенциальной и реализованной возможностью нелинейного прочтения текста, а также текстового единства, состоящего из двух или более текстов, а гипертекст как электронную форму текста, состоящую из фрагментов и сносок, предоставляющих возможность нелинейного прочтения текста [Трифорова, 2022: 43].

Именно на платформе для публикации цифровых произведений самиздата гипертекст реализуется во всех своих проявлениях ввиду структурных особенностей, позволяющих читателю мгновенно перейти к другим информационным единицам или к другому электронному гипертексту, то есть выбрать свой собственный путь чтения.

Основными структурными элементами электронного гипертекста на данной платформе являются гиперкаркас с электронными хедлайнами, сами интернет-комментарии-информационные единицы, в структуру которых входят вербальные элементы и элементы параграфемики, и гипертекстовые ссылки, служащие средством инкогезии и средством обеспечения инкогерентности, обеспечивающие нелинейность, интерактивность и мультимедийность электронного гипертекста [Котельникова, Котельников, 2019: 65].

Коммуникация пользователей на платформе «Author Today» реализуется через интернет-комментирование текстов-стимулов, в данном контексте литературных произведений самиздата. Структура представленных на платформе интернет-комментариев в поле конкретного произведения представляет собой набор последовательных первичных комментариев, упорядоченных по времени их оставления. Линейность комментирования нарушается вторичными комментариям, сгруппированными в отдельные скрытые дискуссии благодаря возможности группирования интернет-комментариев посредством внутренних гиперссылок платформы «*Раскрыть ветвь*». Пользователи имеют возможность как последовательного комментирования, так и хаотичного, самостоятельно конструируя коммуникативную составляющую платформы, формируя многоярусную и иерархическую систему интернет-комментариев.

Несмотря на наличие возможности линейного конструирования полотна дискурса, на данной платформе превалирует объем комментариев, сгруппированных посредством гиперссылок «*Раскрыть ветвь*», что и определяет высокий уровень гипертекстуальности интернет-комментариев именно на платформе «Author Today» в сравнении с другими с платформами для самопубликации, функционирующими на

сегодняшний день. В частности, например, на платформах «Литрес» и «Литнет» отсутствует иерархически-выстроенный гипертекст, для интернет-комментариев на данных платформах характерно присутствие лишь традиционного гипертекста внутри отдельных комментариев, осуществляющего переадресацию на другие страницы в сети.

Гипертекстуальность определяет ключевую характеристику интернет-комментариев на платформе цифрового самиздата «Author Today» – дисперсность текстовой структуры, представление информации в виде небольших фрагментов-гнезд с возможностью входа в такую структуру с любого фрагмента. Отсюда следует постоянная обновляемость, открытость и незавершенность дискурса платформы «Author Today».

Электронный гипертекст является открытым, об этом можно судить по возможности добавления в него новой информации. Помимо этого, он не может быть окончательным, поскольку автор или пользователи могут вносить в него коррективы по своему усмотрению [Манченко, 2020: 105]. Причем это происходит таким образом, что ни одна из ветвей на платформе не может считаться оконченной, пользователи имеют возможность продолжить ее текстовое ветвление спустя неопределенный временной промежуток.

Помимо нелинейного структурирования текста пользовательских интернет-комментариев, гипертекстуальность на данной платформе распространяется посредством внутреннего гипертекста вовне отдельного комментария. Автор имеет возможность оставлять внутреннюю гиперссылку, т.е. гиперссылку к своему же комментарию, переходя по которой открывается скрытый текстовый фрагмент того же автора в этом же информационном гнезде. Таким образом, внутри одного первичного интернет-комментария может существовать несколько гипертекстуальных гнезд, включающих вторичные, третичные и последующие группы комментариев. Вышесказанное определяет текстовую нелинейность платформы «Author Today», текст интернет-комментариев организован таким образом, при которой пользователь может выбирать самостоятельно персональный маршрут изучения электронного

гипертекста. На помощь ему приходят гиперссылки, а сам текст приобретает черты индивидуальности.

Более того, для платформы «Author Today» характерна разнородность и мультимедийность представления гипертекстуальной информации. В авторских информационных единицах электронного гипертекста высока частотность элементов других семиотических систем, или элементов параграфемии, то есть совокупность невербальных средств статичного, анимационного и интерактивного характера, видео и аудио, характеризующихся функциональными особенностями и содержащих гипертекстовые ссылки. Интернет-комментарии на данной платформе помимо традиционных привычных гиперссылок, включают и гипертекстуальные мультимедиа, и QR-коды, и авторские анкорные гиперссылки, влияющие на читательскую стратегию. В частности, интернет-комментарии содержат следующие примеры гиперссылок, выраженных в отдельных лексемах и их комбинациях: *ИМХО*, *спойлер*, *прямо не относится к вопросу* и другие [Панфилова, 2019: 100].

Авторский гипертекст адресует читателей как ко диверсифицированным внешним источникам информации, так и к информационным единицам внутри данной платформы. В частности, к отдельным интернет-комментариям, странице автора, к главной странице обсуждаемого произведения или любой из его частей, к отдельным цитатам внутри произведения. Характерной чертой гипертекстуальности на данной платформе является также возможность использования гиперссылки, содержащей отсылку на конкретного ее пользователя. Авторы комментариев персонализируют гипертексты, добавляя индивидуализированные гиперссылки, содержащие настоящие имена пользователей или их никнеймы.

Описывая гипертекстуальность интернет-комментариев на платформе «Author Today», необходимо обратиться и к функциям гипертекста. У гипертекстуальных комментариев имеется собственный функционал – они реализуют репрезентативную функцию, поскольку внутри них хранится, обрабатывается и обобщается информация. Непосредственно информационные единицы выстраиваются в иерархию [Мухутдинова, Эрштейн, 2023: 327].

Особенностью гипертекста является то, что при его использовании имеется возможность изучить и обработать достаточно объемный массив данных, причем они будут изложены весьма емко и компактно, на основании чего пользователь может сформировать собственный вид дискурса.

Предлагается рассмотреть также и суггестивную функцию рассматриваемого явления. С ее помощью становится возможным комбинировать информацию, представлять ее таким образом, чтобы читатель начал испытывать определенные чувства и эмоции. Помимо этого, он может выбирать аргументы для дискуссии, выбирать необходимого коммуниканта.

Когда выполняется суггестивная функция, то здесь всегда представлен маленький фрагмент информации, чаще всего недостоверной, либо не подтвержденной официальными источниками [Нашхоева, 2023: 208]. Здесь всегда информация является резонансной, она вызывает у читателя желание ее прокомментировать. Таким образом, данная функция направлена на оказание влияния на психологический и эмоциональный фон пользователя. Гипертекст интегрирует стороны коммуникации – адресанта и адресата, формируя у них общие эмоции и ощущения

Заключение

Подводя итог, следует подчеркнуть, что интернет-комментарии на платформах цифрового самиздата имеют ряд отличительных особенностей, к которым относится и гипертекстуальность. Гипертекстуальность делает интернет-комментарии более интерактивными, разнообразными и динамичными, что влияет на способы коммуникации и тарнсефра информации в онлайн-пространстве [Рябуха, 2020: 75].

В ходе исследования гипертекстуальности интернет-комментариев на платформах цифрового самоиздания было выявлено, что данные комментарии представляют собой многоуровневое явление, способствующее расширению контекстуального и прагматического понимания оригинального текста. Гипертекстуальная природа комментариев, усиленная возможностью ссылаться на другие источники, цитировать предыдущие обсуждения и включать мультимедийные элементы, создаёт динамичное пространство для взаимодействия между авторами и читателями [Потапова, 2019: 203].

К особенностям электронного гипертекста платформах цифрового самиздата можно отнести:

- вариативность построения;
- дисперсность структуры;
- доступность;
- интерактивность;
- мультимедийность;
- открытость;
- сетевая организация
- многовекторность и многоуровневая семантическая

иерархия [Котельникова, Котельников, 2019: 65].

Таким образом, гипертекстуальность интернет-комментариев не только обогащает контент цифрового самоиздания, но и переосмысляет роль читателя в актуальной литературной практике. Читатели становятся активными создателями значений, что открывает новые горизонты для анализа современных текстов. В дальнейшем следует рассмотреть потенциал использования гипертекстуальных комментариев в образовательных и исследовательских целях, а также их влияние на формирование литературного сообщества в условиях повсеместной цифровизации.

Литература

1. Алтухова, Т. В. Социальная компьютерная сеть «ВКонтакте»: жанровая характеристика // СибСкрипт. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-kompyuternaya-set-vkontakte-zhanrovaya-harakteristika> (дата обращения: 11.11.2024).
2. Котельникова, Е.В., Котельников, В.В. Категориально-фреймовый гипертекст синтеза речевых актов англоязычного дискурса / Е.В. Котельникова, В.В. Котельников // Лингвистика гипертекста и компьютерно-опосредованной коммуникации: материалы международной научно-практической конференции, 30 августа 2019. – Самара: СГСПУ, 2019. – С. 62–72.
3. Манченко, Е.С. К вопросу о структуре ссылок в гипертекстуальном произведении / Е.С. Манченко, Е.М. Торбик, Г.С. Кадырбирдиева // Гуманитарные исследования. – 2020. – № 4(76). – С. 104–110
4. Мухутдинова, Н.Р., Эрштейн, М.О. Типология современных виртуальных литературных жанров / Н.Р. Мухутдинова, М.О.

- Эрштейн // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 1 (98). – С. 326–329.
5. Нашхоева, М.Р. Типология жанров интернет-коммуникации / М.Р. Нашхоева // Вестник науки. – 2023. – Т. 4. – № 1 (58). – С. 206–212.
 6. Рябуха, О.В. К вопросу типологии и интерпретации медиатекстов / О.В. Рябуха // Исследования языка и современное гуманитарное знание. – 2020. – Т. 2. – № 2. – С. 72–80.
 7. Панфилова, С.С. Языковая реализация гиперссылок в текстах/ С.С. Панфилова // Лингвистика гипертекста и компьютерно-опосредованной коммуникации: материалы международной научно-практической конференции, 30 августа 2019. – Самара: СГСПУ, 2019. – С. 98–104.
 8. Потапова, Н.В. Характеристики гипотекста электронного новостного дискурса, обусловленные возрастом адресата и не зависящие от него / Н.В. Потапова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Кемерово, 2019. – 255 с.
 9. Трифонова, В.В. Теория и практика гипертекстовой коммуникации: учебно-методическое пособие / В.В. Трифонова. – Самара: Издательство Самарского университета, 2022 – 76 с.
 10. Филиппова, М.П. Интернет-комментарий и сообщение на интернет-форуме: параметры жанрового разграничения // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2020. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kommentariy-i-soobschenie-na-internet-forume-parametry-zhanrovogo-razgranicheniya> (дата обращения: 11.11.2024).

References

1. Altuhova Tat'yana Vladimirovna Social'naya komp'yuternaya set' «VKontakte»: zhanrovaya harakteristika // SibSkript. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-kompyuternaya-set-vkontakte-zhanrovaya-harakteristika> (data obrashcheniya: 11.11.2024).
2. Kotel'nikova, E.V., Kotel'nikov, V.V. Kategorial'no-frejmovyy gipertekst sinteza rechevyh aktov angloyazychnogo diskursa / E.V. Kotel'nikova, V.V. Kotel'nikov // Lingvistika giperteksta i komp'yuterno-oposredovannoj kommunikacii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 30 avgusta 2019. – Samara: SGSPU, 2019. – S. 62–72.
3. Manchenko, E.S. K voprosu o strukture ssylok v gipertekstual'nom proizvedenii / E.S. Manchenko, E.M. Torbik, G.S. Kadyrbirdieva // Gumanitarnye issledovaniya. – 2020. – № 4(76). – S. 104–110

4. Muhutdinova, N.R., Ershtejn, M.O. Tipologiya sovremennyh virtual'nyh literaturnyh zhanrov / N.R. Muhutdinova, M.O. Ershtejn // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2023. – № 1 (98). – S. 326–329.
5. Nashkhoeva, M.R. Tipologiya zhanrov internet-kommunikacii / M.R. Nashkhoeva // Vestnik nauki. – 2023. – T. 4. – № 1 (58). – S. 206–212.
6. Ryabuha, O.V. K voprosu tipologii i interpretacii mediatekstov / O.V. Ryabuha // Issledovaniya yazyka i sovremennoe gumanitarnoe znanie. – 2020. – T. 2. – № 2. – S. 72–80.
7. Panfilova, S.S. Yazykovaya realizaciya giperssylok v tekstah acknowledgments / S.S. Panfilova // Lingvistika giperteksta i komp'yuterno_oposredovannoj kommunikacii: materialy mezhdunarodnoj nauchno_prakticheskoy konferencii, 30 avgusta 2019. – Samara: SGSPU, 2019. – S. 98–104.
8. Potapova, N.V. Harakteristiki gipoteksta elektronnoho novostnogo diskursa, obuslovlennye vozrastom adresata i ne zavisyashchie ot nego / N.V. Potapova: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. – Kemerovo, 2019. – 255 s.
9. Trifonova, V.V. Teoriya i praktika gipertekstovoy kommunikatsii: uchebno-metodicheskoye posobiye / V.V. Trifonova. – Samara: Izdatel'stvo Samarskogo universiteta, 2022 – 76 s.
10. Filippova, M.P. Internet-kommentariy i soobshcheniye na internet-forume: parametry zhanrovogo razgranicheniya // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya». 2020. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kommentariy-i-soobschenie-na-internet-forume-parametry-zhanrovogo-razgranicheniya> (data obrashcheniya: 11.11.2024).

Статья поступила в редакцию 26.12.2024

Статья одобрена после рецензирования 06.03.2025

Статья принята к публикации 15.05.2025

УДК 81

Степанян Евгения Игоревна
Evgenia Stepanyan

Лингвистическое осмысление: роль американского молодежного сленга в отражении культурных реалий

Linguistic Reflections: The Role of American Youth Slang in Mirroring Culture-Specific Elements

Аннотация. В статье автор ставит целью исследовать, каким образом сленг служит индикатором культурных изменений и реалий среди американской молодежи. В частности, акцент делается на значении сленга для понимания социальных идентичностей, изменений в обществе и динамики молодежной культуры. Анализ сленга позволяет выявить, как язык отражает ценности, предпочтения и вызовы, с которыми сталкивается молодое поколение. Исследование проводилось с использованием качественного анализа различных источников, включая лексикографические данные, научные книги и статьи по теме сленга, наблюдения за молодежной культурой и примеров сленговых выражений, зафиксированные в социальных сетях и медиа. Автор использовал метод сравнительного анализа для изучения эволюции сленга в разные исторические периоды и влияние культурных движений (например, таких как хип-хоп и интернет-культура), технологических достижений и политических событий на язык. Также были собраны и проанализированы актуальные сленговые выражения, их этимология и контекст использования. В результате исследования было установлено, что сленг является мощным инструментом самовыражения молодежи и отражает социальные изменения и культурные тренды. Автор выявил, что сленг не только объединяет представителей различных субкультур, но и может служить средством разделения по расовым и классовым признакам. В статье также было выявлено, что новые термины возникают в ответ на технологические достижения и политические события, что делает сленг важным индикатором текущих социокультурных изменений. В заключении подчеркивается значимость дальнейших исследований в области сленга для понимания динамики молодежной культуры и ее влияния на общество в целом.

Abstract. The aim of the article 'Linguistic Reflections: The Role of American Youth Slang in Mirroring Culture-Specific Elements' is to explore how slang serves as an indicator of cultural change and realities among American youth. In particular, emphasis is placed on the significance of slang in understanding social identities, societal change, and the dynamics of youth culture. The analysis of slang reveals how language reflects the values, preferences, and challenges faced by the younger generation. The research is conducted using qualitative analysis of various sources, including lexicographical data, academic books and articles on the topic of slang, observations of youth culture and examples of slang expressions registered in social networks and media. The method of comparative analysis is applied to study the evolution of slang in different historical periods and the influence of cultural movements (e.g., such as hip-hop and the Internet culture), technological advances, and political events on the language. Current slang expressions, their etymology and context of use are also collected and analyzed. The result of the research reveals that slang is a powerful tool for youth self-expression and reflects social changes and cultural trends. It is discovered that slang not only unites representatives of different subcultures, but can also serve as a means of division along racial and class lines. It is also noted that new terms emerge in response to technological advances

and political events, which makes slang an important indicator of current social and cultural changes. The conclusion emphasizes the importance of further research on slang in understanding the dynamics of youth culture and its impact on society as a whole.

Ключевые слова: сленг, культурные реалии, американская молодежь, идентичность, социальные и культурные изменения

Keywords: *slang, culture-specific elements, American youth, identity, social and cultural changes*

Historically, “the term ‘slang’ itself is a surprisingly recent coinage, dating from the mid-eighteenth century, when the primary sense overlapped with ‘cant’, a much older word meaning “the special vocabulary used by a set of persons of a low or disreputable character,” thus “language of a low and vulgar type” [Hughes, 1939: 437], which later transformed into “a peculiar kind of vagabond language, always hanging on the outskirts of legitimate speech, but continually straying or forcing its way into the most respectable company” [Greenhough, Kittredge, 1902: 55]. The disputes around the legitimacy and acceptability of slang continued into the nineteenth and twentieth centuries, presenting another perspective on the subject. For instance, 1986 “New Dictionary of American Slang” by Robert L. Chapman gives examples of a large quantity of varieties of slang from different spheres of life: from the criminal underworld to college student and respectable professions. “The common factor in these categories is that slang terms form a sociolinguistic barrier within which insiders identify themselves through passwords that are initially unfamiliar and thus disturbing to outsiders” [Hughes, 1939: 438]. Today slang and swear words are an essential part of the linguistic environment, occasionally appearing even in the most well-mannered people's speech. Slang differs from the standard language in its style, vocabulary and grammatical structures, which makes it an important object of study in the field of sociolinguistics and cultural anthropology. Slang not only serves as a means of communication, but also fulfils the function of identification and social belonging, reflecting the cultural and social realities of its time.

Modern slang, especially among young people, is an indicator of changes in social norms, values and perception of the world. It is actively shaped by various factors, including technological innovation, globalisation and cultural transformation. American youth, being at the centre of these processes, creates a unique lexicon that reflects their views on identity, interaction and social relations.

The importance of slang in language cannot be overestimated: it serves not only as a means of self-expression, but also as a tool for analysing social context. Understanding slang allows researchers to gain a deeper understanding of cultural codes and the dynamics of interaction between different social groups. In this article, we will touch on the historical context of slang, look at how it has evolved and the significant changes it has undergone under the influence of different cultural movements. Next, based on the examples of slang expressions, we will give an overview of the current trends in youth slang, analysing the etymology of these expressions and the context. Subsequently, we will analyse how young people express their identity, unite or separate according to different social characteristics by means of slang. Finally, we will give an overview of how social change transforms the language, what slang terms emerge in these circumstances, furthermore we will analyse their meaning and the context of use. In conclusion, we will make inferences about the significance of slang as a reflection of culture-specific elements of American youth and talk about possible lines and the significance of future research.

Historical context of slang

Youth slang is a dynamic and changeable phenomenon that reflects cultural, social and historical contexts of its time. To provide a historical overview of youth slang evolution, we have taken the most prominent periods in the US history, highlighting key decades: the 1920s, 1960s, 1980s, and 2000s. Each of these periods is characterised by unique lexical changes that serve as indicators of culture-specific elements and trends.

The 1920s in the United States, also known as ‘the roaring twenties’, was a period of social and cultural upheaval reflected in youth slang. Words and expressions such as ‘flapper’, used to portray an emancipated, independent, free young woman of the period, and ‘bee’s knees’, in the meaning of ‘something wonderful’, ‘top notch’, became symbols of the new freedom and youth rebellion against traditional norms. These changes were related to the growing popularity of jazz and the changing role of women in society¹.

¹ The Roaring Twenties [Электронный ресурс]. URL: <https://www.history.com/topics/roaring-twenties/roaring-twenties-history> (дата обращения: 23.10.2024)

The 1960s marked a cultural revolution in America, fuelled by the civil rights movement and protests against the Vietnam War. This period saw the emergence of terms such as ‘groovy’ (for instance, in the name of the 1965 song "Groovy Kind of Love" by vocal duo of the 60s “Diane & Annita”) and ‘hippie’ to reflect new ideals of freedom and self-expression [Rhuart, 2020: 72]. Slang from this period also included words from an informal and unstandardised version of the English language named ‘African-American Vernacular English’ (henceforth ‘AAVE’), such as ‘cool’ and ‘bad’, which became part of the general vocabulary of young people¹.

The next major frontier was the 1980s, when youth slang, influenced by culture of consumption and pop culture, underwent significant changes. Words such as ‘rad’ meaning ‘awesome’, ‘cool’ deriving from ‘radical’² and ‘Gazillionaire’, ‘Bazillionaire’, and ‘Buttload’³, describing people with indecently large amount of money, became popular among teenagers, reflecting their desire for individuality and self-expression. Additionally, the influence of hip-hop culture led to the proliferation of terms such as ‘dope’ meaning ‘cool’ and ‘OG’ - original gangsta [Vernon, 2006: 105].

With the beginning of the new millennium, youth slang has become linked to digital technology and Internet culture. Abbreviations such as ‘LOL’ (‘laugh-out-loud’) and ‘BFF’ (‘best friends forever’) have become commonplace in young people's communication. These changes not only reflect new forms of communication, but also emphasise the influence of social media on young people's identity formation [Tagliamonte, 2016: 2].

The evolution of youth slang in the United States demonstrates how language can function as a mirror of the cultural realities of its time. Each decade is represented by unique lexical features that reflect changes in social norms, values, and technologies. Analysing these changes provides a deeper understanding of the dynamics of youth culture change and its relationship to the language.

¹ The Power of Slang [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pbs.org/speak/words/sezwho/slang> (дата обращения: 24.10.2024)

² Rad [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/rad#word-history> (дата обращения: 27.10.2024)

³ Gazillionaire [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/gazillionaire#word-history> (дата обращения: 27.10.2024)

Current trends in youth slang

Modern youth slang is formed under the influence of such factors as globalisation, development of digital technologies and changing social norms. In this part of the article, we will look at current slang expressions, their origin and context.

A list of contemporary popular slang words and expressions:

1. Lit

Context: Means something exciting or excellent, often used to describe parties or events.

Example: "Judging by the energy displayed in the party room, it is safe to say the party was *lit*"¹.

2. Salty

Context: Means irritation or dissatisfaction, especially over small things.

Example: "She was *salty* for not winning the game"².

3. Ghosting

Context: Ending/avoiding communication with someone without explanation, especially in the context of a romantic relationship.

Example: "He totally *ghosted* me after our first date"³.

4. Flex

Context: To boast aggressively, often used in the context of showing off material goods or achievements.

Example: "He's always *flexing* about his new sneakers"⁴.

5. Bae

Context: AAVE pronunciation of 'babe', used as a term of endearment toward loved ones, synonymous to 'baby', 'sweetheart', etc⁵.

Example: "I spent the weekend with *bae*."

¹ Lit [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/wordplay/lit-meaning-origin> (дата обращения: 24.10.2024)

² Salty [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/salty> (дата обращения: 24.10.2024)

³ Ghosting [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/ghosting> (дата обращения: 24.10.2024)

⁴ Flex [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/flex> (дата обращения: 24.10.2024)

⁵ Bae [Электронный ресурс]. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Bae> (дата обращения: 24.10.2024)

Further, we will refer to the etymology of the contemporary slang terms introduced above.

1. Lit:

The origin of the term dates back to the early 20th century, where it was originally used to describe a state of intoxication. A century later, 'lit' appears in the African-American slang of rap lyrics with the same meaning, subsequently transforming over the recent years and developing a meaning of 'something exciting', 'fun'. The popularity of the term has recently grown again due to its use in hip-hop culture and social networking sites¹.

2. Salty:

The term originated in the U.S. Navy, where it was used to describe disgruntled senior enlisted members. It also described a person already experienced in shipboard service, whose romantic notion of shipboard life had been replaced by a sense of 'sea salt' everywhere. This phrase is synonymous to a marine 'frailty of life'².

3. Ghosting:

The earliest records of the word can be found in the 1800s in the meaning 'to move silently like a ghost', then not until 2004 'ghost' reappeared in the meaning 'to leave suddenly and without saying goodbye' and in the early 2010s, with the increased popularity of online dating, the word started to be used again. Since then, ghosting (noun) and to ghost (verb) describe the phenomenon of leaving a relationship, with an abrupt cessation of communication, especially electronic - texting, social media, instant messaging, with another person without explanation³.

4. Flex:

The word 'flex' comes from American English and was originally used in the context of bodybuilding to describe a display of muscle and occurs circa 1521. It has acquired a broader meaning in modern slang, due to African American culture and the proliferation

¹ Lit [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/wordplay/lit-meaning-origin> (дата обращения: 24.10.2024)

² Salty [Электронный ресурс]. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=salty> (дата обращения: 24.10.2024)

³ Ghosting [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/wordplay/ghosting-words-were-watching> (дата обращения: 24.10.2024)

of rap music, where the word appears in the sense of demonstrating success or material possessions¹.

5. Bae:

The term originated in the early 2000s and became popular due to hip-hop and black culture, then gained a new wave of popularity due to social media and Influencers. Some sources contain information that this slang word is a backronym for 'before anyone else'².

Slang and social identities

Slang serves not only as a tool of communication, but also fulfils functions that contribute to the formation of social status, belonging to a certain social group and expression of individuality.

The use of slang allows young people to stand out among their peers and demonstrate their uniqueness, owing to the fact that slang expressions often contain elements of creativity and innovation, allowing young people to experiment with language and create new meanings for old words³. For instance, the use of specific terms within the hip-hop subculture (Mc, beat, flow, dope, diss, swag) or punk culture (oi, A.C.A.B. (=all cops are bastards), pogo dancing, mosh pit) can serve as a marker of belonging to these groups.

Examples of group identity may include such slang terms as 'dude, buddy, pal, BFF' in the context of referring to friends in youth culture or, for example, in the subculture of street gangs, 'gopniks' in Russian language 'bratva, normalnye patsany' or in English language: fam (from 'family'), homies, hood. These terms not only denote belonging to a certain group, but also create a sense of solidarity among its members.

Studies show that youth groups often use slang to create a unique conversational space that reinforces their identity. For example, studies in sociolinguistics note that university students may use specific terms and phrases to signify their belonging in academic environment, distinguishing themselves from the outside world [Thorne, 2007: 1].

¹ Flex [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/flex> (дата обращения: 24.10.2024)

² Bae [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dictionary.com/browse/bae#word-history-and-origins> (дата обращения: 24.10.2024)

³ Student slang [Электронный ресурс]. URL: www.kcl.ac.uk/research/slang-and-new-language (дата обращения: 25.10.2024)

Slang can be a powerful tool of unification within subcultures. The use of specific vocabulary creates a sense of belonging and security among group members [Damirjian, 2024: 17]. For example, in the gamer subculture, there is a wide range of terms and acronyms such as 'NPC', standing for 'Non-Player Character' or 'PvP', meaning a 'Player versus player,' that help to create a common identity and strengthen bonds within the community.

Conversely, slang can also serve as a tool of separation. Specific terms can be used to marginalise or stigmatise certain groups. For instance, in some cases, the use of slang may indicate social status or level of education, resulting in class differences in the perception of language [Bourdieu, 1991: 123].

Moreover, language can become a means of racial segregation. In some contexts, for example, the use of certain slang expressions may be associated with a particular racial or ethnic group, which can lead to prejudice or discrimination [Lippi-Green, 1997: 101].

Based on the information stated above, we can conclude that slang is an important aspect of social identity formation among young people. It serves both as a means of self-expression and unification as well as a source of separation along various lines. Understanding the role of slang in these processes is key to studying the dynamics of youth culture and sociolinguistics.

Slang as a reflection of cultural change

Within the conditions of rapid changes in technology and political events, the language acutely adapts and reacts to these changes with the appearance of new slang terms, which become peculiar markers of the time, reflecting the current realia and public moods.

Modern technologies, in particular the widespread use of smartphones and the Internet, have significantly changed the lexical composition of the language. The emergence of new devices and platforms necessitates new terms, which often become part of slang. For instance, the words 'selfie' and 'to post' have emerged as a result of the active use of social networks and mobile applications. These

terms not only describe new actions, but also form new social practices related to self-expression and interaction¹.

Political events also have a significant impact on language. Protests, rights movements and military conflicts give rise to new slang terms that emphasise current social issues. For example, the Black Lives Matter and #MeToo protest movements have given rise to terms such as ‘social justice warrior’ (SJW), which is used to refer to activists fighting for social justice². These terms not only describe new social phenomena, but also reflect conflicts and divisions in society.

In this part of the article, it is suggested to have a look at examples of modern slang terms that have emerged in response to social change.

The term ‘cancel culture’ refers to the phenomenon of boycotting people or organisations for their actions or statements that are considered offensive or unacceptable. This slang term has become particularly popular in recent years as social media has become a platform for expressing discontent and allowing people to openly hold others accountable. The context for the use of this word is often linked to discussions about the limits of free speech and the consequences of public criticism³.

Similar in semantics to ‘cancel culture,’ the word ‘woke,’ which was originally used in the African American community in 1938 to denote awareness of social and racial issues, also deserves consideration. In recent years, however, the term has gained a broader meaning and has been used as a synonym for social activism and vigilance against injustice, especially in the context of the Black Lives Matter movement. Meanwhile, its use has become a matter of controversy, with some people criticising ‘woke’ for being too politically correct [Vis, Faulkner, Noble, Guy, 2020: 260].

¹ Language: Social Relations and Interactions in the Digital Era [Электронный ресурс]. URL: <https://repository.uinjkt.ac.id/dspace/handle/123456789/72248> (дата обращения: 25.10.2024)

² Social justice warrior [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/wordplay/what-does-social-justice-warrior-sjw-mean> (дата обращения: 25.10.2024)

³ Americans and ‘Cancel Culture’: Where Some See Calls for Accountability, Others See Censorship, Punishment [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2021/05/19/americans-and-cancel-culture-where-some-see-calls-for-accountability-others-see-censorship-punishment> (дата обращения: 25.10.2024)

The research conducted in the process of writing this article has demonstrated that modern slang serves not only as a means of communication, but also as an important indicator of the cultural realities of American youth. Slang reflects the dynamics of social change, trends in youth culture and identity transformation. It functions as a mirror that reveals the values, preferences, and challenges faced by the younger generation. Slang expressions and terms often emerge in response to changes in society, including technological innovations, social movements and globalisation. Thus, slang becomes an important tool not only for linguistic analyses, but also for studying cultural change and young people's adaptation to new conditions.

Prospects for further research in this area provide multiple directions. One of the key aspects is the impact of globalisation on American slang, which requires a detailed analysis of borrowings from other languages and cultures, as well as changes in the language caused by migration and intercultural interactions. In addition, it is worth paying attention to the role of social media in the formation and dissemination of slang, which can significantly change the dynamics of its evolution. The importance of further study of slang in the context of changing culture lies in its ability to reflect and, sometimes, predict cultural trends, as well as in the possibility of using slang as a tool for analysing sociocultural processes.

References

1. Bourdieu, P. *Language and Symbolic Power*. Cambridge: Polity press, 1991. – 219 pp.
2. Damirjian, A. The social significance of slang // *Mind & Language*. Online journal: John Wiley & Sons Ltd., № 39(5) 2024, pp.1–19. <https://doi.org/10.1111/mila.12530>.
3. Greenhough, J. B., Kittredge, G.L. *Words and Their Way in English Speech*. London: Macmillan, 1902. – 431 pp.
4. Hughes, G. *An encyclopedia of swearing: the social history of oaths, profanity, foul language, and ethnic slurs in the English-speaking world*. New York: M.E. Sharpe, 1939. – 573 pp.
5. Lippi-Green, R. *English with an accent: language, ideology and discrimination in the United States*. New York: Routledge, 1997. – 286 pp.

6. Rhuart, B.S. *Hippie Films, Hippiesploitation, and the Emerging Counterculture, 1955-1970*. Ohio: Bowling Green State University, 2020. – 272 pp.
7. Tagliamonte, S.A. So sick or so cool? A look at youth language in the 21st century // *Language in Society*. Online journal: Cambridge University Press, № 45(1) 2016, pp.1-32.
8. Vernon, A. American studies 111: hip-hop culture coming soon to a classroom near you? // *Australasian Journal of American Studies*. Online journal: Australia New Zealand American Studies Association, № 25(1) 2006, pp.103–114.
9. Vis, F., Faulkner, S., Noble, S.U., Guy, H. When Twitter Got #woke: Black Lives Matter, DeRay McKesson, Twitter, and the Appropriation of the Aesthetics of Protest // *The Aesthetics of Global Protest: Visual Culture and Communication*. Amsterdam: Amsterdam University Press, № 19 2019, pp.247–266. <https://doi.org/10.1515/9789048544509-016>.

Статья поступила в редакцию 25.12.2024

Статья одобрена после рецензирования 06.03.2025

Статья принята к публикации 15.05.2025

УДК 81

Юсупова Седа Мусаевна
Seda Yusupova

Человеческие отношения в семантике идиом

Human Relations in the Semantics of Idioms

Аннотация. *Цель.* Изучение семантики английских, немецких, русских и чеченских идиом, описывающих человеческие отношения. **Процедура и методы.** Методами исследования стал когнитивный, семантический, корпусный, сопоставительный анализ. Проведен анализ английских, немецких, русских и чеченских идиом, описывающих человеческие отношения и контекстов их употребления. Научная новизна работы заключается в исследовании универсального и национально-специфического в идиомах разноструктурных языков. **Результаты.** Результаты исследования показали, что семантика человеческих отношений многогранна. Внутренняя форма и значение идиом отражают концептуальные сходства и различия в представлении «человеческих отношений», национально-культурную специфику. Корпусный подход выявил особенности употребления идиом в современных аутентичных контекстах, влияние внутренней формы на актуальное значение, дополнительные и новые значения, не зафиксированные в словарях. **Теоретическая и практическая значимость заключается** в раскрытии специфики концептуализации человеческих отношений в разноструктурных языках.

Abstract. *Aim.* The study of the semantics of English, German, Russian and Chechen idioms describing human relations. **Methodology.** The research methods were cognitive, semantic, corpus, comparative analysis. An analysis of English, German, Russian and Chechen idioms describing human relations and the contexts of their use was carried out. The scientific novelty of the work lies in the study of universal and national-specific in idioms of languages of different structure. **Results.** The results of research showed that the semantics of human relations are multifaceted. The inner form and meaning of idioms reflect conceptual similarities and differences in the representation of "human relations," national-cultural specificity. The corpus approach revealed the peculiarities of the use of idioms in modern authentic contexts, the influence of the inner form on the relevance. **Research implications.** Theoretical and practical significance lies in the disclosure of the specificity of the conceptualization of human relations in different structural languages.

Ключевые слова: идиомы, семантика, сопоставительный анализ, человеческие отношения, контекст

Keywords: idioms, semantics, comparative analysis, human relations, context

Введение

В современном мире актуально изучение межкультурной коммуникации, связи языка и культуры, отражение мировоззрения и социокультурных практик в разных языках для построения диалога и взаимопонимания. Фразеология является наиболее образным и национально специфическим разделом языка, в котором могут быть обнаружены как универсальные, так

и культурно специфичные особенности. Анализ семантики идиом, их внутренней формы и значения выявит способы культурной референции. Интерпретация образов, описывающих различные ситуации повседневной жизни, знания, культурные факты, события, послужат мостом для поиска системных и функциональных соответствий в разных языках, наглядного представления семантики идиом в словарях.

Цель исследования - изучить семантику английских, немецких, русских и чеченских идиом, описывающих человеческие отношения.

Материалом исследования послужили более 1000 английских, немецких, русских и чеченских идиом, представляющих человеческие отношения, полученных из фразеологических словарей английского [Oxford Idioms Dictionary for Learners of English, 2006], немецкого [Duden, 11, 2008], русского [Баранов, Добровольский, 2007] и чеченского [Байсултанов Д., Байсултанов Д., 1992] языков и более 10 тысяч контекстов их употребления из Британского национального корпуса, Корпуса современного американского английского, Корпуса института немецкого языка в Мангейме, Национального корпуса русского языка и Корпуса текстов чеченского языка¹. Методы исследования - когнитивный, семантический, корпусный, сопоставительный анализ.

Одной из значимых характеристик языка является его образность, способность передавать эмоции [Патюкова, 2008: 103-105]. Образный язык наиболее наглядно и ярко передает когнитивные механизмы познания и социальный опыт человека [Colston and Gibbs, 2021: 231]. Значимыми выступают средства концептуализации понятий и их отражения в языке [Вежицкая, 2011: 57]. В рамках когнитивного подхода, идиомы строятся на абстрактной образности и метафорически передают один вид опыта в терминах другого.

¹ URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/>, <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 15.11.2024); URL: <http://www.ids-mannheim.de/kl/.../korpora/> (дата обращения: 15.11.2024); URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 15.11.2024)

Фразеологические выражения могут быть основаны исключительно на абстрактной образности, метафорически отражать один вид опыта в терминах другого. Источником и мотивацией метафор становится повседневная жизнь, объекты материальной культуры, обычаи и социокультурные особенности [Sharma, 2015: 89, 101]. Образы идиом наиболее схожи у родственных языков, чем у различных языков. Компоненты, содержащиеся во внутренней форме идиом, могут быть культурно-специфичны и выявлены в ходе интерпретации [Berthemet, 2015: 2].

Внутренняя форма может различаться при схожести актуального значения идиом, может включать национально-культурные компоненты в лексическом составе. Сходные по форме и значению идиомы имеют общность в коннотативном плане, оценочном и экспрессивном значении. Внутренняя форма указывает на образ, легший в основу фразеологизма [Сырица, 2019: 78-85]. Как показывают исследования, идиомы в наибольшей степени передают и вызывают эмоции в процессе обработки ввиду образности и символичности [Citron, 2019: 244]. Ценностная картина мира в языке отражается через оценочное восприятие, мораль, религиозные знания, правовой аспект, фольклор, литературу [В.И. Карасик цит. По Буряковская, 2014: 94].

Понимание непрозрачных идиом отключает обработку лексических компонентов, при этом лексемы внутри идиомы синтаксически должны быть связны и включены в контекст семантически [Rommers, Dijkstra, 2013: 775].

Семантическое моделирование раскрывает особенности образности идиом и их метафоризации в сопоставительном исследовании [Никитина, 2020: 184]. Одна и та же идиома (фразеологический паттерн) может одновременно использоваться для отображения разных понятий и идей [Solano, 2020:28]. Когнитивная специфика идиом в сопоставляемых языках проявляется в различном восприятии и переосмыслении одних и тех же явлений действительности. В когнитивных моделях отражаются наиболее значимые для носителей языка признаки, характеризующие специфику знаний, наивную картину мира [Олейник, 2016: 297].

Образы наиболее всего раскрывают семантические и прагматические особенности отдельных идиом, как лексических единиц с уникальным набором свойств. На базовом уровне можно отличить почти синонимичные идиомы друг от друга. Знание основополагающих концептуальных метафор не является единственным типом знаний, который имеет лингвистическое значение. Чтобы описать, как функционируют идиомы, необходимо также принимать во внимание другие концепции, основанные на культуре, которые во многих случаях определяют переход от буквального к образному. Теория образного языка специально разработана для раскрытия особенностей образных единиц, таких как идиомы, пословицы, метафоры с одним словом и т. д. [Dobrovolskij & Piirainen, 2005: 31].

Национальная специфика семантики идиом затрагивает различия в семах сопоставляемых идиом. Контрастивный анализ позволяет описать семы идиом, выявить национально-культурные компоненты. Семантическая общность и специфика могут проявляться в семантико-образной эквивалентности, национальной специфике, семантической эквивалентности, фразеологической безэквивалентности. Национальная специфика включает денотативный, коннотативный и функциональный аспекты [Зиминина, 2007: 6-7]. В каждом языке обнаруживаются специфические фразеологизмы, не имеющие аналогов в других языках, а также авторские фразеологизмы, имеющие своим источником литературу [Sabirova, Zakirova, Shangaraeva, Asar, 2018: 123].

Представление человеческих отношений в семантике английских, немецких, русских и чеченских идиом: корпусный подход

Результаты исследования показали, что семантика человеческих отношений многогранна. Идеографическая классификация позволила выделить таксоны, характеризующие *коммуникацию, толерантность/нетерпимость*. Внутренняя форма и значение идиом отражают концептуальные сходства и различия в представлении «человеческих отношений». Национально-культурная специфика проявляется в компонентном составе или культурных сценариях, имеющих объяснения в рамках национальной картины мира. Корпусный

подход выявил особенности употребления идиом в современных аутентичных контекстах, специфику человеческих отношений, влияние внутренней формы на значение, дополнительные и новые значения, не зафиксированные в словарях, функциональные соответствия в переводе. Рассмотрим семантику идиом из выделенных таксонов, а также контексты их употребления.

Коммуникация

Английская *a mine of information (about/on sb/sth)* – «человек, книга и т. д., которые могут дать вам много информации по конкретной теме», 8 контекстов. В контекстах о книге или сайте, в которых можно узнать информацию, выступают источником и посредниками коммуникации между человеком и отправителем сообщения.

I have noticed as I have been reading fiction from the eighteenth and nineteenth century, Dickens, Thackeray, Austin, Trollope, that there is *a mine of information* as to how people lived in those times. It is not necessarily accurate as would be anthropological or sociological studies, but certainly would provide some insight as to the treatment and roles of elderly people of those times (BNC, 2012). Я заметил, когда читал художественную литературу восемнадцатого и девятнадцатого века, Диккенса, Теккерея, Остина, Тrollope, что существует *огромное количество информации* о том, как люди жили в те времена.

Идиома *a good/bad mixer* имеет значение «человек, которому легко/трудно общаться с людьми, которых он не знает, например, на вечеринке», 4 контекста с *good*, 1 с *bad*. В контекстах акцентируется ценность коммуникабельности, умения вступать в общение с разными людьми для достижения успеха и отрицательное отношение к робости и необщительности (*painfully shy*):

a. Mr. B has risen beyond his real abilities by virtue of health, good looks, and being *a good mixer*. He married for money and he has done lots of other things for money (BNC, 2012). Мистер Б вышел за рамки своих реальных способностей благодаря здоровью, хорошей внешности и *умению общаться*. Он женился по расчету и сделал много других вещей по расчету.

b. Mrs. Coughlan said that Hugh would not be joining us, since he was painfully shy and *a bad mixer* (BNC, 2011). Миссис Коулан сказала, что Хью не присоединится к нам, так как он был болезненно застенчивым и *плохим собеседником*.

Немецкая идиома *unter die Leute kommen* (разг.) определяется как – «1. иметь контакт с другими людьми, участвовать в общении, 2. стать публичным. Было найдено 147 контекстов, употребляется с субъектом действия - что-то идет в люди, деньги во многих контекстах, *das Geld* (*деньги*), предметы *die Gratisbilletle* (*бесплатный билет*), *das Werk des Künstlers* (*работа художника*). В следующих контекстах выражается значимость общения, противопоставление одиночества и общения с людьми, потребность иметь контакт через музыку:

a. Die Musik ist für mich eine super Ergänzung zum Maleralltag. Denn wenn man den ganzen Tag alleine im Atelier arbeitet, tut es gut, durch die Musik *unter die Leute kommen* zu können. Was wollen Sie mit der Einladung zum Atelierbesuch bei ihren Besucherinnen und Besuchern erreichen? Mir ist es wichtig, dass die Leute einen Blick hinter die Kulissen der Arbeit eines Künstlers werfen können (St. Galler Tagblatt, 02.12.2019). Музыка для меня - отличное дополнение к повседневной жизни художника. Потому что, если вы целый день работаете в студии в одиночестве, хорошо иметь возможность *общаться с людьми через музыку*. Чего вы хотите достичь, пригласив посетить студию своих посетителей? Для меня важно, чтобы люди могли заглянуть за кулисы творчества художника.

b. Auch er spricht von einer zunehmenden Vereinsamung, der man begegnen wolle, damit die Leute *unter die Leute kommen* (Rhein-Zeitung, 12.09.2019). Он также говорит о растущем одиночестве, с которым хотят столкнуться, чтобы *люди начали общаться*.

c. Ich bin viel in der Stadt unterwegs. Man muss *unter die Leute kommen* und am gesellschaftlichen Leben teilnehmen. Oft sprechen mich Leute direkt an. Ich habe einen grossen Bekanntenkreis (St. Galler Tagblatt, 05.08.2010). Я много путешествую по городу. Нужно *приходить к людям* и участвовать в общественной жизни. Часто люди обращаются ко мне напрямую. У меня есть большой круг знакомых.

Русская идиома *язык [хорошо] подвешен (у кого-л.)*

встретилась в 14 контекстах, чаще используется с негативным оттенком «много, попусту разговаривать». В следующем контексте положительная коннотация, подчеркивается коммуникабельность как достоинство.

Эдакая «статусная» штучка, которую не стыдно вывести в люди, умная, красивая, *язык подвешен* на все случаи жизни (Татьяна Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом» (2009)).

Чеченская идиома *багахь мотт (болуш)* (букв. иметь язык во рту) – имеет значение «об ораторе, грамотном, образованном человеке», значимые компоненты значения – умение говорить, как показатель образованности и грамотности.

Хаза *багахь мотт болуш* ву Идрис, цундела воне, дикне вуьгу хьалха воккхе. У Идриса *хорошо подвешен язык*, поэтому его берут с собой на все мероприятия.

Толерантность

Mr Nice Guy (неофици.) – «способ описать человека, который очень честен и думает о желаниях и чувствах других людей, 114 контекстов. В сочетании с *no more (Mr Nice Guy), play*, чаще в политических контекстах. В следующих контекстах (а) напрямую выражается значение «не быть хорошим, понимающим» за счет продолжения в контексте и дополнения – «*he did not treat my mother well*», (b) одновременное использование двух идиом, как противопоставление нетерпимости и терпимости, в обоих случаях глагол *play* создает эффект языковой игры и искусственности, наигранности.

a. I didn't know him at all until I was eight years old, and I never saw him again. And he was not *Mr. Nice Guy*, and he did not treat my mother well. " (BNC, 2012). Я не знала его вообще, пока мне не исполнилось восемь лет, и я больше никогда его не видела. И он не был мистером *Милым Парнем*, и он плохо относился к моей матери.

b. I don't know what you said to him, Max, but it worked. " "It was as much you as me, " she told her producer. She'd *played hardball* with Richard and Ben played *Mr. Nice Guy*; between them, they got exactly what she wanted (BNC, 2015). Я не знаю, что ты ему сказал, Макс, но это сработало." "Тебя было столько же ты, сколько и меня", - сказала она своему продюсеру. Она *играла жестко* с

Ричардом, а Бен играл *мистера Милого парня*; между ними, они получили именно то, что она хотела.

Английская идиома *have a heart of stone* – «быть человеком, который не проявляет к другим сочувствия или жалости, 14 контекстов. В первом контексте значимым компонентом толерантности выступает сочувствие, эмпатия, умение сопереживать. Во втором контексте наблюдается игра слов, сердце как вместилище сути человека, его эмоций, чувств, праведности.

a. Even though I thought poorly of the man, I also thought you would have to have *a heart of stone* not to feel a pang of genuine sadness on his behalf. To empathize with his grief. And I did feel sympathy (BNC, 2012). Несмотря на то, что я плохо думал об этом человеке, я также считал, что у вас должно быть *каменное сердце*, чтобы не чувствовать приступ подлинной грусти с его стороны. Сопереживать его горю. А я почувствовал сострадание.

b. Our hearts can be many things. We can have *a heart of stone*, a heart of flesh, a heart of wisdom, a proud heart, a hardened heart, a happy heart, an anxious heart, the heart of the righteous, or the heart of a lion; we can also be glad in heart, pure in heart, and upright in heart. Your heart always reveals the real you, so make sure the reflection it's showing is the one you really want to be seen (BNC, 2012). Наши сердца могут быть множеством вещей. У нас может быть *каменное сердце*, сердце плоти, сердце мудрости, гордое сердце, закаленное сердце, счастливое сердце, тревожное сердце, сердце праведника или сердце льва; мы также можем радоваться в сердце, быть чистыми в сердце и праведными в сердце. Ваше сердце всегда раскрывает настоящего вас, поэтому убедитесь, что отражение, которое оно показывает, — это то, что вы действительно хотите, чтобы в вас увидели.

Немецкая идиома *eine Seele von Mensch* – «очень добрый, понимающий человек», 274 контекста, часто с наречием, *nämlich eine Seele von Mensch*. В следующих контекстах высвечиваются ценности помощи, справедливости, дружелюбие. Во втором контексте игра слов, быть сердцем и душой человека - *Ein Herz und eine Seele von Mensch*.

a. Franz Steinle (Präsident Deutscher Skiverband): „Rosi Mittermaier war freundlich und bescheiden, immer hilfsbereit, für jede

gute Sache zu haben – ungeachtet der Funktion, in der sie unterstützen konnte. Sie war *eine Seele von Mensch*. Der Sport hat ihr Werte wie Freundschaft und Fairness vermittelt, und diese Werte hielt sie ihr Leben lang hoch.“ (Süddeutsche Zeitung, 07.01.2023). Франц Штайнле (президент Федерации лыжного спорта Германии): "Рози Миттермайер была дружелюбной и скромной, всегда была готова помочь в любом хорошем деле - независимо от функции, в которой она могла поддержать. Она *была душой-человеком*. Спорт привил ей такие ценности, как дружба и справедливость, и эти ценности она поддерживала на протяжении всей своей жизни".

b. Hausen: Ein Herz und *eine Seele von Menschen*: So wird Anne Scharenberg beschrieben, die seit Jahrzehnten Vorstandsarbeiten in mehreren Vereinen leistet. Ob Möhnenverein, Dorfgemeinschaft Frorath oder Schützenbruderschaft Frorath, überall war oder ist sie aktiv (Rhein-Zeitung, 17.12.2019). Хаузен: Сердце и *душа человека*: так описывается Анн Шаренберг, которая на протяжении десятилетий работала в нескольких клубах. Будь то клуб мальчиков, деревенская община Фрорат или Братство стрелков Фрорат, везде она была или активна.

Русские идиомы *соль земли* (высок.) – «1. человек или люди со своими высокими моральными качествами; 2 самое важное», 142 контекста. Соль имела символическое значение, защищает от плохого. В контекстах «лучший в чем-то», также значимый компонент значения «эталон, имеющий совесть и высокую мораль».

a. Явлинский как бы *соль земли* экономической теории (Ирина Дедюхова. Я обвиняю! (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 21.12.2003).

b. Как властители дум, как *соль земли*, как совесть человечества (А. Ю. Беляков. Возвышение вещей // «Волга», 2015).

Человек с большой буквы (кто-л.) (нейтр.), 34 контекста. В контексте значение «умение любить, прощать».

И ему прощаются все его грешки, ибо человек, способный любить по-настоящему, всегда *Человек с большой буквы* (Эльдар Рязанов. Подведенные итоги (2000)).

Бага боьллича (биллича) п1елг 1овишур (боцуш) (букв. такой, что, если положить в рот палец, не будет грызть) – «кто-л. кроткий, безобидный, добрый». Первоначально о строптивой лошади, которая могла укусить, когда в рот вкладывали удила. *Ша ма-дарра деши ду* (букв. настоящее золото) (разг.) – «о прекрасном, честном человеке».

Совдата клант ч1ог1а эсала ву, *бага билча п1елг 1овишур боцуш*, маре цуьнга йахита мегар ду хьуна Эсита. Сын Совдат очень скромный, *добрый*, можно выдать за него Эситу.

Эсита дика йо1 йу, доцца аьлча *ша мадарра деши ду*. Эсита хорошая девушка, *настоящее золото*.

Заключение

Неотъемлемой частью общения и понимания являются эмоции и то, что чувствует человек в коммуникации, в процессе общения выстраивается сотрудничество, отношения, устанавливается согласие, терпимость к чужому мнению. Толерантность в семантике идиом проецируется через принятие, эмпатию, отсутствие вмешательства в чужую жизнь, право на индивидуальность, терпение, уважение, человечность, отсутствие толерантности - критику, нетерпение. Различия в семантике идиом связаны с национально-культурной спецификой, в лексических компонентах и ситуациях, описываемых во внутренней форме, имеющих культурно-обусловленные причины номинации. В контекстах идиом обнаруживается игра слов, влияние внутренней формы на значение.

Литература

1. Байсултанов Д., Байсултанов Д. Чеченско-русский фразеологический словарь. – Грозный: Книга, 1992. – 320с.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. – М.: Мир энциклопедий Аванта +, 2007. – 1135с.
3. Бертеме Е. Культурно значимые смыслы во фразеологических русскоязычных словарях // Актуальное значение, внутренняя форма, толкование, эквиваленты. *Langue et culture: théorie vs empirie*, Nov 2015, Moscou, Russia. <hal-01849919>
4. Буряковская В.А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского

- языков): монография / В.А. Буряковская; Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. – 228 с.
5. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 568с.
6. Зимина Л.И. Национальная специфика фразеологической семантики (на материале фразеологизмов с наименованиями частей лица в немецком и русском языках) / Автореф. на соиск. уч. ст. канд. фил. н. 10.02.19 – теория языка. Воронеж, 2007, 20с.
7. Никитина Т.Г. Структурно-семантическое моделирование в сфере фразеологии: сорокалетний опыт и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. по 2. С. 175—197. doi: 10.22363/2313- 2299-2020-11-2-175-197
8. Олейник Р.В. Этнолингвокультурная и этнолингвокогнитивная специфичность как свойства семантических уникалий во фразеологии // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13, № 3.
9. Патюкова Р.В. Образность речи как составляющая эмотивности, Культурная жизнь Юга России, №4 (29), 2008, С. 103-105
10. Сырица Г. Внутренняя форма фразеологизмов: коннотативный аспект / *Annales UniversitaŃ s Paedagogicae Cracoviensis Studia Russologica* 12 (2019). С.78-87.
11. Colston H.L. and Gibbs R.W. Figurative Language Communicates Directly Because It Precisely Demonstrates What We Mean / *Canadian Journal of Experimental Psychology*, 2021, Vol. 75, No. 2, 228–233
12. Dobrovol'skij D. & Piirainen E. Cognitive theory of metaphor and idiom analysis *Jezikoslovlje* 6.1 (2005): 7-35
13. Duden 11. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Mannheim: Dudenverlag, 2008.
14. Francesca M.M. Citrona, Cristina Cacciari, Jakob M. Funcked, Chun-Ting Hsue, Arthur M. Jacobs Idiomatic expressions evoke stronger emotional responses in the brain than literal sentences / *Neuropsychologia* 131 (2019) 233–248
15. Oxford Idioms Dictionary for Learners of English. Oxford University Press 2006. 470 p.
16. Rommers J., Dijkstra T., and Bastiaansen M. Context-dependent Semantic Processing in the Human Brain: Evidence from Idiom Comprehension *Journal of Cognitive Neuroscience* 25:5, pp. 762–776 doi:10.1162/jocn_a_00337 2013 Massachusetts Institute of Technology
17. Sabirova F.G., Zakirova L.R., Shangaraeva L.F., Acar F. Cultural peculiarities of the British, Italians and Tatars in phraseological units / *Multidisciplinary Social Science & Management*, 2018, ИОАБЖ, Vol. 9, S2. 121-124.
18. Sharma S. Metaphorical imagery of honour and dishonour in Hindi phraseology DOI 10.1515/phras-2015-0006 YoP 2015; 6: 87–102

19. Solano M. R. Productivity and semantic classification of the phraseological pattern on + the + N. *Lingüística en la Red*, 2020. fhal-02943243f

References

1. Baisultanov D., Baisultanov D. *Chechensko-russkij frazeologicheskij slovar* [Chechen-Russian phraseological dictionary]. – Grozny: Kniga, 1992. – 320s.
2. Baranov A.N., Dobrovolsky D.O. *Slovar-tezaurus sovremennoj russkoj idiomatiki* [Dictionary-thesaurus of modern Russian idiomatics] / Pod red. A.N. Baranova, D.O. Dobrovolskogo. – M.: Mir enciklopedij Avanta +, 2007. – 1135s.
3. Berthemet E. Kul'turno znachimye smysly vo frazeologicheskikh russkojazychnyh slovarjah. Aktual'noe znachenie, vnutrennjaja forma, tolkovanie, ekvivalenty [Culturally significant meanings in phraseological Russian-language dictionaries. Actual meaning, internal form, interpretation, equivalents]. *Langue et culture: théorie vs empirie*, Nov 2015, Moscou, Russia. ⟨hal-01849919⟩ (in Russian)
4. Buryakovskaja V.A. Kommunikativnye harakteristiki massovoj kul'tury v medijnom diskurse (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov) [Communicative characteristics of mass culture in media discourse (based on Russian and English)]: monografija / V.A. Burjakovskaja; Volgogr. gos. soc.-ped. un-t. – Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2014. – 228 s. (in Russian)
5. Vezhbickaya A. Semanticheskie universalii i bazisnye koncepty [Semantic universals and basic concepts]. – M.: Jazyki slavjanskikh kul'tur, 2011. – 568s. (in Russian)
6. Zimina L.I. Nacional'naja specifika frazeologicheskoi semantiki (na materiale frazeologizmov s naimenovanijami chastej lica v nemeckom i russkom jazykah) [National specificity of phraseological semantics (based on the material of phraseologisms with the names of parts of the face in German and Russian)] / Avtoref. na soisk. uch. st. kand. fil. n. 10.02.19 – teorija jazyka. Voronezh, 2007, 20s. (in Russian)
7. Nikitina T.G. Strukturno-semanticheskoe modelirovanie v sfere frazeologii: sorokaletnij opyt i perspektivy [Structural and semantic modeling in the field of phraseology: forty years of experience and prospects] // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika*. 2020. T. 11. no 2. S. 175—197. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-175-197 (in Russian)
8. Olejnik R.V. Jetnolingvokul'turnaja i jetnolingvokognitivnaja specifichnost' kak svoystva semanticheskikh unikalij vo frazeologii observatorija kul'tury [Ethnolinguocultural and ethnolinguocognitive specificity as properties of semantic uniqueness in phraseology] // *Observatorija kultura*. 2016. T. 13, № 3. (in Russian)

9. Patyukova R.V. Obraznost rechi kak sostavljajushhaja jemotivnosti, [Imagery of speech as a component of emotivity] // Kul'turnaja zhizn' Juga Rossii, №4 (29), 2008, S. 103-105 (in Russian) (in Russian)
10. Syrica G. Vnutrennjaja forma frazeologizmov: konnotativnyj aspekt [Inner form of phraseologisms: connotative aspect] // Studia Russologica 12 (2019). S.78-87. (in Russian)
11. Colston H.L. and Gibbs R.W. Figurative Language Communicates Directly Because It Precisely Demonstrates What We Mean / Canadian Journal of Experimental Psychology, 2021, Vol. 75, No. 2, 228–233
12. Dobrovol'skij D. & Piirainen E. Cognitive theory of metaphor and idiom analysis Jezikoslovje 6.1 (2005): 7-35
13. Duden 11. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Mannheim: Dudenverlag, 2008.
14. Francesca M.M. Citrona, Cristina Cacciari, Jakob M. Funck, Chun-Ting Hsue, Arthur M. Jacobs Idiomatic expressions evoke stronger emotional responses in the brain than literal sentences / Neuropsychologia 131 (2019) 233–248
15. Oxford Idioms Dictionary for Learners of English. Oxford University Press 2006. 470 p.
16. Rommers J., Dijkstra T., and Bastiaansen M. Context-dependent Semantic Processing in the Human Brain: Evidence from Idiom Comprehension Journal of Cognitive Neuroscience 25:5, pp. 762–776 doi:10.1162/jocn_a_00337 2013 Massachusetts Institute of Technology
17. Sabirova F.G., Zakirova L.R., Shangaraeva L.F., Acar F. Cultural peculiarities of the British, Italians and Tatars in phraseological units / Multidisciplinary Social Science & Management, 2018, IIOABJ, Vol. 9, S2. 121-124.
18. Sharma S. Metaphorical imagery of honour and dishonour in Hindi phraseology DOI 10.1515/phras-2015-0006 YoP 2015; 6: 87–102
19. Solano M. R. Productivity and semantic classification of the phraseological pattern on + the + N. Lingüística en la Red, 2020. fhal-02943243f

Статья поступила в редакцию 23.12.2024

Статья одобрена после рецензирования 06.03.2025

Статья принята к публикации 15.05.2025

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 81'276.3

Клевенская Юлия Сергеевна
Yulia Klevenskaya

Особенности мужской и женской речи в переводе японских анимационных фильмов на русский и английский языки

Male and Female Speech Peculiarities in Translation of Animated Films into Russian and English

Аннотация. Для более глубокого понимания взаимосвязи гендера и языка актуальным представляется сравнение разноструктурных языков. При переводе японской художественной литературы и произведений кинематографа значительные различия в мужской и женской речи вызывают затруднения, особенно в случае перевода на языки с более простой и очевидной гендерной дифференциацией. Цель данного исследования – проанализировать реализацию гендерного фактора в переводе с японского языка на русский и английский на материале анимационного фильма «Твоё имя» режиссера Макото Синкая. В ходе произведенного анализа были выявлены речевые особенности персонажей в японском оригинале, вызванные гендерным фактором, выяснено, каким образом они были переведены на русский и английский языки и определено, был ли гендерный фактор в переводе реализован успешно или нет. Данное исследование опирается на научные труды Дж. Коатс, А.В. Алпатова, Н. Крнеты и В.М. Заболотновой. Результаты исследования показали, что только в 8,59% реплик гендерный фактор обладал высокой степенью проявления, актуальной для передачи в языке перевода. Наибольший процент неудач наблюдался в переводе мужской речи как на английский, так и на русский языки. Статистические данные демонстрируют, что гендерный фактор не оказывает перманентного влияния на выбор языковых средств, но неточности в его передаче могут привести к искажению образа персонажей, затруднённому пониманию сюжета реципиентом перевода или же грубым фактологическим ошибкам.

Abstract. To deepen our understanding of how gender intersects with language it is deemed relevant to inspect languages of different structure. When translating Japanese fiction and cinematography, prominent differences in male and female speech tend to cause certain difficulties, especially when translating into languages in which gender differentiation is not so evident or complex. The purpose of this study is to analyze the transfer of the gender factor in translation from Japanese into Russian and English based on the animated film “Your Name” directed by Makoto Shinkai. The conducted analysis has revealed the speech features of the characters in the Japanese original script caused by the gender factor, discovered how they were translated into Russian and English, and determined whether the gender factor in the translation was successfully implemented or not. This study is based on academic works of J. Coats, A.V. Alpatov, N. Krneta and V.M. Zabolotnova. The results of the study showed that only 8.59% of character lines contain the high degree of gender factor manifestation that is relevant to transfer into the target language. It was discovered that the highest percentage of failures was observed in the translation of male speech into both English and Russian. Statistical data demonstrates that the gender factor does not permanently influence the choice of language tools, but

inaccuracies in its transfer can lead to distortion of characters' speech portrait, difficulty in understanding the plot by the recipient of the translation, or factual errors.

Ключевые слова: *гендерная лингвистика, перевод, японский язык, русский язык, английский язык, речевой портрет персонажа*

Keywords: *gender linguistics, translation, Japanese language, Russian language, English language, speech portrait*

Введение

К 1970-м годам в западной лингвистике прочно закрепился термин *гендер* (*gender*). Он разграничивает понятия биологического пола (*sex*) и его социального и культурного проявления, обозначает социально сконструированные категории на основе половой принадлежности [Коатс, 2013: 4]. В монографии «Гендерная лингвистика» за авторством ведущих отечественных ученых «гендер рассматривается, с одной стороны, как мыслительный конструкт, или модель, разработанная с целью более четкого научного описания проблем пола и разграничения его биологических и социокультурных функций; с другой стороны, – как конструкт социальный, создаваемый обществом, в том числе и посредством языка» [Зенкова, 2018: 11]. Ввиду специфики исторического развития, культурных особенностей и социальных норм гендерный фактор проявляется в языках в разной степени и разными способами, в свете чего наиболее актуальным представляется сравнение разноструктурных языков для углубления нашего понимания взаимосвязи гендера и языка.

Японский часто приводят в пример как язык с ярко выраженной гендерной дифференциацией, многие лингвисты даже говорят о существовании женской и мужской подсистем в японском языке [Крнета, 2020: 152]. При переводе японской художественной литературы и произведений кинематографа значительные различия в мужской и женской речи вызывают затруднения, особенно в случае перевода на языки с более простой и очевидной гендерной дифференциацией.

В данном исследовании рассматривается анимационный фильм «Твоё имя» (君の名は, *Kimi no na wa*) режиссера Макото Синкая и его переводы с японского языка на английский (кинокомпания Funimation, переводчик Кларк Ченг) и русский (объединение Мосфильм-Мастер, переводчик Денис

Чернышков). Сюжет строится вокруг жизни двух старшекласников: девушки из маленького провинциального городка по имени Мицуха и молодого человека из Токио по имени Таки. Однажды они просыпаются в телах друг друга, и этот мистический феномен продолжает повторяться два-три раза в неделю на протяжении нескольких месяцев, коренным образом меняя их жизни. Фильм «Твоё имя» вышел в прокат в 2016 году и сразу закрепился на второй строчке самых кассовых японских фильмов в мировом кинопрокате.

Тем не менее, популярность – не единственная причина, по которой фильм был отобран для исследования. Ключевой элемент сюжета – обмен телами между людьми разного пола – позволяет более подробно рассмотреть особенности речи мужчин и женщин, а также выводит на передний план повествования гендерные стереотипы и языковые особенности, чья точная передача становится вдвойне актуальной при переводе на другие языки. Во-вторых, широкий круг второстепенных персонажей различного возраста, происхождения и общественного положения позволяет наблюдать за тем, как гендерный фактор взаимодействует с другими социальными факторами. В анимационном фильме «Твоё имя» присутствуют элементы *якувариго* – «ролевого языка, стереотипной речи, необходимой для того, чтобы в условиях экономии языковых средств создать определённый образ персонажа, обрисовать его пол, возраст, род занятий, социальную роль и даже эпоху, в которой он существует» [Румак, 2023: 88]. Тем не менее, в силу сюжетных особенностей речь персонажей максимально приближена к общеупотребительному японскому, которым пользуются носители языка в повседневной жизни. В связи с этим отмечается эффективность данного аниме при формировании всех компонентов иноязычной коммуникативной компетенции в образовательном процессе [Лебединова, 2021: 104].

Цель исследования – проанализировать передачу гендерного фактора в переводе аниме «Твоё имя» с японского на английский и русский языки. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

- выявить речевые особенности персонажей в японском оригинале, вызванные их половой принадлежностью;
- выяснить, каким образом они были переведены на русский и английский языки;
- проанализировать, был ли гендерный фактор в переводе реализован успешно или нет.

Методология и методы исследования

Данная работа опирается на богатый опыт исследований в области гендерной лингвистики, в частности, научные труды Дж. Коатс и А.В. Кирилиной [Коатс, 2013; Кирилина, 2021]. Гендерная дифференциация в японском языке подробно освещается в исследованиях В.М.Алпатова и Н. Крнеты [Алпатов, 2008, 2016; Крнета, 2020]. Согласно В.М. Алпатову, японский язык доказывает, что явственная гендерная дифференциация присуща не только языкам развивающихся стран и обществ с традиционным укладом жизни, но и языкам современных прогрессивных государств. Он также отмечает, что «в переводах с японского на западные языки...самые яркие особенности мужской и женской речи остаются без каких-либо эквивалентов» [Алпатов, 2008: 136]. Вопрос эквивалентности перевода рассматривается с теоретических позиций А.Д. Швейцера и Л.С. Бархударова [Илюшкина, 2017: 30].

В диссертационном исследовании М.В. Заболотнова проводит анализ переводов анимационных фильмов режиссера Хаяо Миядзаки с точки зрения реализации гендерного фактора, заложенного в японских частицах на морфосинтаксическом уровне, и предлагает делить проявление гендерного фактора на три степени: слабую, среднюю и сильную [Заболотнова, 2007: 96-97]. В проведённом нами анализе аниме мы задействовали данную концепцию, распространив её при этом на все языковые уровни проявления гендерных особенностей.

При анализе материала также принималось в расчёт, насколько точная передача гендерных особенностей речи персонажей в каждой реплике необходима для лучшего понимания сюжета фильма реципиентом перевода. Учитывались особенности, нормы и стилистические возможности русского и английского языков, поскольку они накладывают определенные ограничения на передачу гендерного фактора с японского языка.

В представленном исследовании применяются методы сравнительного и стилистического анализа, генерализация, описательные и статистические методы. Для определения степени и качества передачи гендерного фактора в переводе с японского на английский и русский языки был произведен подсчёт количества реплик мужских и женских персонажей в оригинальном произведении; определено количество реплик, в которых присутствуют характерные особенности мужской и женской речи; выполнен отбор реплик с высокой степенью проявления гендерного фактора; выявлено, в каких репликах точная передача гендерного фактора представляется актуальной для лучшего понимания сюжета и осуществима средствами русского и английского языков; произведён анализ, в переводе каких реплик состоялась успешная реализация гендерного фактора, а в каких нет.

Статистические результаты

Полученные в ходе исследования статистические данные представлены в *Таблице 1*. Было обнаружено, что только 57 реплик из 663 подходят под обозначенные ранее критерии, что составляет 8,59% от общего числа. Выявлено, что и англоязычные, и русскоязычные переводчики чаще испытывали затруднения в процессе передачи гендерных особенностей в репликах мужских персонажей, чем женских. При этом в официальном переводе на русский язык характерные черты мужской речи немотивированно опускаются или передаются неточно гораздо чаще, чем в английском варианте.

Таблица 1. Реализация гендерного фактора в репликах персонажей

Язык	Реплики	Реплики женских персонажей	Реплик и мужских персонажей	Итого
Оригинальный японский текст	Общее число реплик	334	329	663
	Сильная степень проявления гендерного фактора, актуальная для лучшего понимания сюжета	23	34	57

Английский перевод	Успешная передача гендерного фактора	20	27	47
	Неуспешная передача гендерного фактора	4	6	10
Русский перевод	Успешная передача гендерного фактора	18	12	30
	Неуспешная передача гендерного фактора	5	22	27

Успешная передача гендерного фактора в переводе

Наглядным примером успешной передачи гендерного фактора в переводе с японского на русский и английский языки может послужить сцена на школьной крыше, отражённая в *Таблице 2*. Когда после обмена телами с Таки главная героиня Мицуха впервые приходит к нему в школу в Токио, между ней и одноклассниками Таки происходит неловкий разговор: Мицуха невольно продолжает говорить, как молодая девушка, хотя физически находится в мужском теле.

Таблица 2. Скрипт сцены на школьной крыше

Персона ж	Японский оригинал	Английский перевод	Русский перевод
Такаги	迷った? (<i>Komatta?</i>)	You got lost?	Заблудился что ли?
Мицуха в теле Таки	うん。 (<i>Un</i>)	Yeah.	Да-да...
Такаги	お前さ、どう やったら、通 学で道に迷え るんだよ。 (<i>Omaesa, douyattara, tsuugakude michini mayoerundayo</i>)	How could you get lost on the way to school?	Во даёшь! Как можно заблудиться по дороге в свою же школу!
Мицуха в теле Таки	あ、えっと、 わたし...	Well...y'know... a girl like me...	Д-да...Я просто...

	(A, <i>etto</i> , <i>watashi</i>)		Вышла из дома...
Такаги	私? (<i>Watashi?</i>)	Girl?	Вышла?
Мицуха в теле Таки	あ、わたくし ... (<i>A, watakushi</i>)	A gal...	И засмотрелась .
Такаги и Цукаса	へ? (<i>Eh.</i>)	Er?	Хм?
Мицуха	僕? (<i>Boku?</i>)	I mean...	Засмотрел...
Такаги и Цукаса	は? (<i>Ha?</i>)	Hmm?	Хм.
Мицуха	俺? (<i>Ore?</i>)	A guy?	..ся.
Такаги и Цукаса	うん。 (<i>Un</i>)	Hmm.	Угу.

Цукаса и Такаги удивлены тем, что их друг Таки вдруг перешел на личное местоимение первого лица «私» (*watashi*), которое в ситуации неформального общения между близкими людьми применяется только женщинами. Видя замешательство одноклассников Таки, Мицуха старается подобрать более подходящее местоимение. Любопытно, что первой её инстинктивной реакцией на выражение неодобрения со стороны собеседников было применение *watakushi* – более вежливого и формального местоимения «я», и оттого в определённых контекстах воспринимаемого как более женственное. Затем, наблюдая недоумение на лицах Цукасы и Такаги, героиня меняет стратегию, применяя «僕» (*boku*), более частотное в речи парней её возраста, и, наконец, пробует «俺» (*ore*), самое мужественное «я», которое и использует настоящий Таки.

И английский, и русский переводчики успешно передали происходящее средствами родных языков: в английском варианте произвели замену личных местоимений на существительные *girl*, *gal* и *guy*, а в русском решили задачу с помощью окончаний женского и мужского рода у глаголов в

прошедшем времени. В обоих случаях переводчики приняли обоснованное решение не передавать попытку Мицухи сначала повысить уровень вежливости и женственности за счет выбора местоимения *watakushi*, зато смогли успешно отразить более значимый факт: находясь в теле юноши, она продолжает говорить, как девушка, что вызывает удивление у её собеседников.

Неуспешная передача гендерного фактора в переводе

В ходе исследования были выявлены случаи немотивированного опущения гендерных особенностей в речи персонажей, которые можно было легко избежать. Чтобы наглядно проиллюстрировать переводческие неудачи в работе с мужской речью, обратимся к репликам Тэсси, друга главной героини, и сравним их с репликами Мицухи и Саяки, их общей подруги. Они живут в одном городе, ходят в одну школу, являются ровесниками и происходят из семей с одинаковым общественным положением, в связи с чем главным социальным фактором, обуславливающим различия в речи их сплочённой группы, является половая принадлежность.

В.М. Алпатов, описывая характерные особенности женской речи, отмечает, что даже в наши дни от японских женщин ожидается, что они будут говорить вежливее и мягче, чем мужчины [Алпатов, 2016: 2]. В речи детей дошкольного и начального школьного возраста значительной гендерной дифференциации не наблюдается, но с годами языковые различия между мужчинами и женщинами увеличиваются, достигая своего пика к 50-60 годам [Алпатов, 2016: 13]. На момент начала фильма Тэсси, Мицухе и Саяке по 17 лет, поэтому в их речи уже наблюдаются характерные черты, обусловленные гендерным фактором.

На протяжении всей истории реплики Тэсси изобилуют лексическими, грамматическими и фонетическими особенностями, создавая стереотипный речевой портрет японского парня-старшеклассника, который говорит более грубо и развязно, чем его подруги. Эта тенденция сохраняется и в сценах бытового общения, и даже в момент кризисной ситуации, когда герои пытаются эвакуировать местных жителей с площадки проведения фестиваля. Тэсси обращается к толпе

незнакомых людей в разговорной речи, применяя форму грубого повеления 命令形 (*meireikei*): «みんな逃げろ。山火事になってる» (*Minna nigerou. Yamakajini natteru.*). В то же время Мицуха придерживается нейтрально-вежливого стиля 丁寧語 (*teineigo*): «山火事です。逃げてください» (*Yamakaji desu. Nigete kudasai.*)

В английском переводе предпринята попытка стилистически разграничить речь Тэсси и Мицухи с Саякой за счет произносительных особенностей или же сленговых выражений и сниженной лексики (“Give me a friggin’ break!”, “C’mom”, “Damn”, “Ya know there ain’t one” и прочее). Однако в русском переводе Тэсси, типичный 17-летний парень из маленького провинциального городка, разговаривает на корректном литературном русском языке и избегает сниженной лексики. Например, в сцене, где он грубо говорит Саяке слезать с велосипеда, потому что она тяжелая, в оригинале используется фраза «おめえ早く降りろ» (*omee hayaku orirou*), где мы наблюдаем крайне неформальное местоимение «ты» おまえ (*omae*), которое Тэсси произносит ещё грубее и маскулиннее как おめえ (*omee*), а также форму грубого повеления 命令形 (*meireikei*). Тем не менее, в русском переводе актёр озвучивания произносит ровно и мягко: «А ну-ка, давай слезай!», что нельзя считать стилистически эквивалентным переводом.

Подобные случаи наблюдаются на протяжении всего фильма, чаще в переводе реплик Тэсси, но также встречаются и в речи главного героя Таки. Например, находясь в теле Мицухи, Таки произносит в адрес Тэсси комплимент «あんたいいやつだなあ» (*anta ii yatsu danaa*, «ты хороший парень»), заменяя нейтральное местоимение あなた (*anata*) «ты» на более сниженную версию あんた (*anta*) и используя разговорное やつ (*yatsu*) «тип, чувак, малый, парень». При этом на русский данную фразу перевели как «да ты просто умница!», полностью лишив сцену важной для понимания сюжета двойственности: вместо привычной женственной и вежливой речи из уст Мицухи звучат более грубые выражения. Кроме того, представляется маловероятным, что в наши дни в ситуации неформального общения один 17-летний парень назовет другого умницей.

В *Таблице 1* также отражена статистика неудачной передачи гендерного фактора в речи женских персонажей (4 реплики в английском и 5 реплик в русском переводах). Это значительно ниже, чем в мужской речи. Большинство случаев связано с немотивированным применением сниженной или обценной лексики. Так, сомнительным представляется решение русского переводчика в сцене, когда Мицуха, Тэсси и Саяка сталкиваются по пути в школу с группой одноклассников, которые регулярно отпускают в адрес Мицухи колкие фразы. Одна из девушек с притворным сочувствием говорит «嫌やわ» (*iya yawa*, «как неприятно»). Однако русские переводчики отдали эту реплику Мицухе, причем перевели её как «да пошёл ты!» (в адрес предыдущего говорящего, насмехающегося над ней). Данная замена грубо нарушает образ главной героини и негативно влияет на восприятие её сюжетной арки личностного роста и обретения веры в себя, ведь в начале фильма она не в состоянии дать отпор обидчикам и молча терпит их издёвки. Более того, эта сцена служит контрастом к последующему эпизоду, когда Таки в теле Мицухи решительно ставит одноклассников на место.

В ходе анализа текстов перевода в русском варианте также был выявлен ряд фактологических ошибок, некоторые из которых были связаны с полом персонажей. Например, в одной из сцен, где Таки находится в теле Мицухи и произносит «3年前のあの時、まだ俺がお前を知る前» (*sannenmae no anotoki, mada ore ga omae wo shiru mae*, «тогда, три года назад, когда я ещё не встретил тебя»). Личное местоимение 俺 (*ore*), не употребляемое женщинами, дополнительно указывает на тот факт, что в теле Мицухи находится Таки. Тем не менее, в русском переводе данная реплика ошибочно переведена в женском роде, что затрудняет понимание происходящего и вводит русскоязычных зрителей в заблуждение: перед ними Таки или всё же Мицуха?

Обратная ситуация наблюдается, когда Мицуха, вернувшись в предыдущей сцене в своё тело, сообщает Тэсси о поломке велосипеда. Отвечая на вопрос друга о том, кто его сломал, она говорит «私が」 (*watashi ga*), то есть применяет личное местоимение «я», соответствующее женской речи.

Несмотря на это в русском переводе говорится: «Я разбил», в мужском роде. Подобные фактологические ошибки запутывают зрителя и мешают целостному восприятию сюжета.

Взаимодействие с прочими экстралингвистическими факторами

Безусловно, гендер не является единственным социальным фактором, определяющим выбор тех или иных языковых средств. В анимационном фильме «Твоё имя» наблюдается взаимодействие с фактором возраста. К примеру, Ёцуха, младшая сестра Мицухи, ученица начальной школы, говорит менее женственно и задействует больше сленговых и просторечных выражений. Напротив, в ситуации общения между Таки и Окудерой, его коллегой-девушкой с подработки, которая на несколько лет его старше, разница в возрасте вынуждает главного героя говорить ближе к стандартному варианту японского и применять вежливые и формальные выражения даже на свидании, в то время как Окудера в любом контексте говорит с ним неформально.

Большую роль также играет географический фактор. События анимационного фильма «Твоё имя» разворачиваются в двух локациях: в огромном мегаполисе Токио и в маленьком, затерянном глубоко в горах, городке Итомори, с населением в 1500 человек. Токийские персонажи, включая главного героя Таки, в большинстве своём говорят на стандартном японском 標準語 (*hyoujungo*), в то время как в речи персонажей из Итомори в разной степени присутствует диалект Хида (飛騨弁, *hidaben*), в том числе в речи главной героини Мицухи, особенно когда она общается с друзьями Тэсси и Саякой.

Для токийцев диалект в женской речи противоречит концепции женственности *оннарасии*. Но жительницы глубинки не воспринимают диалектные выражения как неженственные или грубые в кругу земляков. Так, разговаривая с друзьями из Итомори, Мицуха использует диалектную форму «よく覚えてらんな» (*yoku oboetoranna*, «я не очень хорошо помню»), но при этом к Таки, она обращается на стандартном японском «タキくん、覚えてない?」 (*Taki-kun, oboetenai?* «Таки, ты не помнишь меня?»).

Было также обнаружено, что, взаимодействуя с гендерным фактором, диалект делает речь Тэсси грубоватой и просторечной, создавая яркий речевой портрет персонажа, отличающийся от токийца Таки, который не использует диалектные формы и выражения. К сожалению, в русском переводе образ Тэсси значительно искажается, и разница между ним и Таки полностью стёрта.

Степень формальности ситуации тоже может преобладать над гендерным фактором. Так, и в речи семнадцатилетней Саяки, и мужчины-сотрудника мэрии средних лет не наблюдаются какие-либо признаки гендерной дифференциации, когда они делают объявления об эвакуации местных жителей по громкой связи. Репортеры и телеведущие обоих полов используют одинаковый формальный и информативный стиль, когда сообщают телезрителям научные факты про комету. Более того, в конце фильма в сцене прохождения собеседований о приёме на работу Таки полностью отказывается от характерных особенностей мужской речи в пользу почтительной речи *кэйго*.

Заключение

В ходе исследования было наглядно продемонстрировано, что гендерный фактор не оказывает перманентное влияние на выбор языковых средств. У персонажей нет необходимости ежесекундно демонстрировать общепринятые признаки мужественности и женственности в своём речевом поведении. В большинстве реплик гендерная дифференциация отсутствует, выражена слабо или средне, или же уступает определяющую роль при выборе языковых средств другому социальному фактору. Только в 8,59% реплик реализация гендерного фактора представляется значимой для сохранения эквивалентности перевода.

В ходе анализа было выявлено, что неуспешная передача гендерного фактора в переводе сюжетно значимых реплик персонажей приводит к искажённому восприятию их образов реципиентом перевода и не доносит до иностранного зрителя тонкости смыслов, намеренно заложенные в оригинале и легко считываемые японцами. Более того, в случае невнимательного отношения к гендерной дифференциации речи возрастает риск фактологических ошибок. В разноструктурных языках степень и

способы реализации гендерного фактора могут значительно отличаться, однако оставлять без должного внимания или попросту игнорировать особенности мужской и женской речи в ходе перевода художественных произведений в свете данного исследования представляется невыигрышной переводческой стратегией.

Литература

1. Алпатов В.М. Япония: язык и культура. М.: Языки славянских культур. – 2008. – 208 с.
2. Заболотнова М.В. Специфика реализации гендерного фактора при переводе с японского языка: морфосинтаксический уровень.: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.20: утв. 02.05.2007. Челябинск, 2007. – 164 с.
3. Зенкова Т.В. Гендерная лингвистика: коллективная монография / Зенкова Т.В., Темиргазина З.К. – 2-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2018. – 380 с.
4. Илюшкина, М. Ю. Теория перевода: основные понятия и проблемы: учебное пособие / М. Ю. Илюшкина; науч. ред. М. О. Гузикова. – 3-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2017. – 85 с.
5. Крнета Н. Элементы мужской и женской подсистем японского языка как инструмент создания образа: материалы научной конференции Ломоносовские чтения. Востоковедение и Африканистика (Москва 2020) / ответственный редактор Кулешова Н.С.; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки. Москва 2020. – С.152–154.
6. Лебединова А.С. Отбор аниме и манга как компонент педагогической технологии по формированию иноязычной коммуникативной компетенции на японском языке // Преподаватель XXI век. 2021. № 3(1). – С. 100-112.
7. Румак Н.Г. Ролевой язык «якувариго» в манге и аниме как объект перевода // Перевод как профессия, наука, творчество. Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х томах. Отв. редакторы Е.А. Похолкова, М.В. Полубоярова, К.И. Таунсенд. Москва. 2023. Том 2. С. 88–96.
8. Alpatov, V.M. Gender peculiarities of the Japanese discourse and their reasons // Vestnik of Moscow State University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication. 2016. № 1. – P. 9–16.
9. Coates, J. Women, men and language, 3rd ed. Routledge, Abingdon, UK. – 2013 – 245 p.

References

1. Alpatov V.M. Japonija: jazyk i kul'tura [Japan: language and culture]. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur [Languages of Slavic cultures]. – 2008. – 208 s.
2. Zabolotnova M.V. Specifika realizacii gendernogo faktora pri perevode s japonskogo jazyka: morfosintaksicheskij uroven' [Specifics of realization of gender factor in translation from Japanese: morphosyntax level].:dis. ...kand. filol. nauk: 10.02.20: utv. 02.05.2007. Cheljabinsk, 2007. – 164 s.
3. Zenkova T.V. Gendernaya lingvistika: kollektivnaya monografiya [Gender linguistics: collective monograph] / Zenkova T.V., Temirgazina Z.K. – 2-e izd., ster. – Moskva: FLINTA, 2018. – 380 s.
4. Ilyushkina, M. Yu. Teoriya perevoda: osnovny'e ponyatiya i problemy`: uchebnoe posobie [Translation theory: basic concepts and problems] / M. Yu. Ilyushkina; nauch. red. M. O. Guzikova. – 3-e izd., ster. – Moskva: FLINTA, 2017. – 85 s.
5. Krneta N. E'lementy` muzhskoj i zhenskoj podsystem yaponskogo yazy`ka kak instrument sozdaniya obraza [Elements of male and female Japanese language subsystems as tools to create an image]: materialy` nauchnoj konferencii Lomonosovskie chteniya. Vostokovedenie i Afrikanistika (Moskva 2020) / otvetstvenny`j redaktor Kuleshova N.S.; Moskovskij gosudarstvenny`j universitet imeni M.V. Lomonosova, Institut stran Azii i Afriki. Moskva 2020. – S.152–154.
6. Lebedinova A.S. Otbor anime i manga kak komponent pedagogicheskoy tehnologii po formirovaniyu inojazychnoj kommunikativnoj kompetencii na japonskom jazyke [Selection of anime and manga as teaching technology component to develop foreign language competence in Japanese] // Prepodavatel' XXI vek. 2021. № 3(1). – S. 100-112.
7. Rumak N.G. Rolevoj jazyk «jakuvarigo» v mange i anime kak objekt perevoda [Roleplay language “yakuwarigo” in manga and anime as object of translation] // Perevod kak professiya, nauka, tvorchestvo [Translation as profession, science, creativity]. Sbornik trudov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. V 2-h tomah. Otv. redaktory E.A. Poholkova, M.V. Polubojarova, K.I. Taunzend. Moskva. 2023. Tom 2. S. 88–96.
8. Alpatov, V.M. Gender peculiarities of the Japanese discourse and their reasons // Vestnik of Moscow State University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication. 2016. № 1. – P. 9–16.
9. Coates, J. Women, men and language, 3rd ed. Routledge, Abingdon, UK. – 2013 – 245 p.

Статья поступила в редакцию 25.12.2024

Статья одобрена после рецензирования 06.03.2025

Статья принята к публикации 15.05.2025

СТИЛИСТИКА И АНАЛИЗ ДИСКУРСА

УДК 811.133.1373

Воробьева Елена Юрьевна
Elena Vorobyeva

К проблеме эмотивности в языке политики

On the Problem of Emotiveness in the Language of Politics

Аннотация. Статья посвящена проблеме эмотивности политического дискурса и, в частности, роли гастрономической метафоры как одному из способов репрезентации эмоций. Актуальность исследования обусловлена необходимостью структурирования знаний об эмотивном коде языка, который во многом мотивирует как познавательный процесс, так и номинативную деятельность человека. В центре внимания оказываются вопросы влияния эмотивного кода на когнитивную деятельность человека. Гастрономические метафоры, основанные на большом историческом опыте нации, будучи одним из распространенных ресурсов образной сферы общественного сознания, способствуют активизации палитры различных эмотивных смыслов, актуализированных в политическом дискурсе. Цель статьи состоит в представлении результата изучения эмотивных значений, возникающих в процессе взаимодействия двух понятийных сфер - политической и гастрономической - в современном французском языке.

Abstract. The article is devoted to the problem of emotiveness of political discourse and, in particular, to the role of gastronomic metaphor as one of the ways of representing emotions. The relevance of the study is due to the need to structure knowledge about the emotive code of language, which largely motivates both the cognitive process and the nominative activity of a person. The focus is on the issues of the influence of the emotive code on human cognitive activity. Gastronomic metaphors, based on the vast historical experience of the nation, being one of the common resources of the figurative sphere of public consciousness, contribute to the activation of a palette of various emotive meanings actualized in political discourse. The purpose of the article is to present the result of the study of emotive meanings arising in the process of interaction of two conceptual spheres - political and gastronomic - in the modern French language.

Ключевые слова: гастрономическая метафора, эмотивность, гастрономический код, эффект эмоционального напряжения, понятийная сфера, категориальный сдвиг

Key words: gastronomic metaphor, emotiveness, gastronomic code, effect of emotional tension, conceptual sphere, categorical shift

Введение

Национальная кухня и культура питания - один из способов структурирования и осмысления этнической идентичности. С помощью гастрономического кода в языке интерпретируются смыслы и приоритеты, образующие национальную картину мира.

«Человек является не только тем, что он ест, но и тем, что ели его предки...» [Миньяр-Белоручева, Покровская, 2020:287]. Еда, кулинарные традиции и предпочтения, являясь фактором самосознания народа, сопровождают людей на протяжении всей жизни. «Стереотипы, устоявшиеся представления народов о себе и других, посредством которых происходит категоризация мира, находят свое вербальное воплощение в языке гасистики» [Миньяр-Белоручева, Покровская, там же]. Через метафорические образы из кулинарной сферы происходит концептуализация различных фрагментов современной общественной жизни и, значит, реализуется процесс познания как окружающего мира, так и внутреннего мира человека. Как часть внешнего мира «пища пригодна войти внутрь нас, в святилище нашей тонкой и нежной внутренности, внутреннего мира» [Гачев, 2018:63].

В рамках когнитивной лингвистики язык рассматривается во взаимодействии с человеком, с его познавательными процессами, которые тесно связаны с эмоциональной сферой (Н. Д. Арутюнова 1990, Н. Н. Болдырев 2021, В. И. Заботкина 2022, Е. С. Кубрякова 2004, Г. Г. Молчанова 2023, В. И. Шаховской 2008, М. Блэк 1990, М. Джонсон, Дж. Лакофф 2008 и др.), а метафора определяется как ментальная операция и феномен производности, который «...всегда связан с процессом манипулирования первичными вербализованными структурами, которое приводит к формированию новых концептуальных структур» [Болдырев, 2021: 59].

В политическом дискурсе гастрономические термины создают сложные смыслы и коннотации, формируя эмоционально окрашенные концепты с национальным колоритом. В ходе исследования, которое проводилось с привлечением материала из разно жанровых политических текстов из интернет-источников (интервью, репортажи, статьи), а также Корпуса французского языка CorpusEue, показано, что в современной коммуникации во французском политическом дискурсе гастрометафора является результатом когнитивной деятельности, в процессе которой формируются новые понятия, представляющие эффективную эмотивную форму манипуляции общественным мнением. Объем проанализированного материала

составил 7 политических интервью, 2 политические статьи, 5 репортажей.

Для французов пищевые традиции, национальная кухня, стремление к изысканности вкуса и эстетичности внешнего вида блюд представляют культурные доминанты, формирующие особое понятие в культуре повседневности «искусство жить» / «*savoir vivre*» [Воробьева, 2021: 72-74]. По утверждению В. Шубарта, тайна французского искусства жить заключается в стремлении к эстетике и получению «облагороженного наслаждения жизнью» [Шубарт, 2000]. Французы на протяжении многих лет остаются законодателями моды и стиля в разных сферах жизни, поэтому отношение к еде во французской бытовой культуре может ассоциироваться с понятием высокого класса, хорошего вкуса, продуманности формы и ее наполнения [Загряжкина, 2007, 2023].

В связи с важностью кулинарной традиции гастрономический код присутствует во многих видах французского дискурса, передавая многочисленные эмотивные значения. В языке политики гастрономические когнитивные метафоры отражают политические реалии через создание уникального концептуального пространства, совмещающего политическую и гастрономическую понятийные сферы и моделирующего эмоционально нагруженное пространство. Макс Блэк полагает, что сопоставление разных понятийных систем, присущее когнитивной метафоре, создает эффект эмоционального напряжения, благодаря которому языковая коммуникация превращается в «творческий акт» [Блэк, 1990: 154]. Креативность, по мнению В. И. Заботкиной, понимается как «триада: язык – креативность – когниция» [Заботкина, 2022: 185], а «девиация (отклонение)» является важной составляющей креативности [там же]. В результате отклонений в употреблении узуального значения концептов, употребленных в нетипичном контексте, происходит трансформация смыслов, вложенных в традиционное значение слов, и в итоге формируется эмотивность и оценочность метафорических оборотов.

Эмотивные значения гастрономической метафоры

В рамках изучения эмотивных значений гастрономической метафоры рассматриваются метафорически переосмысленные

наименования, относящиеся к гастрономической сфере: названия блюд и их качественные характеристики, сервировка, названия столовой посуды и кухонной утвари, персонал, занятый продажей и приготовлением продуктов питания, названия помещений для приготовления пищи и др. Для выявления различных эмотивных метафорических значений в современном французском политическом дискурсе было отобрано методом сплошной выборки 52 гастрономические метафоры, которые были изучены и классифицированы с использованием лексикографического, контекстуального и прагматического анализ.

1. Гастрометафора со значением «политика=искусство, творчество»:

- политический процесс сравнивается с кулинарией, которая во французской культуре понимается как искусство или творчество и предполагает знание определенных секретов: «*les ingrédients de la politique*» / «ингредиенты политики», «*la cuisine politique*» / «политическая кухня»¹.

2. Гастрометафора со значением «выгода»:

- «*une grosse part du gateau*» / «жирная часть пирога» в политическом дискурсе обозначает «выгодная сделка».

3. Гастрометафоры со значением «сложность ситуации»:

- сложность современных политических процессов метафорически сравнивается с приготовлением в скороварке «*nous sommes dans une cocotte-minute*» / «мы находимся в скороварке»²;

- отсутствие договоренности и единства в формировании национального бюджета на 2025 год отражается с помощью когнитивных метафор «*on a mélangé tout: plat, entrée, dessert*» / «перепутали все: основное блюдо, закуску, десерт»; «*ça fait une mayonnaise*» / «это похоже на майонез»³;

¹ Interview du Premier ministre Michel Barnier à TF1 2024. URL: <https://www.rtf.be/article/france-le-premier-ministre-michel-barnier-affirme-que-18-millions-de-francais-verront-leur-impot-sur-le-revenu-augmenter-si-le-budget-n-est-pas-adopté-11472474> (дата обращения 06.09.2024).

² Там же.

³ Там же.

- новое правительство, сформированное М. Барнье, не достигнув единства мнений, сравнивается с «ярмаркой и восточным рынком, где все торгуются»: *«c'est une foire, un souk ou tout le monde négocie tout»*¹;

- *«tenir les deux bouts de l'omelette»* (дословно «держат омлет за оба конца») в политическом дискурсе означает *«gouverner ensemble»* / «руководить вместе», *«mêler leadership et diplomatie»* / «использовать одновременно лидерство и дипломатию»²;

- в качестве одного из вариантов экономии финансовых средств рассматривается территориальная реструктуризация регионов с целью исключения наложения структур, выполняющих одни и те же функции. Сложившаяся региональная ситуация называется *«mille-feuille territorial»* / «территориальный слоеный пирог»³ по аналогии с французским слоеным пирогом *«mille-feuille»* / «тысяча листов».

4. Гастрометафора со значением «нежелательные последствия»:

- за принятие непопулярных решений следует отвечать или «оплачивать счет»: *«c'est la France qui va payer l'addition»* / «именно Франция будет платить по счетам»⁴;

- ухудшение финансового состояния французов передается через сравнение с тележкой в продуктовых магазинах: *«ça peut être un caddy à ne pas remplir»* / «это может означать невозможность заполнить продуктовую тележку»⁵;

- с целью поиска финансовых средств для пополнения бюджета правительство М. Барнье предлагает повысить разные

¹ Budget, loi immigration: le calvaire de Barnier 2024. URL: <https://www.france.tv/france-5/c-dans-l-air/6540374-budget-loi-immigration-le-calvaire-de-barnier.html> (дата обращения 15.10.24).

² Boulevard Voltaire. Alain Juppé: les deux bouts de l'omelette entrent au Conseil constitutionnel 2024. URL: <https://www.bvoltaire.fr/alain-juppe-les-deux-bouts-de-lomelette-entrent-au-conseil-constitutionnel/> (дата обращения 26.07.2024)];

³ Communes: le retour de la taxe d'habitation 2024. URL: <https://www.france.tv/france-5/c-dans-l-air/6572705-communes-le-retour-de-la-taxe-d-habitation.html> (дата обращения 23.10.24).

⁴ Там же.

⁵ Budget, loi immigration: le calvaire de Barnier 2024. URL: <https://www.france.tv/france-5/c-dans-l-air/6540374-budget-loi-immigration-le-calvaire-de-barnier.html> (дата обращения 15.10.24).

виды налоги, что затронет почти все слои населения Франции. Такая налоговая политика сравнивается с «ярмаркой налогов» / «*foire aux taxes*», где происходит настоящая «налоговая бойня» / «*boucherie fiscale*»¹.

5. Гастрометафора со значением «ожидание изменений»:

• необходимость изменений в политических структурах и кабинете министров, сформированным правительством Ф. Макрона, передается с помощью гастрономических метафор «*recycler le pont de la Macronie*» / «переработать кладку яиц Макронии»². «*Et si les Français rêvaient d'un autre menu? Et d'œufs plus frais?*» / «А что, если французы мечтают о другом меню? И о более свежих яйцах?»³, в которых «кабинет министров» сравнивается с «*le pont*» («кладка яиц») и «*le menu*» («меню»), а новые политические взгляды - с «*œufs plus frais*» («более свежие яйца»). Подобные когнитивные метафоры создают ироничный саркастический образ современных политических процессов.

Нередко в политическом дискурсе метафоры, включающие фразеологизм с гастрономическим наименованием, основаны на отсылке к прецедентному феномену с гастрономическим образом:

• «*je rends mon tablier*» / «я умываю руки» (дословно «я возвращаю свой фартук»);

• «*tourner au vinaigre*» / дословно «превратиться в уксус», отражая французскую традицию виноделия, называет вино (*фр. vin*), ставшее кислым или испорченным (*фр. aigre*), т. е., превратившееся в уксус; в переносном значении это выражение приобретает новый смысл и обозначает ситуацию, которая плохо складывается;

• «*mettre de l'eau dans son vin*» / «умерить свои претензии» (дословно «разбавить вино водой») в бытовом дискурсе

¹ La France en crise, hors crise: le seul pays en Europe à ne pas avoir réussi à réduire les déficits. France 24. URL: <https://www.france24.com/fr/vid%C3%A9o/20241018-la-france-en-crise-hors-crise-le-seul-pays-en-europe-%C3%A0-ne-pas-avoir-%C3%A9ussi-%C3%A0-r%C3%A9duire-les-d%C3%A9ficits> (дата обращения 24.10.24)].

² François Bayrou, dernier recours de la Macronie? 2024. URL: <https://www.bvoltaire.fr/francois-bayrou-dernier-recours-de-la-macronie/> (дата обращения 30.09.2024)].

³ Там же.

обозначающая «умерить свои претензии» и демонстрирует особенности реалий французской культуры, согласно которым не принято разбавлять водой крепкое дорогое вино;

- *«on ne peut avoir le beurre et l'argent du beurre»* / «нельзя иметь все сразу» (дословно «нельзя иметь масло и деньги за масло»);

- фразеологизм с гастрономическим наименованием *«crème de la crème»* / «элита» происходит от *crème* / «сливки» - наиболее жирная часть молока, которая отделяется и поднимается на поверхность;

- *«les carottes sont cuites»* / «все пропало» (дословно «морковь уже сварена»), ассоциация с голодными временами XVII в. во Франции, когда у бедных людей в рационе морковь была основной едой. **При описании военных событий в Алжире в 1958 г., в результате которых Шарль де Голль вернулся к власти, гастрометафора «les carottes sont cuites» символизирует смену режима и принятие новой Конституции, расширяющей полномочия президента. Но «политические изменения не завершены» / «elles n'ont pas été cuites jusqu'au bout» (дословно «морковь не была сварена до готовности»). Как в итальянской кухне, которая предполагает легкую недоваренность, это был, можно сказать, военный переворот «аль денте» / «Comme dans la cuisine italienne qui abrège le temps de cuisson, ce fut, pourrait-on dire, «un coup d'État al dente»¹;**

- *«être dans la purée / dans la panade»* - «испытывать нужду», «быть в крайне тяжелом финансовом положении» (дословно «быть в пюре» или «в супе») по ассоциации с картофельным пюре или супом из воды и хлеба, вязкими по своей консистенции.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование убедительно демонстрирует тот факт, что гастрономическая метафора, являясь неотъемлемой частью политического дискурса, представляет результат когнитивной деятельности,

¹ La IVe République s'effondre Le Figaro 2007. URL: https://www.lefigaro.fr/livres/2006/03/16/03005-20060316ARTLIT90228-la_ive_republique_s_effondre.php (дата обращения 09.01.25).

способствующей созданию новых знаний с аффективной оценкой. Значимость этого процесса состоит в том, что эмоциональная окраска информации позволяет отобразить действительность во всем ее многообразии и тем самым воздействовать на общественное сознание. Гастрометафоры как продукт категориального сближения политической и гастрономической понятийных сфер создают новое интегрированное ментальное пространство, новый образ окружающего мира, в котором совмещаются чувственные и рациональные знания, участвующие в формировании национальной картины мира.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
2. Блэк М. Метафора // Теория метафоры: Сборник. М.: Прогресс, 1990. С. 153–172.
3. Болдырев Н. Н. Феномен производности в культуре и языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. №2. С. 57–67.
4. Воробьева Е. Ю. Цветовая номинация как когнитивно-эмоциональная деятельность (на примере цветообозначений французского языка) // Материалы международной научно-практической конференции «Речь и языки общения в конфликтном мире». 2021. С. 72–74.
5. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. 544 с.
6. Заботкина В.И. Креативность личности в языке и коммуникации // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. No 8. Ч. 2. С. 182–192.
7. Загряжская Т.Ю. Франция в культурологическом аспекте. Учеб. пособие. М.: Стратегия, 2007. 192 с.
8. Загряжская Т.Ю. Франкоязычный ареал в контексте времени и пространства // Франкофония. Язык и культура в пространстве и во времени. 2023. С. 17–31.
9. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. М., 2004. №1. С. 6–17.
10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Прогресс, 2008. 415 с.

11. Миньяр-Белоручева А. П., Покровская М. Е. Гастика как источник идентифицирующих стереотипов в диалоге культур / Материалы V-го Международного научно-практического симпозиума Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира. 2020. С. 280–289.
12. Молчанова Г. Г. Смыслопреобразующая роль метафоры в контексте радиального расширения концепта // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26. No 2. С. 9–23.
13. Шаховской В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
14. Шубарт В. Европа и душа Востока. Французы. ч.3. 2000. [Электронный ресурс] URL: <https://otrajeniya.livjournal.com/17225.html> (дата обращения 10.01.2025).

References

1. Arutyunova N. D. Metafora i diskurs // Teoriya metafor: Sbornik [Metaphor and Discourse // Theory of Metaphor]. М.: Progress, 1990. S. 5–32 (in Russian).
2. Blek M. Metafora // Teoriya metafor: Sbornik [Metaphor // Theory of Metaphor]. М.: Progress, 1990. S. 153–172. (in Russian).
3. Boldyrev N. N. Fenomen proizvodnosti v kul'ture i yazyke // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2021. №2. S. 57–67. (in Russian).
4. Vorob'eva E. YU. Cvetovaya nominaciya kak kognitivno-emocional'naya deyatel'nost' (na primere cvetooboznachenij francuzskogo yazyka) [Color nomination as a cognitive-emotional activity (using the example of color designations in the French language)] // Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Rech' i yazyki obshcheniya v konfliktogennom mire». 2021. S. 72–74. (in Russian).
5. Gachev G. D. Mental'nosti narodov mira [Mentality of the peoples of the world]. М.: Algoritm, Eksmo, 2008. 544 s. (in Russian).
6. Zobotkina V.I. Kreativnost' lichnosti v yazyke i kommunikacii // Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya». 2022. No 8. Ch. 2. S. 182–192. (in Russian).
7. Zagryazkina T.YU. Franciya v kul'turologicheskom aspekte. Ucheb. posobie [France in the cultural aspect]. М.: Strategiya, 2007. 192 s. (in Russian).

8. Zagryazkina T.Yu. Frankoyazychnyj areal v kontekste vremeni i prostranstva // Frankofoniya. Yazyk i kul'tura v prostranstve i vo vremeni. 2023. S. 17–31. (in Russian).
9. Kubryakova E.S. Ob ustanovkah kognitivnoj nauki i aktual'nyh problemah kognitivnoj lingvistiki [On the principles of cognitive science and current problems of cognitive linguistics] // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. M., 2004. №1. S. 6–17. (in Russian).
10. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem. [Metaphors We Live By]. M.: Progress, 2008. 415 s. (in Russian).
11. Min'yar-Beloruicheva A. P., Pokrovskaya M. E. Gastika kak istochnik identificiruyushchih stereotipov v dialoge kul'tur [Gastica as a source of identifying stereotypes in the dialogue of cultures] / Materialy V-go Mezhddunarodnogo nauchno-prakticheskogo simpoziuma Tradicionnaya kul'tura v sovremennom mire. Istoriya edy i tradicii pitaniya narodov mira. 2020. S. 280–289. (in Russian).
12. Molchanova G. G. Smyslopeobrazuyushchaya rol' metafor v kontekste radial'nogo rasshireniya koncepta // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2023. T. 26. No 2. S. 9–23. (in Russian).
13. SHahovskoj V. I. Lingvisticheskaya teoriya emocij: Monografiya [Linguistic Theory of Emotions: Monograph]. M.: Gnozis, 2008. 416 s. (in Russian).
14. SHubart V. Evropa i dusha Vostoka. Francuzy ch.3. 2000. [Elektronnyj resurs] URL: <https://otrajeniya.livjournal.com/17225.html> (data obrashcheniya 10.01.2025). (in Russian).

Статья поступила в редакцию 12.01.2025

Статья одобрена после рецензирования 06.03.2025

Статья принята к публикации 15.05.2025

УДК 81

Лентовская Анна Вадимовна
Anna Lentovskaya

Лабильность глаголов и ее связь с регулярной многозначностью (на примере итальянского языка)

Verbal Lability and its Relationship with Regular Polysemy (in Italian)

Аннотация. Статья посвящена изучению лабильности глаголов и её связи с регулярной многозначностью на примере итальянского языка. Автор рассматривает, как семантическая гибкость глаголов позволяет им менять значение без формальных изменений. Особое внимание уделяется Р-лабильности, когда субъект непереходного употребления совпадает с объектом переходного (например, *asciugare* 'сушить' / 'сохнуть'). Анализируются акциональные характеристики, шкала самопроизвольности, кратко упоминаются типы лабильности (А- и Р-лабильность) и их распределение в итальянском языке. В статье выделены парадигмы многозначности, демонстрирующие, как лабильные глаголы могут функционировать в разных синтаксических и семантических контекстах. Отмечается, что в итальянском языке лабильность проявляется реже, чем во французском, но аналогично русскому, где она также ограничена. При этом в итальянском представлены многошаговые парадигмы многозначности, включающие градивные и мультипликативные глаголы. Автор приходит к выводу, что лабильность в итальянском и русском языках связана с семантическими деривациями и акциональными свойствами глаголов, что подтверждается регулярностью образования различных значений.

Abstract. The article is dedicated to the study of verb lability and its connection to regular polysemy using the example of the Italian language. The author examines how the semantic flexibility of verbs allows them to change meaning without formal modifications. Special attention is given to P-lability, where the subject in the intransitive use coincides with the object in the transitive use (e.g., *asciugare* 'to dry' / 'to become dry'). The study analyzes actional characteristics, the spontaneity scale, (briefly) types of lability (A-lability and P-lability), and their distribution in Italian. The article identifies paradigms of polysemy that demonstrate how labile verbs function in different syntactic and semantic contexts. It is noted that in Italian, lability occurs less frequently than in French but is similar to Russian, where it is also limited. At the same time, Italian features multi-step polysemy paradigms that include gradable and multiplicative verbs. The author concludes that lability in Italian and Russian is linked to semantic derivations and the actional properties of verbs, which is confirmed by the regular formation of different meanings.

Ключевые слова: глагольная лабильность, многозначность, категориальные парадигмы, акциональность, итальянский язык

Keywords: verbal lability, polysemy, categorical paradigms, actionality, Italian language

Введение

В рамках изучения проблемы регулярной глагольной многозначности, например, в исследованиях Е.В. Падучевой и

Ю.Д. Апресяна, постулируется парадигматичность значений (категориальная парадигма) многозначных предикатов, а также упоминается применимость к глагольным классификациям – в разных исследовательских ракурсах – принципов семантической декомпозиции [Падучева, 2004; Апресян, 2006]. С.Г. Татевосов, в частности, полагает, что регулярную многозначность, при которой глагол распадается на несколько лексем (производных друг от друга или нет), также можно исчислять посредством декомпозиции и акциональные характеристики для каждой из лексем многозначного глагола фиксировать отдельно [Татевосов, 2015: 120]. Необходимость отдельной акциональной интерпретации каждой лексемы многозначного глагола обусловлена, в свою очередь, тем, что, поскольку актантная структура является одним из компонентов семантики предиката, изменение состава аргументов автоматически исключает глаголы из состава элементов одной и той же акциональной пары (ср. *махнуть (рукой, *бумаги)* – *смахнуть (рукой, бумаги)*) [Татевосов, 2010: 36].

Следуя аналогии с построением категориальной парадигмы глаголов в [Падучева, 2004], мы предположили, что «диапазон акциональных интерпретаций» многозначных глаголов может исчисляться путем декомпозиции на акциональные ярлыки; что выявленная таким образом вариативность подчиняется определенной логике, которая была продемонстрирована на русском и итальянском материале в [Лентовская, 2018].

Говоря о многозначности, мы имеем в виду вариативность опорного глагола (в имперфективе), т.е. вариативность **S-P-MP-/-**. (Не)предельность опорного глагола непосредственно влияет на вариативность его перфективных коррелятов, т.е. обуславливает его акциональную гибридность. Также (не)предельность опорной глагольной основы оказывает непосредственное влияние на выбор парадигмы многозначности (здесь список проиллюстрирован только примерами из итальянского языка)¹:

(A) S; ES ⇔ P; ES: *asciugare* ‘сушить, сохнуть’,

¹ терминология

(B) S; S \Leftrightarrow P; P \Leftrightarrow MP; Q, MP: *guardare; dare una guardata* ‘смотреть / глядеть, глянуть’,

(C) S; ES \Leftrightarrow P; P, ES \Leftrightarrow MP; Q, MP \Leftrightarrow -; ES: *asciugare il pavimento; dare un'asciugata* ‘(по)сушить; (под)сушить пол’,

(D) S; (ES) S \Leftrightarrow P; P, ES // P; P \Leftrightarrow MP; Q, MP // MP; Q \Leftrightarrow -; ES *imbiancare* ‘штукатурить’,

(E) S; (ES) S \Leftrightarrow MP; Q, MP // MP; Q \Leftrightarrow -; ES: *schizzare* ‘брызгать’

(F-ita) S; (S) \Leftrightarrow -; ES: *contenere* ‘вмещать, вместить’,

(G) S; (ES) S \Leftrightarrow P; P, EP \Leftrightarrow MP; Q, MP // MP; Q \Leftrightarrow -; ES: *tambureggiare* ‘барабанить’.

Из списка следует, что непереходные глаголы участвуют в парадигмах (A), (B), (F) с минимальным уровнем вариативности (один-два шага), в то время как многоуровневые парадигмы (C) (D) и (E) описывают многозначность, в первую очередь, переходных глаголов. Далее мы покажем, что в многоуровневых парадигмах многозначности задействованы не только переходные, но и лабильные глаголы.

Важно, что в рамках избранного нами подхода изменение семантики опорного глагола или актантная деривация формально не выражаются – форма опорного глагола остается неизменной (разными опорными глаголами признаются, например, *arrabbiare* ‘сердить’ и *arrabbiarsi* ‘сердиться’). Полагаем, что явлением, описывающим в совокупности способность глагола быть (не) переходным без внешних формальных изменений, а также его актантные и семантические преобразования, можно считать лабильность глагольной основы. Ниже мы поясним, как именно лабильность связана с регулярной многозначностью, иллюстрируя наши доводы на итальянском материале.

Лабильность и ее связь с регулярной многозначностью

При исследовании акциональной гибридности и многозначности глаголов в центре нашего внимания оказалась не переходность как сугубо синтаксическое свойство глагола, т.е. его (не)способность управлять прямым дополнением, а, скорее, переходность в трактовке П. Хоппера и С. Томпсон, которые в [Hopper, Thompson, 1980] подробно описали корреляцию синтаксической переходности с семантическими свойствами глагола, перечислив десять параметров ситуации и ее участников,

влияющих на степень выраженности семантической переходности во фразе. Позже данные параметры неоднократно уточнялись (см. [Testelec, 1998; Malchukov, 2005]), кроме того, в ряде работ было предложено подразделять лабильные глаголы на А-лабильные и Р-лабильные. У первого подкласса глаголов субъект непереходного употребления (S) по семантическим характеристикам совпадает с субъектом (агентом, А) переходного (1); у второго подкласса субъект непереходного употребления (S) совпадает с объектом (пациентом, Р) переходного (2-3):

А-лабильность ($S = A$)

(1) а. *Canta una canzone*; Она поет песню; б. *Canta molto bene*; Она очень хорошо поет.

Р-лабильность ($S = P$)

(2) а. *La pasta cuoce in pochi minuti* ‘Паста готовится всего несколько минут’;

б. *Pina cuoce una fettina di manzo* ‘Пина готовит говяжью вырезку’;

(3) а. Брат гонит машину по трассе; б. Машина гонит по трассе.

Наиболее масштабное на данный момент типологическое исследование лабильности было предпринято А.Б. Летучим: в монографии [Летучий, 2013] и более ранних работах исследователя [Летучий, 2006а: 10-13] продемонстрировано, что лабильность располагается на пересечении трех групп явлений: переходности, актантных преобразований и семантической деривации. Во-первых, лабильные глаголы кодируют пары ситуаций, которые различаются актантной структурой (например, итальянский глагол *iniziare* ‘начинать(ся)’), и по этой причине лабильность зачастую определяется как немаркированная актантная деривация. Во-вторых, как было показано в работе Я.Г. Тестельца, ситуации можно классифицировать в соответствии с тем, насколько часто они описываются переходными глаголами, учитывая семантические и синтаксические критерии [Testelec, 1998: 37]. Наконец, параллель можно провести между лабильностью и семантической деривацией, т.е. механизмами регулярной полисемии в трактовке Ю.Д. Апресяна и Е.В. Падучевой (см. выше). Летучий указывает, что особенно

«лабильность сближается с семантической деривацией в языках, где она характерна только для узкой семантической группы глаголов», например, в русском языке [Летучий, 2006а: 11].

Следует отметить, что, по данным монографии А.Б. Летучего, русский и итальянский языки относятся к таким языкам, в которых лабильность встречается редко [Летучий, 2013: 260]. Важно, впрочем, учитывать, что по причинам, обусловленным целями типологического исследования, автор изначально принял решение не рассматривать А-лабильность и случаи немаркированного опущения объекта переходного глагола, такие, как в (6), которые в русском и подобных языках различаются слабо [ibid.: 27-28]:

(5) Вася ест мясо;

(6) Вася сейчас ест, подожди пять минут.

В данной работе мы также ограничимся иллюстрацией только декаузативного подтипа Р-лабильности, характерного для итальянского языка (одного из трех возможных подтипов, по данным [Летучий, 2006а: 68], помимо пассивного и потенциально-пассивного). Как мы покажем далее, лабильные глаголы можно анализировать с применением перечисленных выше парадигм многозначности.

Парадигмы многозначности Р-лабильных глаголов

При исследовании механизмов декаузативной лабильности (наиболее распространенной в языках мира), а также ограничений на каузативизацию и декаузативизацию в том или ином языке, часто используется так называемая шкала самопроизвольности. Она охватывает зону, в которую объединяются действия, которые могут быть представлены и как произвольные, и как происходящие с участием агенса.

Наиболее подробную шкалу самостоятельности предложил М. Хаспельмат [Haspelmath, 1993; в сокращенном варианте в: Лютикова, 2002: 4]. Слева на шкале находятся ситуации, которые в прототипическом случае возникают самопроизвольно, а справа — такие, которые прототипически возникают под влиянием агенса или внешней силы. По данным исследования А.Б. Летучего, с некоторыми оговорками шкале соответствует класс лабильных глаголов во французском языке — в данном языке

лабильность в большей степени характерна для ситуаций, находящихся на шкале слева, но встречается и справа¹:

(8) Франц. яз.: geler – sécher – fondre – brûler – (se) remplir – (se) balancer – (se) réunir – ouvrir – rompre – (faire) couler ‘замерзать / заморозить -сохнуть / сушить -таять / растапливать -гореть / жечь -наполнять(ся)-качать(ся)-собирать(ся)-открывать(ся)-ломать(ся)-сыпать(ся)’.

Тем не менее, если взять шкалу М. Хаспельмата в полном варианте, содержащую 31 глагол, самопроизвольность все же не в полной мере объясняет распределение лабильных глаголов во французском языке (как и в адыгейском). Например, между лабильными (франц.) *sécher* ‘сохнуть’, *geler* ‘замерзать’ и *enseigner* ‘учить’, *fondre* ‘таять’ находятся нелабильные (se) *réveiller* ‘просыпаться / будить’, (s’) *éteindre* ‘гаснуть / гасить’ и (se) *noyer* ‘тонуть / топить’ [по: Летучий, 2013: 111].

В итальянском языке, согласно данным А.Б. Летучего, доля Р-лабильных глаголов, несомненно, меньше, чем во французском. Однако распределение на шкале самопроизвольности принципиального различия между двумя языками не демонстрирует (для итальянского языка номером отмечено место на полной шкале самопроизвольности М. Хаспельмата из 31 глагола; *отмечены А-лабильные глаголы):

(9) Итал. яз.: 2. congelare ‘замерзать/заморозить’; 3. asciugare ‘сохнуть/ сушить’; 8. fondere – ‘таять/ растапливать’; 12. bruciare ‘гореть/ жечь; 14. riempirsi / riempire ‘наполнять(ся); 23. scuotersi / scuotere ‘качать(ся)’; 26. riunirsi / riunire ‘собирать(ся)’; 27. aprire -открывать(ся); 28. rompersi / rompere* ‘ломать(ся)’; 31. versarsi / versare* ‘насыпать(ся)’.

Судя по данным в (9), в итальянском языке Р-лабильны те же глаголы, что и во французском, за исключением *rompere* (А-лабильным с другим оттенком значения). Лабильные французские глаголы движения, деадъективные глаголы, глаголы

¹ Французский упоминается, наряду с английским и немецким, как европейский язык с развитой лабильностью, в котором присутствуют лабильные глаголы движения, деадъективные глаголы, глаголы с агенсом-инициатором типа *cuire* ‘варить, готовить’, глаголы разрушения и нек. другие. Другим языком, где лабильные глаголы соответствуют шкале самопроизвольности, является адыгейский – в нем лабильны глаголы правого конца шкалы.

разрушения не находят здесь аналогии, что подтверждает вывод А.Б. Летучего о том, что шкала самопроизвольности не позволяет анализировать лабильность в любом языке и исключает из рассмотрения, например, различия между французской (многочисленной) и итальянской (немногочисленной) системами лабильности. Кроме того, в русском языке не лабилен ни один глагол из приведенного списка.

Выше уже упоминалась параллель между небольшим количеством R-лабильных глаголов в языке и тесной связью такой лабильности с лексической семантикой глагола: можно, следовательно, заключить, что **периферийная лабильность является лексически обусловленной семантической деривацией**. Сказанное, следовательно, можно распространить на итальянский язык.

Итальянские глаголы в списке (9) различаются, помимо самопроизвольности, по аспектуальному классу, причем на левом конце шкалы оказываются процессы, а на правом – события. В работах [Schäfer, 2003; 2008], посвященных декаузативам в романских и некоторых других языках, автор описывает итальянские глаголы левого конца шкалы как неопредельные, а правого – как предельные. Внесем некоторые уточнения в данное утверждение, используя, среди прочих, перечень глаголов из [Folli, 2002].

Известно, что в итальянском языке непереходные глаголы можно поделить на три группы в зависимости от того, нуждаются ли они в декаузативном (возвратном) показателе *si*, как следует из табл. 1. Непереходные глаголы группы А. употребляются только с *si*; непереходные глаголы группы В., напротив, употребляются только без *si*; непереходные глаголы третьей группы С. могут употребляться как с показателем *si*, так и без него.

Табл. 1. (Не)переходные глаголы в итальянском языке (часть списка, составленного по данным [Folli, 2002] с авторскими дополнениями и изменениями)

А. <i>si</i> обязателен (перех. / неперех.)	В. <i>si</i> невозможен (перех. / неперех.)	С. <i>si</i> возможен (перех. / неперех.)
rompere / rompersi 'ломать(ся)'	diminuire / diminuire 'уменьшать(ся)'	fondere / fonder(si) 'растопливать(ся)'

alterare / alterarsi ‘изменять(ся)’ svegliare / svegliarsi ‘будить / просыпаться’ estendere / estendersi ‘расширять(ся)’ sbriciolare / sbriciolarsi ‘крошить(ся)’ increspare / incresparsi ‘растрескивать(ся)’ dividere / dividersi ‘разделять(ся)’ sfilacciare / sfilacciarsi ‘распускать(ся), о ткани’ ...	aumentare / aumentare ‘увеличивать(ся)’ invecchiare / invecchiare ‘старить / стареть’ ringiovanire / ringiovanire ‘молодить / молодеть’ cambiare / cambiare ‘менять(ся)’ allungare / allungare ‘удлинять(ся)’ guarire / guarire ‘вылечивать(ся)’ migliorare / migliorare ‘улучшать(ся)’ ...	cuocere / cuocer(si) ‘варить(ся)’ friggere / frigger(si) ‘жарить(ся)’ raffreddare / raffreddar(si) ‘остужать(ся)’ riscaldare / riscaldar(si) ‘разогревать(ся)’ asciugare / asciugare(si) ‘вытирать(ся), сушить / сохнуть’ congelare / congelar(si) ‘замораживать(ся)’ ...
--	---	---

В работе [Schäfer, 2003] утверждается, что итальянские глаголы, употребляющиеся только с показателем декаузатива/возвратности *si*, предельны в обоих употреблениях, а употребляющиеся только без него непредельны в обоих употреблениях. Прокомментируем данный вывод более детально.

Предельность непреходных глаголов-событий группы А. (пунктивных <-; ES>) – с обязательным присоединением *si* - Ф. Шефер выявляет с применением теста на сочетаемость с обстоятельством срока действия *in X*, который в подобных случаях описывает моментальное изменение состояния (10); теста с формой прогрессива, которая интерпретируется как описание подготовительной фазы к изменению состояния (11); теста на отрицание результирующего состояния, который не дает удовлетворительных результатов (12):

(10) *La sedia si è rotta in un secondo* ‘Стул вмиг (моментально) сломался’,

(11) *La sedia si sta rompendo* ‘Стул вот-вот сломается’,

(12) ??*La sedia si è rotta, ma non è rotta* ‘Стул сломался, но он не сломан’.

Для иллюстрации предельности глаголов группы А. автор в своей работе выбрал в качестве примеров также *aprirsi* и *chiudersi*, что, на наш взгляд, не вполне удачно. В современном итальянском языке, помимо употреблений (13), которые можно

анализировать как А-лабильные по аналогии с (14), широко распространены фразы типа (15) и под.:

(13) *La chiave non apre* ‘Этим ключом не открыть; букв. Ключ не открывает (например, дверь)’;

(14) *Il negozio apre / chiude alle 20.00 (apre / chiude le porte)* ‘Магазин открывается / закрывается в 20:00 (открывает / закрывает двери)’;

(15) *La scatoletta apre male; La valigia chiude bene* ‘Шкатулка с трудом (букв. плохо) открывается; Чемодан легко (букв. хорошо) закрывается’.

Таким образом, мы полагаем возможным исключить Р-лабильные глаголы *aprire* и *chiudere* из группы глаголов А. В данном случае речь идет о сильных предельных глаголах, которые могут быть реинтерпретированы как ингрессивно-стативные, т.е. участвовать в парадигме регулярной многозначности (А), как в переходном, так и в непереходном варианте, см. (16):

(16) *chiudere*: (А) S; ES \Leftrightarrow P; ES

a. <S; ES> *Da quando il negozio era chiuso per ferie, di pomeriggio chiude prima* ‘С тех пор как этот магазин закрывался (был закрыт) на праздники, во второй половине дня он закрывается раньше’;

b. <P; ES> *Mentre il cancello automatico chiudeva, siamo riusciti a fare due chiacchiere, e non era ancora chiuso* ‘Пока ворота закрывались, мы успели поболтать, а они все так и не закрылись’;

c. <S; ES> *Questa chiave chiude / ha chiuso la porta* ‘Этот ключ закрывает / закрыл дверь (подходит для двери)’;

d. <P; ES> *Il ragazzo chiude / ha chiuso la porta* ‘Молодой человек закрывает / закрыл дверь’.

В отношении лабильных глаголов группы В. (не допускающих присоединения *si*) в работе Шефера постулируется неопределенность, которую автор выявляет путем употребления глаголов с обстоятельством длительности *per X* (17), а также подчеркивая, с одной стороны, невозможность сочетания с наречием *completamente* ‘полностью’ (18), а с другой – допустимость употребления в контексте отрицания результирующего состояния (19) (примеры из [Schäfer, 2003: 5]):

(17) a. Gianni ha diminuito la temperatura per un'ora 'Джанни понижал температуру в течение часа'; b. La temperatura è diminuita per un'ora 'Температура понижалась в течение часа';

(18) ??Gianni ha diminuito la temperatura completamente 'Джанни (??полностью) окончательно понизил температуру';

(19) La temperatura è diminuita, ma non è diminuita completamente 'Температура понизилась, но не снизилась окончательно'.

Приведем несколько доводов в пользу иной интерпретации данных примеров. Само наличие нескольких вариантов русского перевода наречия *completamente* в примерах (18-19) подводит к мысли о том, что у глаголов, подобных *diminuire*, может быть несколько прочтений. Такие глаголы (группы В.) в ряде работ определяются как градативы (*degree verbs*) – в частности, в работе [Bertinetto, Lentovskaya, 2015] предлагается сопоставительный анализ таких глаголов на английском и русском материале. Приводя пример (20), данные авторы указывают, что один и тот же градативный глагол *warm* может иметь два (α и β) прочтения. В случае (20a) вода разогревается, достигая промежуточного предела, в то время как в (20b) вода разогревается, достигая своей максимально возможной температуры:

(20) a. α -прочтение: The water warmed up, but it is still too cold to swim 'Вода нагрелась, но все еще слишком холодная, чтобы плавать';

b. β -прочтение: The water warmed up, we can finally swim 'Вода нагрелась – мы наконец можем плавать' [Bertinetto, Lentovskaya, 2015: 94].

Учитывая наличие трех различных мнений по поводу (не)предельности подобных глаголов, авторы примыкают к точке зрения, принятой в данной статье, согласно которой в обоих прочтениях формы *warmed up* / *decreased* описывают достижение (α -промежуточного; β -абсолютного) предела, то есть изменение состояния (ES). Сказанное можно распространить на следующие итальянские примеры:

(21) a. α -прочтение: La temperatura è diminuita (ma non è diminuita completamente), ma fa ancora troppo caldo per procedere con l'esperimento 'Температура понизилась, (но не снизилась

окончательно), но все еще слишком жарко, чтобы продолжать эксперимент’;

b. *β-прочтение*: La temperatura è diminuita, finalmente possiamo procedere con l’esperimento ‘Температура снизилась – мы наконец можем продолжать эксперимент’.

Кроме того, в примере (21) при *β-прочтении* вполне допустимо употребление наречия *completamente* в значении *окончательно*: La temperatura è diminuita completamente ‘Температура окончательно понизилась’.

Полагаем, что итальянские градативы следует относить к сильному предельному <P; ES> классу в *β-прочтении*, и к слабому предельному <P; P, ES> классу в *α-прочтении*: в последнем случае перфективные формы могут описывать процесс, см. (22):

(22) La temperatura è diminuita per qualche tempo, ma fa ancora troppo caldo per procedere con l’esperimento ‘Температура какое-то время понижалась, но все еще слишком жарко, чтобы продолжать эксперимент’.

То, что градативы в *α-прочтении* сочетаются как с обстоятельством длительности *per X* – в (22), так и с обстоятельством срока действия *in X* – в (23), является дополнительным подтверждением их акциональной гибридности и возможности отнести их к слабому предельному <P; P, ES> классу:

(23) a. Gianni ha diminuito la temperatura in un’ora ‘Джанни понизил температуру за час’; b. La temperatura è diminuita in un’ora ‘Температура понизилась / снизилась за час’.

Итальянские глаголы из группы С. в табл. 1 используют две разные стратегии – лабильность (*fondere / fondere* ‘расплавить / таять’) и маркирование декаузатива (*fondere / fondersi* ‘расплавить / растаять’). Подобные глаголы без *si*, так же, как и глаголы группы В., – преимущественно градативы. Следующий пример (24) – итальянский аналог фразы из примера (20):

(24) a. *α-прочтение*, <P; P, ES> класс: L’acqua è riscaldata, ma è ancora troppo fredda per nuotarci ‘Вода нагрелась / погрелась, но все еще слишком холодная, чтобы плавать’; b. *β-прочтение*, <P; ES> класс: L’acqua è riscaldata, finalmente possiamo nuotare ‘Вода нагрелась – мы наконец можем плавать’.

При маркировании декаузатива местоимением *si* глаголы группы С. описывают моментальное (пунктивное) событие так же, как в примерах (10-12) с глаголами группы А., ср. (25-26):

(25) a. *L'acqua si è riscaldata in un secondo (*per un secondo)* 'Вода вмиг (моментально) нагрелась'; b. *Il cioccolato si è fuso in un secondo (*per un secondo)* 'Шоколад вмиг растаял';

(26) a. *L'acqua si sta riscaldando* 'Вода вот-вот нагреется';

b. *Il cioccolato si sta fondendo* 'Шоколад вот-вот растает';

(27) a. **L'acqua si è riscaldata, ma non è riscaldata* 'Вода нагрелась, но она не нагрета'; b. **Il cioccolato si è fuso, ma non è fuso* 'Шоколад растаял, но он не растоплен'.

Отметим, что фраза (25a) допустима только в α -прочтении.

Таким образом, группа С. объединяет в себе акциональные классы группы А. (пунктивные <-; ES>) и группы В. (сильные предельные <P; ES> и слабые предельные <P; P, ES>). Р-лабильность демонстрируют, соответственно, глаголы групп В. и С., и именно эти глаголы могут участвовать в двух парадигмах многозначности (при неизменной форме опорного глагола), см. (28-29):

(28) *bollire* (группа В.) (A) S; ES \Leftrightarrow P; ES: a. <S; ES> *L'acqua bolle / è bollita a 100 gradi* 'Вода кипит / вскипела при 100 градусах';

b. <P; ES> *L'acqua bolliva mentre stavo parlando al telefono, ed è bollita quando ho finito* 'Вода кипела, пока я говорила по телефону, и вскипела, когда я поговорила';

(C) S; ES \Leftrightarrow P; P, ES \Leftrightarrow MP; Q, MP \Leftrightarrow -; ES: c. <S; ES> *La rabbia mi fa bollire / mi ha fatto bollire il cervello* 'От гнева у меня вскипает / кипит мозг';

d. <P; P, ES> *Mentre bollivo i ceci, ha chiamato il corriere* 'Когда я варила горох, позвонил курьер'. Но *bollito i ceci per dieci minuti / in dieci minuti* 'Я (по)варила горох десять минут / сварила горох за десять минут';

e. <MP; Q, MP> *Non è necessario bollire i ceci a lungo, basta dargli una bollita* 'Долго варить горох не нужно, достаточно его вскипятить';

f. <-; ES> *Ha dato una bollita ai ceci in un attimo* 'Она всего минутку покипятила горох'.

(29) *asciugare* (группа C.) (A) S; ES \Leftrightarrow P; ES: a. <S; ES> Con questo caldo l'acqua asciuga / è asciugata immediatamente 'На такой жаре вода сохнет / высохла мгновенно';

b. <P; ES> L'acqua asciugava mentre stavo parlando al telefono, ed è asciugata quando ho finito 'Вода сохла, пока я говорила по телефону, и высохла, когда я поговорила';

(C) S; ES \Leftrightarrow P; P, ES \Leftrightarrow MP; Q, MP \Leftrightarrow -; ES: c. <S; ES> Il caldo ha asciugato / asciuga la gola 'От жары у меня пересохло / пересыхает во рту';

d. <P; P, ES> Mentre asciugavo il pavimento, ha chiamato il corriere 'Когда я вытирала пол, позвонил курьер'. Но asciugato il pavimento per dieci minuti / in dieci minuti 'Я (по)вытирала пол десять минут / вытерла пол за десять минут';

e. <MP; Q, MP> Dai un'asciugata al lavandino 'Протри быстренько раковину';

f. <-; ES> Ha dato un'asciugata al lavandino in un attimo 'Она мгновенно протерла раковину'.

Помимо упоминавшихся выше (а) градативов, из семантических классов глаголов, часто демонстрирующих лабильность (по [Летучий 2013: 348], с дополнениями и изменениями), в итальянском языке лабильны (b) некоторые глаголы звукоизвлечения (*suonare* 'играть', *tuonare* 'греметь'), (c) движения воды (*schizzare* 'брызгать', *sprizzare* 'прыскать', *sgorgare* 'выливаться', *colare* 'цедить'), (d) фазовые глаголы (*iniziare* 'начинать(ся)', *continuare* 'продолжать(ся)', *finire* 'заканчивать(ся)') и (e) некоторые глаголы (пере)движения / перемещения (*muovere* 'двигать(ся)', *calare* 'спустить(ся)', *salire* 'поднять(ся)', *scendere* 'опустить(ся)', *correre* 'бежать'). Так же, как и в примере (144) с глаголами *aprire* / *chiudere*, Р-лабильные глаголы (d)-(e) – сильные предельные, участвующие в парадигме многозначности (A) S; ES \Leftrightarrow P; ES. Тем временем, глаголы групп (b) - (c) в том числе А-лабильны, причем глагол *suonare* слабый предельный, и участвует в парадигме многозначности (D) S; (ES) S \Leftrightarrow P; P, ES // P; P \Leftrightarrow MP; Q, MP // MP; Q \Leftrightarrow -; ES, в то время как глаголы группы (c) – мультипликативы, участвующие в парадигме (E) S; S \Leftrightarrow MP; Q, MP // MP; Q \Leftrightarrow -; ES. Принципиально важной характеристикой, определяющей наличие расширенной парадигмы многозначности, таким

образом, оказывается лабильность процессов (в т.ч. мультипликативных), а не лабильность в принципе (события в итальянском также могут быть лабильными).

В заключение особо отметим два обстоятельства. В русском и итальянском - языках с периферийной лабильностью - наблюдается параллелизм семантических групп, для которых характерна лабильность, порой вплоть до отдельных лексем (ср., лабильные *варьировать* / *variare*, *учить* / *studiare*). Впрочем, говорить о полном соответствии, безусловно, нельзя: помимо упомянутых выше градативов и фазовых глаголов, в итальянском языке, в отличие от русского, лабильны мультипликативные глаголы серии *mordere* 'кусать(ся)', *azzannare* 'кусать(ся)', тяпать (разг.)', *calcicare* 'пинать(ся)', *sputare* 'плевать(ся)', которые в русском языке оформляются с помощью антипассивных форм (ср., тем не менее, *Собака лает, но не кусает*). Кроме того, в русском языке Р-лабильны не только события (преимущественно глаголы движения и перемещения группы (е)), но и, как в итальянском, (мультипликативные) процессы.

Сильные предельные и (реже) пунктивные лабильные глаголы в обоих языках задействованы в одношаговой парадигме многозначности (А), а также – в итальянском языке – в парадигме (F-ita). В то же время, лабильные процессуальные глаголы участвуют в многошаговых парадигмах (С), (D / D-rus), (Е), (G). В итальянском языке представлены все четыре перечисленные многошаговые парадигмы, учитывая наличие градативных глаголов с двумя различными интерпретациями опорных элементов. В русском языке некоторыми мультипликативными глаголами представлена парадигма (Е). Особое место в русских парадигмах многозначности занимают глаголы звукоизвлечения: опорные глаголы *петь*, *играть* относятся к двупредельному классу и участвуют в парадигме (D- rus); некоторые другие глаголы звукоизвлечения с опорным слабым ингрессивно-процессуальным глаголом участвуют в парадигме (G) и, как в итальянском языке, не пересекаются с парадигмами (D / D-rus). Отметим, что в итальянском языке более четко выдерживается правило, взаимно исключающее в рамках одного акционального класса в перфективе выражение либо вхождения в состояние,

либо вхождения в процесс, т.е. либо начального, либо конечного предела действия (двупредельный класс отсутствует).

Вторично отметим, что мультипликативные варианты в итальянском языке часто образованы словоизменительными средствами, и в обоих языках нередко относятся к разговорному регистру (порой к сленгу). Тем не менее, полагаем, что игнорировать тенденцию регулярного образования подобных форм в обоих исследуемых языках (как правило, с аналогичными значениями) нецелесообразно.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 33-160.
2. Лентовская А.В. Акциональные характеристики русских и итальянских глаголов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. М.: МГЛУ, № 14 (809), 2018, сс. 57-71.
3. Летучий, А.Б. Лабильность в русском языке: случайность или закономерность? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог-2006. – М., 2006. – С. 343-347.
4. Летучий, А.Б. Типология лабильных глаголов. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 384 с.
5. Лютикова, Е.А. Русские лабильные глаголы в типологической перспективе. Материалы к докл. на Ломоносовских чтениях. – М., 2002.
6. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
7. Татевосов, С.Г. Акциональность в лексике и грамматике (Глагол и структура события). – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 368 с.
8. Bertinetto, P.M., Lentovskaya, A. Degree Verbs: English-Russian contrastive analysis // R. Benacchio (ed.). *Verbal Aspect. Grammatical Meaning and Context*. – München – Berlin – Washington D.C.: Verlag Otto Sagner, 2015. – pp. 93-115.
9. Folli, R. Constructing Telicity in English and Italian. PhD dissertation. – University of Oxford, 2002. – 610 pp.

10. Haspelmath, M. More on the typology of inchoative/causative verb alternations // B. Comrie, M. Polinsky (eds.). *Causatives and Transitivity*. – Amsterdam: John Benjamins, 1993. – pp. 87-120.
11. Hopper, P., Thompson, S. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. – 1980. – № 56. – pp. 251–299.
12. Malchukov, A.L. Case pattern splits, verb types, and construction competition // M. Amberber, H. de Hoop (eds.). *Competition and Variation in Natural Languages: the Case for Case*. – London; New York: Elsevier, 2005. – pp. 73-117.
13. Schäfer, F. The Syntax of (anti-)causatives: external arguments in change-of-state contexts. – Amsterdam: John Benjamins, 2008. – 324 pp.
14. Schäfer, F. The morphological patterns of anticausatives and their interpretations. Talk at the annual meeting of the graduate school 'Linguistic representations and their representation'. – Söllerhous: Kleinwalseztal, 2003.
15. Testelec, Y. On two parameters of transitivity // V. Kulikov, H. Vater (eds.). *Typology of verbal categories. Papers presented to V. PP. Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday*. – Tübingen: Niemeyer, 1998. – pp. 29-46.

References

1. Apresjan, Y. D. *Osnovanija sistemnoj leksikografii* [Foundations of Systematic Lexicography] // *Jazykovaja kartina mira i sistemnaja leksikografija* [The Linguistic Picture of the World and Systematic Lexicography]. – Moscow: Jazyki slavjanskoj kultury, 2006. – pp. 33-160. (in Russian).
2. Bertinetto, P.M., Lentovskaya, A. Degree Verbs: English-Russian contrastive analysis // R. Benacchio (ed.). *Verbal Aspect. Grammatical Meaning and Context*. – München – Berlin – Washington D.C.: Verlag Otto Sagner, 2015. – pp. 93-115.
3. Folli, R. Constructing Telicity in English and Italian. PhD dissertation. – University of Oxford, 2002. – 610 pp.
4. Haspelmath, M. More on the typology of inchoative/causative verb alternations // B. Comrie, M. Polinsky (eds.). *Causatives and Transitivity*. – Amsterdam: John Benjamins, 1993. – pp. 87-120.
5. Hopper, P., Thompson, S. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. – 1980. – № 56. – pp. 251–299.
6. Lentovskaya, A.V. *Aktsional'nye kharakteristiki russkikh i ital'janskikh glagolov* [Actional Characteristics of Russian and Italian Verbs] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University].

- Humanities]. – Moscow: MGLU, 2018. – No. 14 (809). – pp. 57-71. (in Russian).
7. Letuchij, A.B. *Labil'nost' v russkom jazyke: sluchajnost' ili zakonomernost'?* [Lability in the Russian Language: Coincidence or Regularity?] // *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoj konferencii Dialog-2006* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the International Conference "Dialogue-2006"]. – Moscow, 2006. – pp. 343-347. (in Russian).
 8. Letuchij, A.B. *Tipologija labil'nykh glagolov* [Typology of Labile Verbs]. – Moscow: Jazyki slavjanskoj kultury, 2013. – 384 pp. (in Russian).
 9. Ljutikova, E.A. *Russkie labil'nye glagoly v tipologicheskoj perspektive* [Russian Labile Verbs in a Typological Perspective]. *Materialy k dokladu na Lomonosovskikh chtenijakh* [Materials for a Report at the Lomonosov Readings]. – Moscow, 2002. (in Russian).
 10. Malchukov, A.L. Case pattern splits, verb types, and construction competition // M. Amberber, H. de Hoop (eds.). *Competition and Variation in Natural Languages: the Case for Case*. – London; New York: Elsevier, 2005. – pp. 73-117.
 11. Paducheva, E.V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in Lexical Semantics]. – Moscow: Jazyki slavjanskoj kultury, 2004. – 608 pp. (in Russian).
 12. Schäfer, F. The Syntax of (anti-)causatives: external arguments in change-of-state contexts. – Amsterdam: John Benjamins, 2008. – 324 pp.
 13. Schäfer, F. The morphological patterns of anticausatives and their interpretations. Talk at the annual meeting of the graduate school 'Linguistic representations and their representation'. – Söllerhous: Kleinwalseztal, 2003.
 14. Tatevosov, S.G. *Aktsionalnost' v leksike i grammatike (Glagol i struktura sobytija)* [Actionality in Lexicon and in Grammar (The Verb and the Structure of the Event)]. – Moscow: Jazyki slavjanskoj kultury, 2015. – 368 pp. (in Russian).
 15. Testelec, Y. On two parameters of transitivity // V. Kulikov, H. Vater (eds.). *Typology of verbal categories. Papers presented to V. PP. Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday*. – Tübingen: Niemeyer, 1998. – pp. 29-46.

Статья поступила в редакцию 04.02.2025

Статья одобрена после рецензирования 06.03.2025

Статья принята к публикации 15.05.2025

СПИСОК АВТОРОВ

Васильева Дарья Валерьевна – аспирант, преподаватель кафедры зарубежной филологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ивановский государственный университет»

E-mail: darya.priv4lova@gmail.com

Воробьева Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

E-mail: velena2007@mail.ru

Макарова Кристина Николаевна – соискатель; учитель иностранных языков, руководитель школьной научно-методической кафедры учителей иностранных языков; Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Лицей №4» г.о. Коломна

E-mail: lyzhinakristina@yandex.ru

Казакова Ирина Евгеньевна – ассистент кафедры теории и практики иностранных языков, Институт иностранных языков, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы"

E-mail: irina_komleva@inbox.ru

Казаченкова Наталья Владимировна – старший преподаватель, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет»

E-mail: kanavl@yandex.ru

Клевенская Юлия Сергеевна – аспирант кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков,

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы"

Е-mail: klevenskaya_yus@pfur.ru

Лентовская Анна Вадимовна – старший преподаватель русского языка Лингвистического центра Департамента филологии, литературы и языкознания, Пизанский университет, Пиза, Италия

Е-mail: anna.lentovskaya@unipi.it

Степанян Евгения Игоревна – аспирант кафедры теории и практики иностранных языков Института Иностранных Языков, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Е-mail: kovalenko_ei@pfur.ru, janevalenko90@gmail.com

Фефелова Кристина Валерьевна – студент бакалавриата, Институт иностранных языков, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы"

Е-mail: 1132221970@pfur.ru

Юсупова Седа Мусаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета иностранных языков, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»

Е-mail: seda_linguist@mail.ru

Уважаемые коллеги!

Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ) сообщает о начале приема статей для следующего номера научно-исследовательского журнала «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)».

В журнале публикуются статьи, рецензии и библиографические обзоры, информация о конференциях, семинарах и круглых столах по следующей тематике:

1. Теория и практика преподавания языков на всех уровнях
2. Устный и письменный перевод
3. Лексикография
4. Терминоведение и терминография
5. Социолингвистика
6. Психолингвистика
7. Язык средств массовой информации
8. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация
9. Стилистика и анализ дискурса
10. Информационно-коммуникационные технологии в прикладной лингвистике
11. Языковая ситуация в различных регионах мира.

О журнале

Научный журнал «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)» освещает результаты исследований в разных областях гуманитарного знания, связанных с изучением языка в его прикладных аспектах и на широком фоне культурной, социальной, политической жизни народов, на нем говорящих, т.е. «мира изучаемого языка», без знания которого невозможно ни международное, ни межкультурное общение.

Издание зарегистрировано в **Международном центре ISSN**, входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре), Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-52630 от 25 января 2013 года.

Каждый из выпусков журнала направляется в Российскую книжную палату, которая осуществляет рассылку журнала

«Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)» в Российскую государственную библиотеку и другие ведущие библиотеки, образовательные и научные учреждения Российской Федерации.

Качество публикуемых статей контролируется редколлегией, в состав которой входят ведущие ученые, возглавляющие научные секции Национального общества прикладной лингвистики. Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонить заявку на публикацию по результатам отзывов рецензентов.

Авторы несут ответственность за точность и достоверность содержащихся в их материалах сведений научного и энциклопедического характера.

Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

По всем вопросам, касающимся публикации статей в журнале «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики», просьба обращаться на электронный адрес редакционной коллегии журнала limw.editor@gmail.com.

Требования к оформлению статьи

По всем вопросам, касающимся публикации статей в журнале «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики», просьба обращаться на электронный адрес редакционной коллегии журнала limw.editor@gmail.com.

Все статьи, поступающие в редакцию, должны быть оформлены строго в соответствии с требованиями. Статьи, оформление которых не соответствует предъявляемым требованиям, рассматриваться не будут.

Статья должна быть оформлена в соответствии с изложенными ниже требованиями и содержать указанные ниже пункты:

1. **УДК** Просьба указать развернутый шифр УДК статьи.
2. **Объем статьи**

Средний рекомендуемый объем статьи — 0,5 п.л. (что соответствует 12 страницам текста в 1,5 интервала при шрифте 14 Times New Roman), но допустима и меньшая, и большая длина с учетом информативности текста. Редакционный совет оставляет за

собой право делать сокращения в статье (по согласованию с автором) или рекомендовать автору расширить статью.

3. Название статьи

Название статьи отражает предмет и тему статьи, основную цель (вопрос), поставленную автором для раскрытия темы.

4. Аннотация

Статья сопровождается аннотацией (примерно 200-250 слов) на русском и английском языках. Аннотация должна быть **структурирована**: давать представление об исследовании, актуальности, новизне, цели, материалах и методах, результатах, выводах.

Англоязычная версия аннотации представляет собой резюме статьи (Aim, Materials and Methods, Results, Conclusions), и также включает 200-250 слов.

5. Список ключевых слов

Необходимо указать ключевые слова - 5-6, способствующих индексированию статьи в поисковых системах. Ключевые слова должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

6. Содержание статьи

Статья должна быть **структурирована** (Введение, постановка проблемы, Основная часть, Заключение)

Введение – постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор научной литературы по теме, четкая постановка цели работы.

Основная часть статьи должна быть разбита на пронумерованные разделы, имеющие содержательные названия. Возможны подразделы. Она должна содержать описание материала и методов исследования, описание проведенного анализа и полученные результаты.

Заключение – основные выводы исследования.

7. Оформление ссылок в тексте

Ссылки на источники в тексте с указанием фамилии автора, года издания и цитируемой страницы заключаются в квадратные скобки [Иванов 1990: 25; Петров 2001; см. также: Сидоров 2002; 2003 и др.].

8. Литература/ References

Список использованной литературы дается в алфавитном порядке, начиная с русскоязычных работ. В списке литературы ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с

ГОСТ Р. 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка». В нем обязательно указывается год и место издания, издательство и общее количество страниц источника (для статей, напр.: С. 23-35; для монографий, напр.: — 256 с.)

Если источник имеет DOI, он указывается в конце ссылки

Ссылки на интернет-источники размещаются с полным указанием электронного адреса [Игнатенко URL: http://www.ec-dejavu.net/f/Fraud_Islam.html]. Автор несет ответственность за точность приводимых в его статье цитат и правильность оформления ссылок на источники.

ИСТОЧНИКИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ необходимо транслитерировать, используя для автоматической транслитерации программу BGN (Board of Geographic Names) на сайте <http://www.translit.ru>.

Прилагается также перевод списка литературы на английский язык. При этом название всей книги (монографии, диссертации, сборника статей, журнала) приводится также по-русски латинским шрифтом.

Образец:

Romanova, N.N., Filippov, A.V. *Stilistika i Stili* [Stylistics and Style]. М.: FLINTA, 2006. – 405 pp. (in Russian).

Liu Juan. Symbolism of Colour in Russian and Chinese Culture // *Inostrannyie yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Higher Education]. Ryazan: RSU named for S.A. Esenin, № 1(20) 2012, pp.94-98 (in Russian).

9. Сведения об авторах

Предоставляются следующие сведения:

- фамилия, имя, отчество автора (полностью, буква «ё» не должна заменяться на «е»);
- учёная степень, звание, должность и место работы (с точным названием кафедры и вуза);
- информация о месте учебы аспиранта либо соискательства автора (кафедра, вуз);
- адрес с почтовым индексом, все возможные средства связи, удобные для быстрого согласования правки (e-mail).

Научно-исследовательский журнал

**УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

Национальное общество прикладной лингвистики

Коллектив авторов

Подписано в печать 19.05.25. Формат 60х90/16

